

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

2 '86

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

даешь

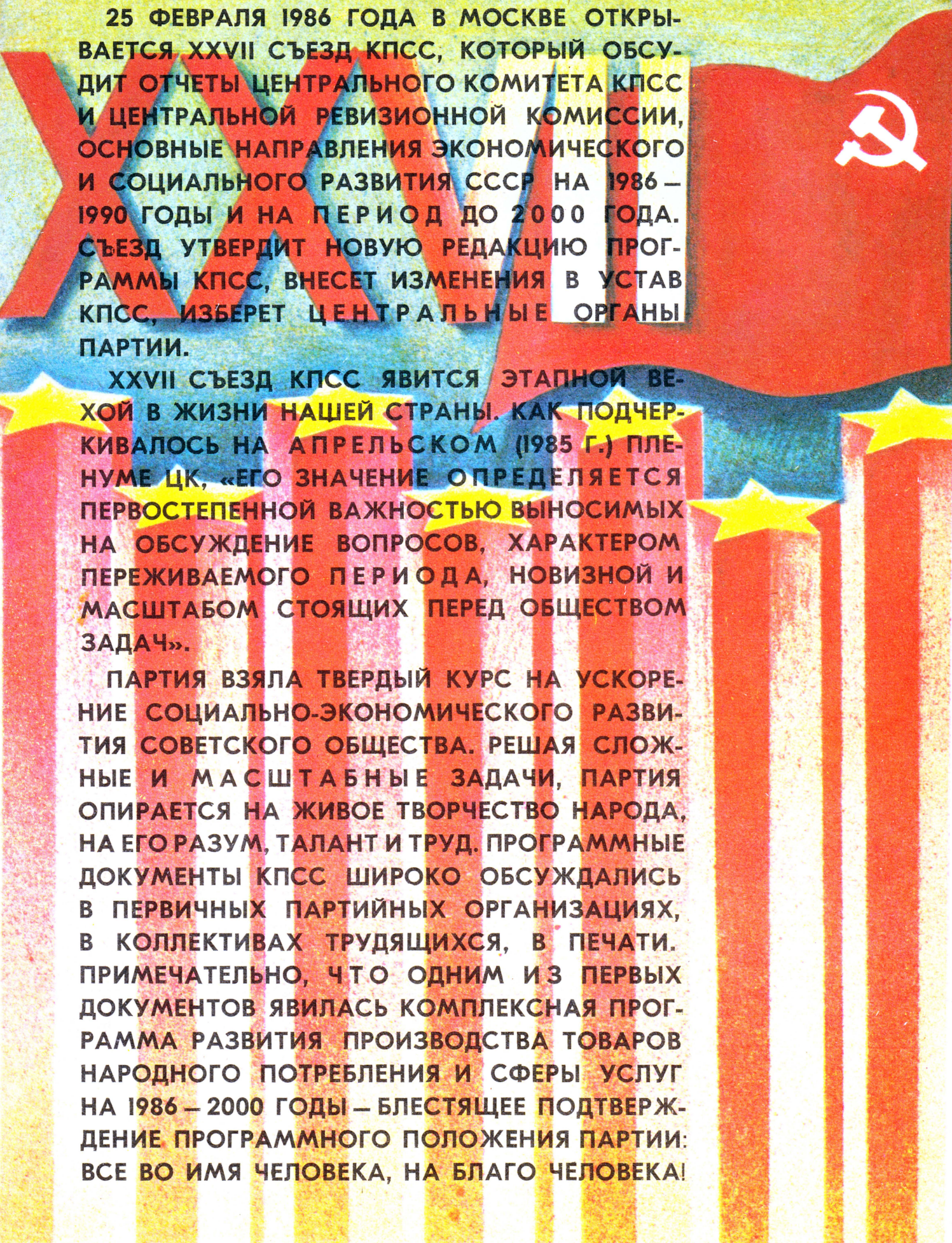
БАМ!

КАМАЭ!

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ

ПРОИЗВОДСТВА

УРЕНГО

25 ФЕВРАЛЯ 1986 ГОДА В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ XXVII СЪЕЗД КПСС, КОТОРЫЙ ОБСУДИТ ОТЧЕТЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР НА 1986 – 1990 ГОДЫ И НА ПЕРИОД ДО 2000 ГОДА. СЪЕЗД УТВЕРДИТ НОВУЮ РЕДАКЦИЮ ПРОГРАММЫ КПСС, ВНЕСЕТ ИЗМЕНЕНИЯ В УСТАВ КПСС, ИЗБЕРЕТ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПАРТИИ.

XXVII СЪЕЗД КПСС ЯВИТСЯ ЭТАПНОЙ ВЕХОЙ В ЖИЗНИ НАШЕЙ СТРАНЫ. КАК ПОДЧЕРКИВАЛОСЬ НА АПРЕЛЬСКОМ (1985 Г.) ПЛЕНУМЕ ЦК, «ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТЬЮ ВЫНОСИМЫХ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ, ХАРАКТЕРОМ ПЕРЕЖИВАЕМОГО ПЕРИОДА, НОВИЗНОЙ И МАСШТАБОМ СТОЯЩИХ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ ЗАДАЧ».

ПАРТИЯ ВЗЯЛА ТВЕРДЫЙ КУРС НА УСКОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. РЕШАЯ СЛОЖНЫЕ И МАСШТАБНЫЕ ЗАДАЧИ, ПАРТИЯ ОПИРАЕТСЯ НА ЖИВОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДА, НА ЕГО РАЗУМ, ТАЛАНТ И ТРУД. ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КПСС ШИРОКО ОБСУЖДАЛИСЬ В ПЕРВИЧНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, В КОЛЛЕКТИВАХ ТРУДЯЩИХСЯ, В ПЕЧАТИ. ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ДОКУМЕНТОВ ЯВИЛАСЬ КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ И СФЕРЫ УСЛУГ НА 1986 – 2000 ГОДЫ – БЛЕСТЯЩЕЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРОГРАММНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПАРТИИ: ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, НА БЛАГО ЧЕЛОВЕКА!

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

2 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

- В НОМЕРЕ:**
- 2/ Л. Сорокин
СЛОВО О ПАРТБИЛЕТЕ
 - 4/ «ВОЙДИ В ОГОНЬ, В КОТОРОМ Я ГОРЮ...»
 - 8/ В. Курамин
СТРОИТЬ И ЖИТЬ
 - 14/ Ю. Бриль
ГОЛУБОЙ СВЕТ ТУСАВЕЯ
 - 21/ Л. Козлов
ЗАБОТЫ ИЛЬИЧА
 - 22/ СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
 - 25/ Л. Макашина
РЕДАКТОР «УРАЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ»
 - 28/ И. Корниенко
ПИСЬМА ИЗ СЕДЬМОГО «Б»
 - 29/ Л. Голубев
ВЫБИРАЙ ДЕЛО ПО ДУШЕ
 - 30/ В. Булавин
ДОРОГИ МОЛОДЫХ
 - 33/ В. Данилов
ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ. Повесть. Окончание
 - 56/ В. Жилин
БЕГЛЕЦ. Рассказ
 - 64/ А. Ромов
РОТМИСТР АВИАЦИИ. Повесть. Окончание
 - 67/ В. Копнов
ШАГНУВШИМ В БОЙ СО ШКОЛЬНОГО ПОРОГА...
 - 69/ Л. Сергеева
КЛЮЧИ ОТ СЕВЕРА
 - 71/ С. Попов
НОВАЯ ВСТРЕЧА С ГОРОЙ ЯНЧЕНКО
 - 73/ Б. Зеличенко
СЛУЖИЛА... ПЕСНЯ
 - 75/ И. Малышев
СИМОН
 - 76/ Б. Шапов
«ПРИДАЛИ ЗДЕСЬ НАЗВАНИЕ...»
 - 78/ А. Трошин
КАК СОЗДАВАЛИ ПАРОХОДЫ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки — рисунок Ю. Буданова

Слово о партбилете

Лев СОРОКИН

1

Я беру партбилет—
Зоревую частицу,
К той заре свое сердце
Навек подключу.
Я беру партбилет,
Раскрываю страницы,
Чтобы прямо в глаза
Посмотреть Ильичу.

2

Он глядит на меня,
Большевик самый первый на свете,
С неподкупною строгостью
Смотрит, прищурясь, в глаза.
Он глядит на меня,
Словно ждет от меня он ответа:
— Очищает ли мир
Революции нашей гроза?

Отвечать Ильичу
Не имеем мы право
Словами,
Отвечаем ему —
Новостройками и целиной,
И в Голодной степи
Молодыми густыми садами,
И космической станцией
С алой октябрьской звездой.

Отвечаем ему
Светом атомных электростанций,
Трассой БАМа
И стуком колес
По тайге вековой,
Негасимую пляской
Мартеновских
Протуберанцев
И рекордом глубин,
Что достигнут
На сверхбуровой!
Отвечаем ему —
Мирным тоном кремлевских

рассветов,

Хоть любой,
Даже ядерный вызов
Стране по плечу.
Отвечаем и тем,
Что хранит, как святыню,

планета

Партбилет,
Что был выдан

в двадцатых годах

Ильичу.

3

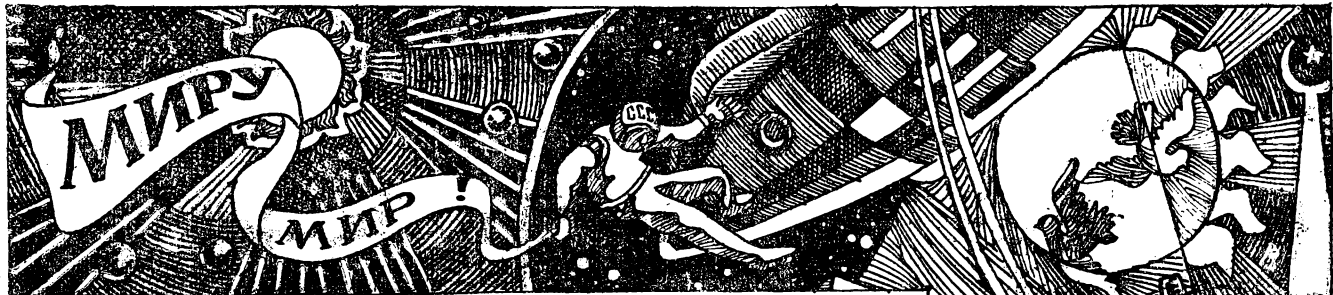
Я беру партбилет,
Зоревую частицу,
Нет, не просто билет,
А эпоху побед и тревог,
Я беру баррикад
Грозовые зарницы
И метельные дали
Кандальных дорог.

И крылатость единства
На Финском вокзале,
И штурмующих Зимний
Литое «Ура!»,
И весомость труда
На магнитном Урале,
Где в степи партсобрания
Шли у костра.

И беру я беду
Сорок первого года,
И декабрь под Москвой,
И решимость атак,
И в сиреневый май
Ликованье народа,
Над горящим рейхстагом
Победный наш стяг!

И степной Байконур,
Поднимающий в небо ракеты,
Возведенные в топях сплошных
Города.

Мы в ответе за это
В своих партбилетах,

Это все нам хранить
И нести сквозь года.

Это все умножать нам
Таковыми делами,
Чтоб земляне гордились бы
Нашей страной,
Чтоб:
«Считайте меня коммунистом!» —
За нами
Повторил бы когда-нибудь
Шар наш земной.

4

Партбилет мой —
Не щит от житейской невзгоды,
От забот и тревог
Налетающих дней.
И не пропуск туда,
Где на долгие годы
И места потеплей,
И кусок пожирней.

Партбилет
Как свидетельство
Первопроходца,
Как путевка туда,
Где сегодня трудней,
Где работа в глубинах таежных
ведется,

Зажигая созвездья
Дорожных огней.

Где в шоссе превращаются
Робкие тропы...
Где войне, как змее,
Преграждается путь.
Партбилет поднимает
на бруствер окопа,
Заставляет в смертельное
Пекло шагнуть.

Как шагали в гражданскую
Все комиссары,
А на стройках —

В прорывы —
Парторги ЦеКа,
Как шагали,
Когда полыхали пожары
И громить под Москвой
Надо было врага.

5

Ровно дышат цеха,
Колосится пшеница,
Мирный день
Разгорается
В горном краю.
Я беру партбилет —
Зоревую частицу,
Словно клятву отцу
Молчаливо даю.

Золотятся заводы
Над плеском Исеты,
В них монтируют
Новые дни и года.
И опять над Свердловском
Из облачной сети
Предраассветная вырвалась
В небо звезда.

Поднимает Земля
Над уральской столицей
Краснокрылый восход,
Как партийный билет.
...Я держу партбилет —
Зоревую частицу —
Всех побед
Отгремевших
И будущих
Лет.

Рисунки В. Казакова

«Войди в огонь, в котором я горю...»

РАССКАЗ ПОДРУЧНОГО СТАЛЕВАРА

НЕМНОГО О СЕБЕ. Александр Мухачев, год рождения 1959-й, первый подручный сталевара мартеновского цеха металлургического завода имени А. К. Серова. Родился, учился, женился — в Серове. Уезжал я отсюда только на два года, когда служил в армии. Группкомсорг бригады № 3. Наград высоких не имею. Биография самая обычная.

О ЗАВОДЕ. Наши уральские города, сами знаете, росли вокруг заводов. Они были сердцем округи. Наш металлургический и до сегодняшнего дня — главное, основное предприятие города. В музее нашем хранится медная плита, которую нашли в фундаменте поддоменика: «Собственно-ручно заложен сей сталерельсовый завод строителем его Главноуправляющим Богословским Горным округом горным инженером А. А. Ауэрбахом... Молебствие при закладке совершенно благочинным, протоиереем Стефаном Поповым...» — кстати, отцом изобретателя радио Александра Степановича Попова.

В конце прошлого века завод обеспечивал рельсами строительство великой по тем временам Транссибирской магистрали. С 1941 года наш завод был основным поставщиком высококачественного металла для нужд обороны страны. И сегодня он «питает» более двух тысяч предприятий. Представьте, каждый второй «Жигуленок» или «Нива» созданы из серовского металла... Нашу сталь ждут в 27 странах мира. Но, если честно, о масштабах того, что сделали мои земляки за годы существования завода, что делаю я сегодня, задумываться я стал совсем недавно. Повзрослел, наверно... А ведь было, что греха таить, в мыслях: «Уехать бы из этой «дыры» поскорее. Есть же большие города, «чистая» и денежная работа...» Спасибо бате: «Там,— говорит,— хорошо, где нас нет. Ты ведь еще по-настоящему-то и не робливал... Несерьезная работа только развращает. Пойдешь ко мне в мартеновский?»

ОБ ОТЦЕ. Батя мой, Владимир Николаевич, почти два десятка лет проработал сталеваром, да еще сколько в подручных был. У старшего поколения чему следует поучиться, так это уме-

нию самозабвенно любить свою работу. Батя человек известный в городе: был депутатом, восемь лет — членом обкома профсоюза. Сколько убеждала его мама: «Отдохнуть пора...» А он доработал до инфаркта — «скорая» из цеха увезла...

В шестидесятом батя поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум, а работал в литейке. Сталеваром только мечтал быть, а в литейном у него уже и разряд высокий был — семью-то кормить надо. На экзамене вопрос завалил — про печь Вельмана. Преподаватель: «Ка-ак?.. С металлургического завода — и ответить не можешь?!» А узнал, что не из мартеновского, припугнул шутя: «Ах ты, агрессор... Не перейдешь на основную нашу профессию — отчислим».

С тех пор и прикипел он к печи мартеновской. Это легенда семейная. Я вот все думаю: а что бы тот преподаватель сказал, когда инженера-металлурга или техника встретил бы в роли бармена или слесаря станции технического обслуживания легковых автомобилей, как бывает?..

К себе отец меня в шесть лет первый раз привел, сейчас помню — настолько был потрясен. Дома все разговоры и в будни, и в праздники — только о цеховых делах. Казалось бы, и мне сразу — прямой путь в мартеновский. Но после десятого класса отец дал мне «передурить». А уж после армии когда пришел, увидел отец — ни в чем я не преуспел, к себе взял. Как он сказал: «Беру по «блату» в мартеновский». Все бы по такому «блату» жили... Батя только эту его единственную форму и признает.

О ПЕРВЫХ ДНЯХ. И вот в августе 1979 года стал я третьим подручным сталевара у отца на печи номер восемь. Обязанности в этой должности простые: лопата, метелка и дежурство на «КП». Что за «КП» у металлургов?.. Да это означает — куда пошлют... Гогочут некоторые парни-ровесники, из тех, кто уже вторым, а то и первым подручным ходил: «Ну что, на полтинник намел сегодня за смену?» А я — очень серьезно: «Там, где один лентяй полтинник зарабатывал, я трешку имею — в шесть раз больше делаю». И то правда, трудно было, но работал без единого перекура.

Как отца подведешь, коли «по благу» взял — образования-то специального не было у меня. Сейчас понимаю: проверяли меня таким способом батя с первым подручным Валентином Алексеевичем Парфеновым. Не жидок ли, мол? .

Было и преимущество у моей третьестепенной роли в «огненных спектаклях» — я ведь мог тогда помогать в выполнении четко расписанных обязанностей и сталевару, и первому, и второму подручным. Было время оглядеться, понять, спросить. Учебники штудировал. Не обошлось и без розыгрыша... Как это, с новичком — да без розыгрыша?! На соседнюю печь сбегал разок с двумя ведрами за углеродом... В общем, хорошие университеты прошел.

Видно, «студентом» я не самым плохим оказался, раз через три недели поставили меня вторым подручным на пятую печь. А через месяц включили в комсомольско-молодежный коллектив Саши Никитина на первую печь.

О КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОМ КОЛЛЕКТИВЕ. Ипогда о КМК читаешь в газетах — извини за выражение, одни сопли. Да какие все дружные... Да как все вместе отдыхают и воспитывают друг друга с утра до вечера... А мне эти три года в КМК запомнились выматывающей все, без остатка, силы работой. Парни мы молодые, самолюбивые. Там, где другие опытом, ссоркой, приобретенной годами работы, брали, мы — силушкой да ватагой. Юшка из носу бежала, а за другими бригадами тянулись! Вот этим стремлением комсомольским — не уступить, план выполнить и перевыполнить — и я вместе с другими новичками воспитывался. Это поважнее любых призывов и слов.

Или другое. Вторую, что ли, всего смену только работал в этой бригаде и... во время экскурсии школьников решил этаким асом себя показать. Лихо работал, красиво — только бункер не закрыл и килограммов шестьсот ферросплавов на пол вывалил... Один лопаткой их перекидывал, а лето — жара адова... До сих пор этот «урок» помню.

Не буду говорить, кто да когда, но был такой случай. Закончилось как-то комсомольское собрание. Вышли мы за ворота завода, и один наш парень приостановился, вроде как прикурить. А сам успел комсомольский значок отстегнуть и этак — тихо в карман... Ребята заметили и, честное слово, как-то враз нам всем, кто рядом был, неловко стало. Будто рядом с тобой предательство совершено... Мы ему тогда же высказали все, что думали. А на другой день экстренное комсомольское собрание было, лучше всякого организованного прошло. «Дрянь» и «предатель» — самыми

ласковыми словами были. По мне, так частенько у нас конкретности нет на комсомольских собраниях. Обсуждаем «вообще», а не касательно личностей. В двадцатые и тридцатые годы с запалом, до хрипоты спорили, и рождалась истина.

...Парень-то этот? Работает у нас, и еще как работает. Недавно ему комсомольская организация рекомендацию для вступления в партию дала. Товарищеская взбучка пошла ему на пользу — вовремя лекарство прописали...

А насчет того, чтобы после работы встречаться, — с этим у нас туго было: у многих уж дети малые появились, не всегда выберешься.

О ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Бич всех профессий — пьянство. Что было, то было. Постановление правильное вышло. На собрании у нас шел разговор откровенный. Что мне понравилось: и руководители, и наши самые опытные сталевары говорили без всяких бумажек: «Именно мы должны показывать пример в ведении здорового образа жизни. Рыба гниет с головы... И какие бы мы красивые и правильные слова ни говорили сегодня, но если они не будут подкрепляться личным примером — грош им цена».

Партия накануне XXVII съезда вела с народом разговор по экономическим, социальным проблемам. Нельзя быть равнодушным, когда обращаются лично к тебе, твоим товарищам. Спрос с каждого сегодня стал строже, несмотря ни на чины, ни на звания. Принципиальный разговор ведется с каждым в отдельности, а не вообще, в массе, — вот это и создает особую атмосферу.

О РАБОТЕ. Сталевар — одна из самых важных профессий на земле. И история об этом свидетельствует, и сегодня по тому, сколько выплавлено стали на душу населения, судят о промышленном развитии страны. В нашем уральском краю сталеваром, по-моему, должен мечтать стать каждый мальчишка... Ан нет, не всегда получается. Может, народ хлипче стал, испытания огнем боится? А может, просто мало кто знает, чем сталевар занимается? Мол, грязная, чисто «лошадина» работа, и все тут... О процессе же сталеварения, мне порой кажется, даже учителя химии и физики в школах толком не знают. Нет чтобы сталевара на урок пригласить — может, мальчишек это бы увлекло? А то часто так: все разговоры про шмотки, друзья рассказывают, что где достали; учителя, радио, газеты бичуют вешним, а значит, опять внимание привлекают; в кино все герои одеты «фирмово», самый модный роман — «Универмаг», а отнюдь не пьеса «Сталевары»... Не удивительно, что конкурс в институте народного хозяйства — 15 человек на место, а па

металлургический факультет в политехническом — раз в десять меньше. «Непрестижно». А кто попытался поднять этот престиж?

Попытаюсь объяснить, в общем, что мы делаем. Сталь варим — это понятно, а вот как? Эта печь на ремонте — можно спецванну, в которой плавка ведется, увидеть. Вроде бы обычное корыто, от краев к середине углубляющееся, да? Как только 180 тонн стали здесь размещается — сам до сих пор удивляюсь... В передней стене мартеновской печи окна, здесь производим завалку — загружаем железный лом, руду, флюсы. Нет, не вручную, конечно, это завалочные машины делают. Опускаем заслонки и подаем максимум тепла, чтобы шихта прогрелась. Затем заливаем в печь расплавленный чугун и доводим массу до кипения. Вон, через порожек стекает... нет, это не лишний металл!.. Шлак стекает. Он помогает очистить металл от вредных примесей. Шлак должен соответствовать установленному химсоставу, иметь определенную консистенцию, достаточную активность. Сталевавар и следит за этим.

Он — вроде ЭВМ: приходят данные из лаборатории, и он должен мгновенно принять решение — что следует сделать, чтобы, допустим, повысить жидкотекучесть шлака, если не помогает повышение температуры?

Про легированную сталь все экскурсанты спрашивают. Можно с кулинарией сравнить. Что делает повар, чтобы фирменное блюдо приготовить? Добавляет специи, в ему только известных пропорциях. Так и здесь. Марганец, добавленный в сталь, делает ее более твердой, хром в сочетании с никелем — нержавеющей, кремний — упругой. Но обычно эти легирующие элементы — не в чистом виде, а в виде сплавов с железом — ферросплавов. Потом сталь наша разливается в изложницы — высокие такие чугунные формы. Вот... если упростить процесс донельзя, то это так и выглядит. Сразу все тонкости нашей «кухни» не поймешь. Я помню, год проработал и все удивлялся: и почему это сталевару сразу кандидатскую степень не дают? Вон сколько знать надо!

О «РЕЗЕРВЕ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ». Так у нас в шутку называют подменных сталеваров. Я-то не успел оглянуться, как уже в опытные записали. Вообще-то я — первый подручный сталевара Анатолия Дмитриевича Михеева. Наша печь четвертая — особенная: на ней два года Герой Советского Союза летчик Анатолий Константинович Серов работал. Так что ответственность еще та! А если приболел или в отпуске «шеф», то заменяю.

Осенью прошлого года первый раз заступил я сталеваром на смену. Волновался ужасно. Как

кошмар снилось, что 180 тонн бракованной стали выдал... «Перегорел», в общем, как спортсмены говорят. На работу пришел, а ребята спрашивают: «У тебя что, глаза, как фары у «скорой помощи»?..» Начал я у них под ногами мешаться... У каждого на печи строго расписаны обязанности: первый подручный желоб сталевыпускной и чугунозаливной готовит, второй — ферросплавы. Я же кинулся и то и это делать, вместо того чтобы просто контролировать... Как в тумане каком был от волнения. Пережгли металл, шлак по-настоящему не убрали...

Конечный анализ плавки через два с половиной часа делают. Надо домой идти, а я не могу, как на Голгофе стою... И точно, сообщают: «Брак». Начальник смены потом рассказывал: «Хотел тебя отругать, а лицо твое увидел — залепил словом витиеватым в никуда и успокаивать начал: мол, брак, да не совсем — у тебя просто другая марка стали получилась».

Как начинающий шахматист — играл и не знал, что новоиндийскую защиту применил... Знали бы вы, как я ребятам, начальству нашему благодарен, что не сломали мне тогда веру в себя. Потом я все, до мельчайших подробностей проанализировал, каждую минутку этой смены... Старше враз стал!

О ПЛАНЕ. Должен сказать, у нас в цехе и на заводе настроение совсем другое у рабочих, чем лет пять назад. До 1978 года план выполняли стабильно. Но завод-то как в XIX веке построен, так с тех пор лишь перестраивался да реконструировался на тех же площадях... Продукцию давали, а в техническое перевооружение средств вкладывали минимум. И наступил моментик... Это как спринтер наш знаменитый стометровку бегал — 10,0 секунды. Быстрее он уже не может — это его предел, а соперников в стране нет. Так примерно и у нас было.

Инженерными расчетами обеспечения производства тоже никто не занимался. А нет плана — нет премий, зарплата снизилась. Старики — на пенсию, молодые — за высокими зарплатами разъехались. Раньше в цех поступить — конкуренция была, а тут хоть бы «дыры» в штатном расписании залатать... И знаете, с чего началась стабилизация? С КТУ — коэффициент трудового участия во дворе изложниц внедрили (отсюда больше всего сбежало народу), и сразу стало ясно, кто есть кто. Потом все без исключения прошли переквалификацию, учебу. План нам немного скорректировали. Комсомольская организация перестала бумажками шелестеть — стала работать. И словно второе рождение произошло — ожили! В 1983 году первый раз план выполнили, в

1984-м — тоже. В первые два месяца 1985-го из-за сильных морозов нам мазут не доставили. Долг на заводе образовался. Но настроение у всех было одно — наверстать! В марте более тысячи тонн в счет долга наш цех вложил. Восстановили плановый график.

...Откуда все знаю? Парторг цеха Алексей Максимович Козлов лучше инженера все объяснил. Я считаю, если коллективу откровенно о причинах и недоработках говорить, то люди горы свернут. Сегодня одними гольими призывами типа «Давай! Давай!» дело с места не сдвинешь.

ОБ «ИДЕАЛЬНОМ СТАЛЕВАРЕ»? Я бы вообще поостерегся от таких крайностей... Лучше так: типичные черты сталевара.

Без технической грамоты — никуда. Я вот журнал «Металлургия» выписываю, графики-расчеты понять мне не под силу, а за новинками, применяемыми в нашем деле, слежу. Физическая сила тоже не мешает. Только это понятие относительное. Я вот и сам невысок, а Боря Некрасов мне вовсе по плечо, а работает за троих двухметровых!.. Значит, стержень, внутренняя сила еще должна быть. Рассудительность — немаловажно. Споровки одной мало, нужна и любовь к делу — может, это талантом зовут. Ну, и уметь работать с людьми надо. В погранвойсках меня научили ответственности, обязательности. Был «замком» там, по-штатски — заместитель командира взвода. Говорят, умею подход к людям находить, хотя это просто: убедить всегда можно только примером. Понять друг друга надо. В нашем трудном деле все это вдвойне важно — мы постоянно лицом к огню.

От трагического до комического это у нас точно — один шаг... Осторожным надо очень быть, сами понимаете. Как-то я зазевался — а брызги-то не от шампанского летят!.. — чуть глаза не лишился. Тут же с третьим подручным стали желоб для выпуска плавки готовить: я промазываю, он поливает водой из шланга. Чуть-чуть попало на меня, я ему и говорю со злости — еще от ожога не отошел: «Ты бы еще за шиворот мне налил...» А он понял это как просьбу — мол, охладиться бы... И давай мне «леднячок» заливать!..

О СМЫСЛЕ. Выпуск стали — зрелище необыкновенное. Вроде привыкнуть пора, а я всякий раз как новичок завороженный смотрю... Может, это в крови у человека с тех пор, как еще он огню поклонялся? Ведь мы, кто с мартеном свою жизнь связал, говоря высоким штилем, ради этих вот мгновений и живем... Работать, а потом увидеть творенье рук своих — это ты укротил море огня, заставил его работать на себя!..

На заводской комсомольской отчетно-выборной конференции вручили мне Почетную грамоту, сказали слова хорошие. Про комсомольскую мою работу вам в комитете скажут... Только сейчас не будь меня, комсорга, месяц, два — жизнь не остановится: ребята сами все понимают, подгонять ни в чем не надо. Да... так не об этом. Вот, говорят обо мне, мол, — продолжатель дела отца. Династия, считай, хоть я и металлург всего во втором колене. В этом вот звании и попросили меня перед старшеклассниками из подшефной школы выступить. Говорить — это для меня труднее, чем разделкой или лапкой орудовать возле мартена... Задумался я, растерялся даже. И вдруг вспомнилось: приезжал как-то к нам артист на завод. Читал сонеты Микеланджело. Я еще подивился: всегда его лишь художником считал — оказывается, еще и поэт. Так вот, прямо по сердцу резанула тогда одна строка:

«Войди в огонь, в котором я горю...»

Это — о нас, сталеварах. Нельзя без вдохновения, без огня в сердце укрощать огонь доменной или мартеновской печи... С этого я и начал говорить со школьниками. И ведь — слушали!..

ОБ ОБЫЧНОЙ СМЕНЕ. Ну, что сказать? Сегодня смена самая обычная. Заказ-задание на буровую сталь. На секреты мастеров раньше надеялись... А мы не один десяток марок варим — у нас на графике четко помечено, когда и что должен проверить. Наука точная, да и с опытом многое приходит — действительно, дыхание печи чувствуешь. Только посмотришь — и видишь, как кипит металл, как пузырится шлак, как искрится проба... Определяешь иной раз вперед экспресс-лаборатории, как идет плавка, что требуется добавить в печь. На глазок?.. Нет, в нашем деле риск не только не благородное, но даже и ненужное дело. Простые марки — 45, 35 — еще можно по излому угольника на глазок определить, содержание углерода — по кристаллам. А вот, например, боремся мы за экономию ферросплавов, они дорогостоящие: можно ведь набухать без меры марганца, а потом уменьшать его процент до необходимого, а можно — рассчитать!..

В общем, «экскурсия» заканчивается, ты уж извини. Сейчас настоящая работа начинается — говорить некогда. После смены, если надо, договорим.

Записал Владимир ОЛЕШКО

НАВСТРЕЧУ
XXVII СЪЕЗДУ КПСС

В. П. КУРАМИН
заместитель министра строительства
предприятий нефтяной и газовой
промышленности СССР

СТРОИТЬ И ЖИТЬ!

НА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЭТО СРАЗУ БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА — ВСЮ ТЮМЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ ПЕРЕСЕКАЮТ НИТИ ГАЗОВЫХ И НЕФТЯНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ. ЗА ГОДЫ ОДИННАДЦАТОЙ ПЯТИЛЕТКИ СООРУЖЕНА САМАЯ МОЩНАЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СИСТЕМА ГАЗОПРОВОДОВ ОТ УРЕНГОЙСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ. ЕЕ ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ — ОКОЛО ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ. В ЭТОЙ СИСТЕМЕ ШЕСТЬ ГАЗОВЫХ РЕК, ПРИЧЕМ ОДНА ИЗ НИХ — ЭКСПОРТНАЯ — ДОВЕДЕНА ДО ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ СССР.

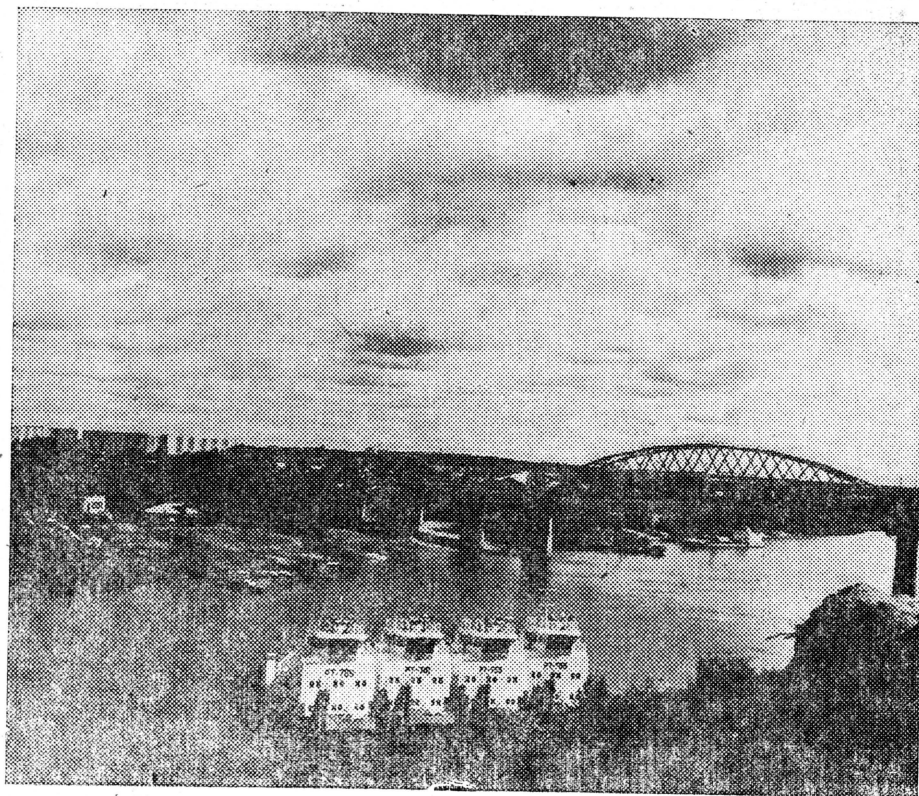
НЕВЕРОЯТНО, НО СИБИРСКАЯ ЗЕМЛЯ В СВОИХ НЕДРАХ НАКОПИЛА СТОЛЬКО ЭНЕРГИИ, СТОЛЬКО ТЕПЛА, ЧТО МОЖЕТ ОБОГРЕТЬ ВЕСЬ МИР!

— «Газовая река» — не просто образная характеристика трассы газопровода, — говорит Владимир Петрович Курамин. — За этим — уникальность, масштабность инженерного сооружения, огромная экономическая значимость. Взгляните еще раз на карту. Пять лет назад никаких «рек»

здесь еще не было. А теперь мы уже приступили к работам и по газопроводу Ямбург — Елец протяженностью более трех тысяч километров. Диаметр труб — 1420 миллиметров. Такие газовые магистрали сооружаются только в нашей стране. Сейчас строится железная дорога от Уренгоя в сторону Ямбура. Обустраивается новое гигантское газоконденсатное месторождение. Для его успешного освоения создан еще один главк — Главямбургнефтегазстрой.

— Кажется, в пятидесятые годы в Тюменской области было всего два строительных треста...

— Так было даже в шестидесятые годы. А сегодня в области более 130 строительно-монтажных трестов. Только в системе Миннефтегазстрой — 65. Их объединяют семь главков. Можно представить объемы капитального строительства. В 1985 году программа работ превысила 3,5 миллиарда рублей. Если вернуться назад, историю вспомнить,

то первая крупная организация — Главтюменьнефтегазстрой — была создана в 1965 году. Программа этого главка равнялась 45 миллионам рублей. 45 миллионов и 3,5 миллиарда. Разница ощутима?

— Вы считаете, что строители — главная движущая сила в развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса!

— В развивающихся районах главная роль, конечно же, принадлежит капитальному строительству. Да, геологи открыли и продолжают открывать новые крупные месторождения углеводородов. Но для того, чтобы полезные ископаемые использовались в народном хозяйстве, надо обустроить месторождения, промыслы, проложить трубопроводы, вдохнуть жизнь в необжитые места, создать нормальные условия для жизни и работы людей.

Особенно быстрыми темпами развивается газовая промышленность. Она улучшит структуру топливно-энергетического баланса страны за счет увеличения доли экономически и экологически высокоэффективного газового топлива, расширит сырьевую базу химической промышленности. Это даст выигрыш во времени для подготовки к более широкому использованию ядерной энергии, возобновляемых источников, для увеличения добычи угля открытым способом.

Сейчас разрабатывается Уренгойское газоконденсатное месторождение. Добыча газа приближается к проектной — сотням миллиардов кубометров в год. Газовики выполнили задание на четыре года быстрее, чем планировалось первоначальной проработкой проекта. За это время вырос и город Уренгой. Второй газопровод Уренгой —

Центр мы должны были закончить к середине 1985 года, а ввели его в строй к 40-летию Победы.

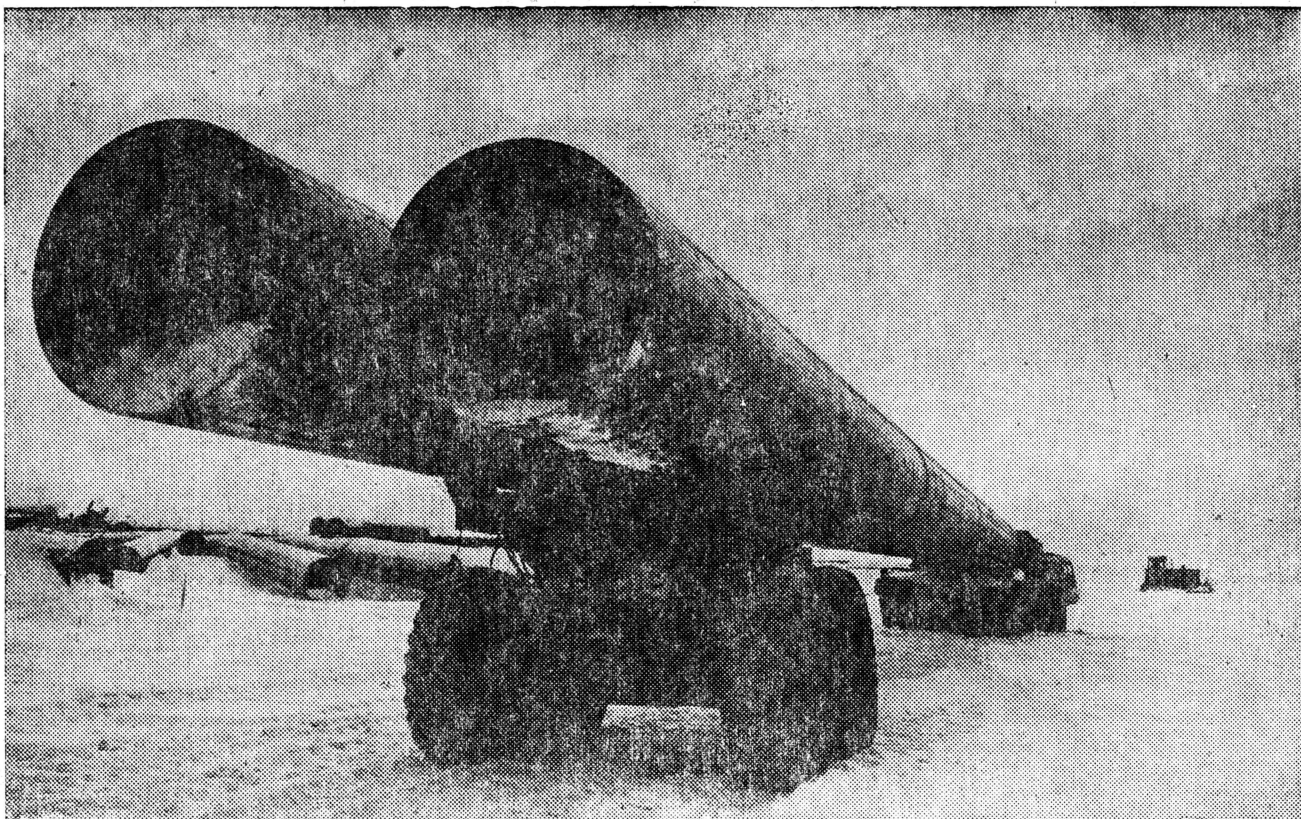
Возрастает добыча газа, открываются новые месторождения, и нам необходимо наращивать мощности строительных организаций.

— Это относится и к нефтяному строительству!

— Здесь темпы будут чуть ниже, но тем не менее в двенадцатой пятилетке предстоит освоить вновь открытые нефтяные месторождения. Для этого нам необходимо довести годовые объемы строительства до 6—6,5 миллиарда рублей. Словом, в создавшихся условиях наша организация должна расти быстрее, чем газовая и нефтяная промышленность.

— Какие новые методы берут на вооружение строители!

— Я и хотел подойти к этой теме. Представьте себе на минуту масштабы строительства. Смогли бы мы выполнить трехмиллиардную программу старыми, традиционными методами? Нам пришлось бы утроить количество работающих. Сегодня у нас коллектив в двести тысяч человек, а потребовалось бы минимум шестьсот тысяч. Жизнь потребовала от нас перейти к блочно-комплектному строительству, что позволяет сократить сроки в два-три раза. Сейчас приступаем к выпуску суперблоков весом 250—300 тонн. На их основе разработана документация на обустройство Ямбургского газоконденсатного месторождения. Если сегодня, например, установки подготовки газа на Уренгойском месторождении монтируются из

нескольких сот блоков, то такая же установка, а может быть, чуть большей мощности — на 20—25 миллиардов кубометров подготовки газа — будет собираться из 36—40 блоков. Схема такая: крупные блоки готовим в Тюмени, а затем — водой — транспортируем в Ямбург, к месторождению, с помощью платформ на воздушной подушке. Они будут устанавливаться на заранее подготовленные фундаменты, стыковаться и пускаться в работу, то есть практически процентов девяносто пять всех работ выполняется в заводских или полужаводских условиях. Остальное — на площадке. Сегодня такой метод просто жизненно необходим, так как мы выходим в очень сложные районы. Каждый промысел требует подсыпки грунта — строим искусственные острова.

— Кругом болота!

— Сплошные! И вот для того чтобы уменьшить объем работы и сократить затраты на подготовку территорий, наше министерство вместе с институтом Гипротюменьнефтегаз разрабатывает варианты проектов более компактных сооружений. Все-таки нефтепромыслы занимают еще большие площади, и требуется «сжать», приблизить объекты друг к другу. Существуют, например, варианты компоновки компрессорной станции и насосной в одном здании.

Интенсификация, на которую нацеливает партия и нас, строителей, возрастает и в трубопроводном строительстве. Решается проблема массового применения авто-

матической сварки. Дальнейшее развитие получают так называемые комплексные потоки.

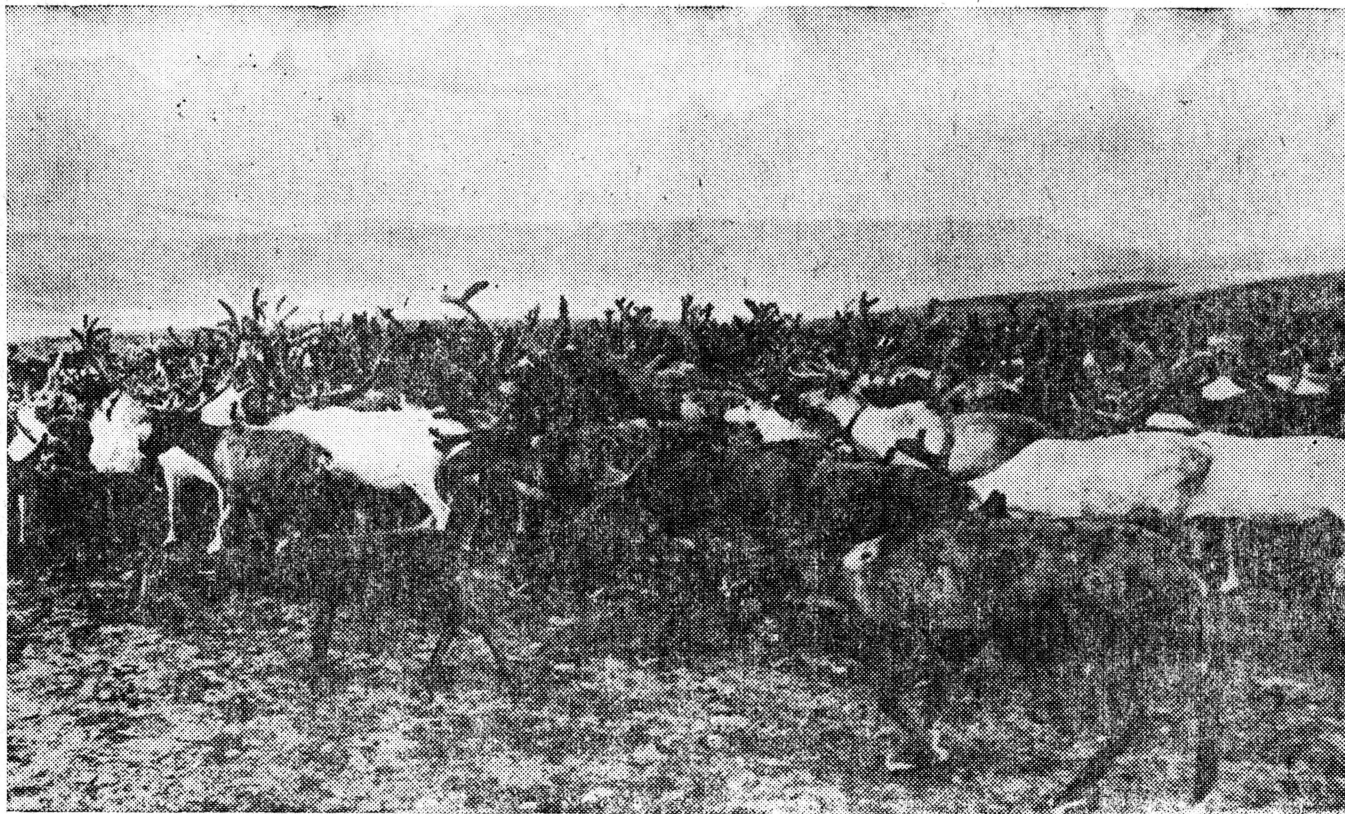
— Из чего складывается строительство крупных трубопроводов? Подготовка территории, то есть расчистка трассы, устройство лежневок, затем сварка трубы и рытье траншеи. Следом — изоляция трубы, ее укладка и засыпка. Конечно, сам процесс гораздо сложнее, но в основном — понятно, да? Раньше система была такая: земле-ройные работы выполняла одна организация, сварку и изоляцию вела другая, подготовку трассы — третья... Очень сложно было «состыковать» их, чтобы они работали на конечный метр.

— Интересное выражение!

— Дело требовало, чтобы все было подчинено конечному результату, чтобы была организована общая комплексная работа. В состав комплексных потоков мы включили представителей всех организаций, участвующих в сооружении трубопроводов. Бригады, а также инженерно-технические работники — на едином наряде. Получалась такая комплексная организация, у которой конечная цель — уложить, допустим, десять километров труб...

— Есть ли еще проблема?

— Да. До сих пор нет такой техники, которая позволяла бы продлить рабочий сезон. До 70 процентов терри-

тории Тюменской области, особенно в районах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, заболочено. Поэтому прокладка трубопроводов ведется в основном зимой. Конечно, и лето прихватываем, и раннюю осень, но техника не приспособлена для работы в летних условиях.

— Но ведь о машинах для Севера столько говорят, выставочные экземпляры существуют!!

— Модель — это не действительность. Пока таких машин нет. Есть мощная техника землеройная — экскаваторы, бульдозеры. А вездеходной нет. В дальнейшем от болот мы никуда не уйдем. И проблема новой техники остается.

— А как же ваша договоренность с Министерством судостроительной промышленности? Ведь обещали новый транспорт для перевозки блоков!

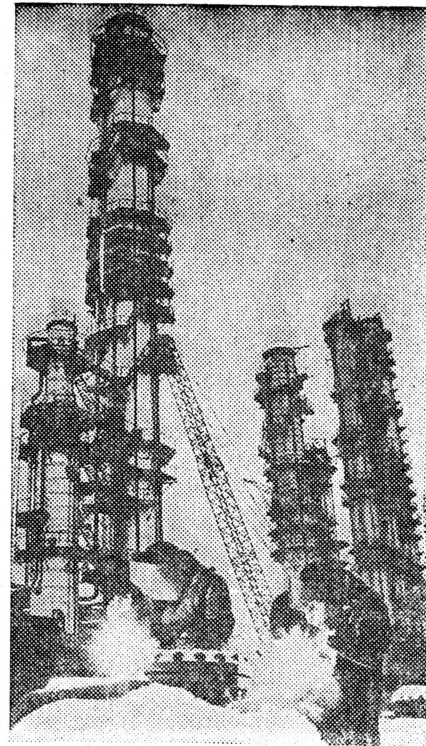
— Был такой разговор, но, к сожалению, вопрос пока не решен.

— За пять лет не решили!

— Нет, не решили; мы вынуждены перевозить грузы, грубо говоря, на самодельных баржах. Транспорт сдерживает блочно-комплектное строительство.

— Газ — экологически высокоэффективное топливо. Это «чистый» продукт. А чистота природы! Как вы решаете экологические вопросы!

— Сложное дело... Северная природа очень ранима, слаба, не приспособлена выдерживать натиск техники. Если человек будет хозяйничать без любви к ней, без осторожности, то можно причинить непоправимый вред. Развитие блочно-комплектного метода строительства способствует сохранению природы. Если бы объекты сооружались традиционным, пришлось бы строить огромные складские помещения, чрезмерно разветвленную сеть дорог... В районах старых месторождений, например в Медвежьем, природа практически восстановила то, что было нарушено в первые годы освоения, но восстановление такое идет очень и очень медленно. Десятилетия понадобятся, чтобы заново выросли лишайники. Не надо разрушать природу. Главное, особенно на Ямале, — предусмотреть, чтобы не оттаивала вечная мерзлота. Если мы будем строить, в том же Ямбурге, без учета природных факторов, могут возникнуть явления типа карстовых и ветровая эрозия. Оттаявшие грунты сильно разрушаются в период весенних паводков, поэтому наша задача — не допустить сдвигов в сложившемся равновесии. Сейчас мы пользуемся отечественным опытом строительства на вечной мерзлоте. Этой проблемой занимается Институт мерзлотоведения Академии наук СССР в Якутске, который возглавляет академик Павел Иванович Мельников. И в Тюмени есть свои разработки. На мерзлоте в районе

Лабитнанг, пристани в нижнем течении Оби, сооружается город... И зарубежный опыт используем. Все основные принципы сооружения объектов на вечномёрзлых грунтах у нас проработаны. Но задача полностью не решена. Эта проблема беспокоит и ученых, и практиков всего мира.

— Вот мы и подошли вплотную к науке. С какими исследовательскими коллективами вы сотрудничаете?

— Без научной основы мы не сдвинулись бы с места. Уже есть исследовательские институты, которые занимаются проблемами нефтяного и газового строительства. Что касается сварки, создания техники для контактной автоматической сварки трубопроводов большого диаметра, то здесь у нас давние и плодотворные связи с украинской Академией наук.

— Институт сварки имени Патона!

— Именно этот институт создал уникальную машину — сварочную установку Север-1 — для контактной сварки трубопроводов диаметром до 1420 миллиметров. Пешочком можно в такой трубе ходить, правда, согнувшись. При контактной сварке сводятся две трубы, между ними пропускается электрическая дуга. Получается стык высококачества. И — в считанные секунды.

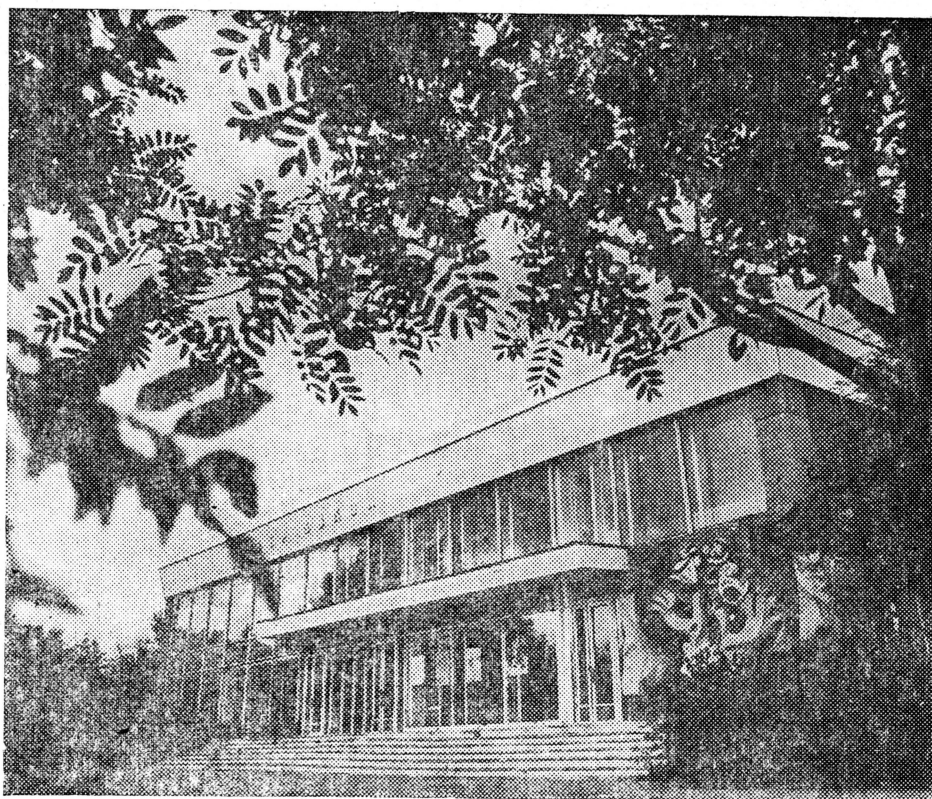
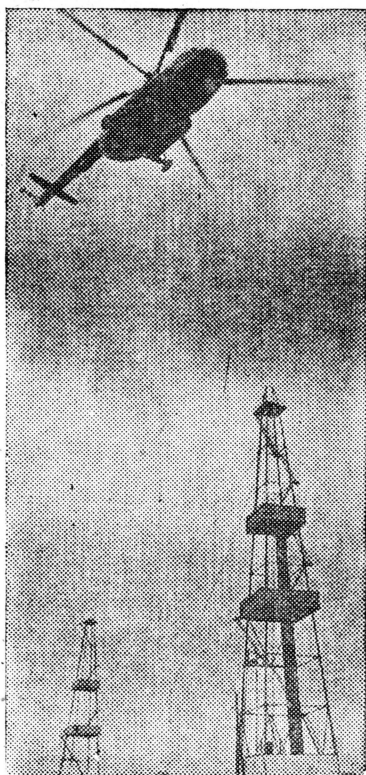
— Ваше министерство и Сибирское отделение Академии наук успешно сотрудничают...

— Надежные контакты установились с Институтом экономики и организации промышленного производства, которым до недавнего времени руководил академик Абел Гезевич Аганбегян. Многие разработки и рекомендации экономистов внедрены на предприятиях Миннефтегазстроя. В частности, структуру объединения «Сибкомплемонтаж» разработали по рекомендациям и советам Аганбегяна. «Сибкомплемонтаж» — это современное передовое предприятие. Оно не только выпускает продукцию — блоки. Его специалисты транспортируют блоки и ведут монтаж на строительных площадках. (Это новая форма организации труда.) Они же проектируют платформы на воздушной подушке. И организация своеобразного института заместителей министров на местах — заслуга экономистов-исследователей.

— Владимир Петрович, вы говорили, что в Тюменской области работает 65 трестов Миннефтегазстроя, объединенных в 7 главков. Управлять такой строительной армией очень трудно... Потребовалась перестройка системы управления!

— Да, было принято решение делегировать в Тюмень заместителя министра с тем, чтобы он курировал, координировал и управлял деятельностью организаций, работающих в области. Эту должность я занимаю уже два года.

Вообще, это новое явление в системе управления крупными территориально-производственными комплексами, каким стал и Западно-Сибирский нефтегазовый. При чем перестройка произошла не только в Миннефтегаз-

строе. Так, начальник Главтюменьнефтегаза одновременно — заместитель министра нефтяной промышленности. Работает здесь и заместитель министра газовой промышленности. Новая система облегчает работу по координации развития всего комплекса. Многие вопросы, особенно оперативные, которые раньше требовали согласия Москвы, мы решаем на месте.

Если обратиться к истокам нового явления, то идея принадлежит академику Аганбегяну.

— Вы руководите очень ответственным, уникальным и сложным строительством и стремитесь решать крупные проблемы малыми силами. Какая кадровая политика ведется у вас?

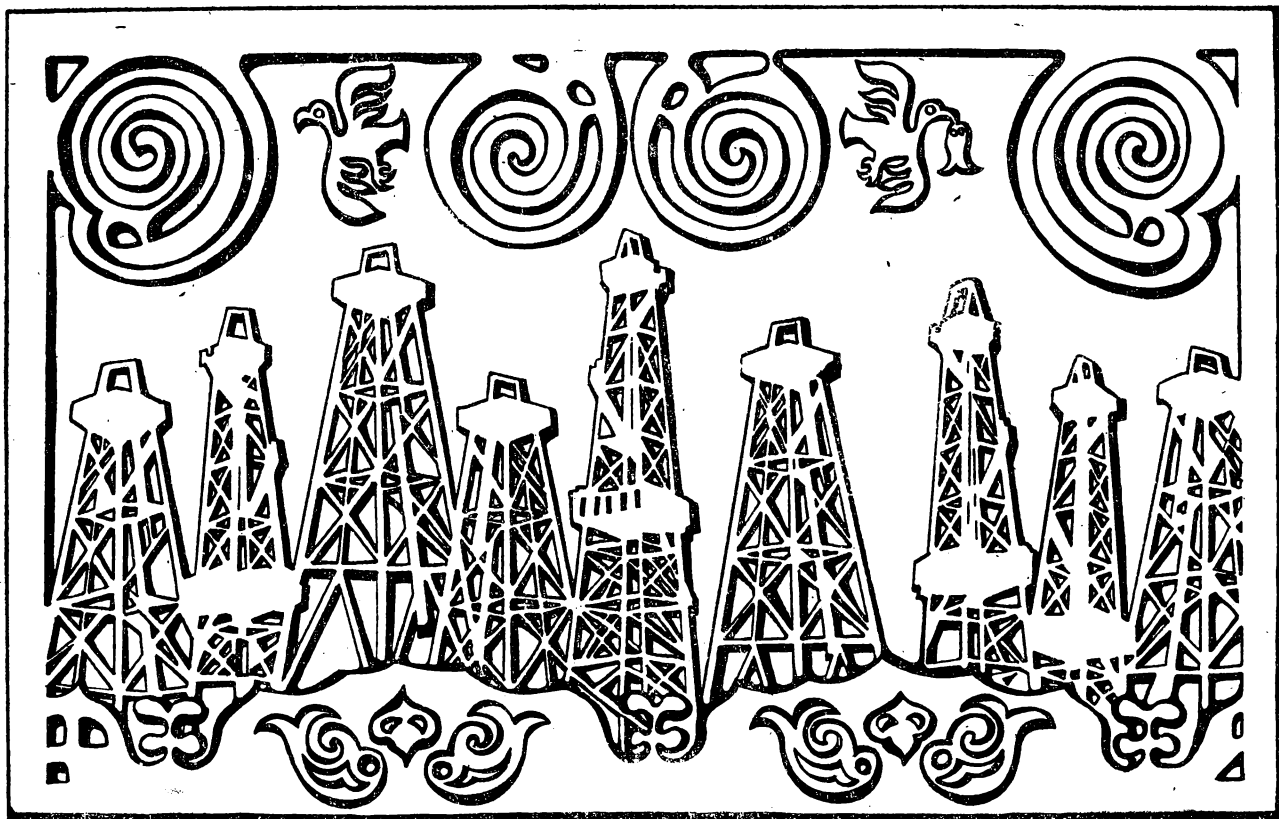
— Одна из главных наших целей — своевременное использование достижений научно-технического прогресса. И, естественно, мы стремимся к повышению производительности труда и сокращению количества работающих. Я уже упоминал, что если бы мы старыми методами строили, то нам потребовалось бы шестьсот тысяч рабочих. Но это, так сказать, количественная сторона. Я в вашем вопросе уловил и другое — вас интересует качественная сторона: квалификация рабочих. Все-таки объемы строительства каждый год наращиваются. И даже если не экстенсивными методами будет развиваться капитальное строительство нашей отрасли, то все равно потребность в кадрах не уменьшится. У нас несколько путей комплектования коллективов. Один из них — подготовка рабочих в производственных училищах. Очень развита сеть учебно-

курсовых комбинатов, здесь проходят подготовку буквально все, кто приезжает к нам на работу. Рабочий класс пополняется и за счет молодых людей, вернувшихся после службы в армии. Над нашей областью шефствует Центральный Комитет комсомола. Ежегодно в Тюмень направляются большие отряды комсомольцев. Вот и в минувшем году мы приняли почти восьмидесятысячный отряд. Кроме того, выросло население и в самой области.

Что касается инженерно-технических работников, то можно отметить интересную деталь. Если в первые десять лет освоения малообжитых территорий к нам приезжало очень много специалистов с Украины, Башкирии, Татарии, Поволжья, то теперь практически полностью формируем инженерно-технический состав за счет специалистов, прошедших высшую школу здесь, в Тюменской области. Есть у нас и свои стипендии, до семисот человек посылаем учиться. Многих — даже со школьной скамьи. Такие меры помогают нам привлечь молодежь.

Беседу вела Галина ШПАК

Фото И. Сапожкова

ГОЛУБОЙ СВЕТ ТУСАВЕЯ

Юрий БРИЛЬ

Рисунок Э. Баженовой

В давние времена жил на северной земле богатырь Тусавей. В пургу и в мороз, темной ночью он разжигал среди тундры голубой огонь, и ненцы в неприятной своей кочевой жизни грелись возле него. Но прилетела злая птица Минлей, увидела огонь и захотела его отнять. Много дней и ночей бились Тусавей и Минлей, и злая птица загнала богатыря глубоко под землю. Прошло с тех пор сто по сто лун, но большие никто не видел голубого огня Тусавея...

(Ненецкая легенда)

Напрасно Ямал жалуется на свою величину. Посмотришь на карте, сравнишь, ну, скажем, с сапожком Апеннинского полуострова, на котором разместились почти вся Италия, — едва ли он меньше. И тем более не покажется он маленьким, когда летишь над ним, меняя один попутный самолет на другой, когда трясешься на этом тихоходном летающем тракторе Ми-8 и смот-

ришь в иллюминатор на ровные, как стол, пространства, на речки, озера, овраги...

Вертолет трясет, словно телегу на ухабах. Снизилась. Колеса коснулись земли. Бортмеханик лязгает замками — хвостовая часть неожиданно разваливается по вертикали, широко распахивается в тундру. Тотчас возникают хваткие, с закуржавленными бородами парни —

падает на снег, катится бочка с бензином, рядом сплепаются оленьи туши и ящик с маслом, увесистые кирпичи хлеба, оплетенные сеткой...

И я выползаю со своим спальником, рюкзаком и ворохом полученной на складе ватной спецодежды. А вертолет, опустошенный пиратским набегом, исчезает... Летчики тут ценят время.

В десяти шагах от меня — балок станции. Дымится над крышей труба, полощется по ветру флажок, прикрепленный к мачте. На флажке значится: ЗГЭ (Заполярная геофизическая экспедиция), СП-26, поблекший контур белого медведя, спиральная северного сияния...

Вдалеке, а может не очень далеко, появился человек. По мере приближения он не вырастал из точки, как это обязательно бывает на Большой земле, а обозначился сразу вполне реальных размеров. Сначала он был весь черный на белом снегу, потом различился ладный ватничек с накидкой, бородастое загорелое лицо. Глаза закрыты солнцезащитными очками.

— Это твой начальник Сергей Назаров, — представляю мне его. — Старший сейсморабочий.

— Что это ты в конце сезона? — спрашивает он.

— Да я на месяц... Что-то вроде стажировки.

Закаменевший от морозов и ветров снег поет под ногами. Пим-пим-пим — ступаем мы. Обдутый ветром бугор искрится тончайшей сахаристой корочкой. Пим-пим-пим — тонкие, на самом высоком пределе, звуки. Но вот мы спускаемся в овраг, идем по голубоватому свещающемуся, отполированному струением поземки овалу — снег берет ноты грубее и ниже; а на самом дне оврага, где его навалило и напрессовало несколько метров, откликается хрипло и, отрывисто: гриб-гроб-гроб...

Снежные торосы — в бесконечном разнообразии стремительных форм. То они похожи на упрямо мчащиеся оленей, то на криво срезанные ножом неровные соты, то на мгновенно окаменевшую в беге волну. Тона их граней по-риховски контрастны, непримиримы: теплый, солнечный — и холодный, ультрамариновый, мгlistый. В красках, в графическом изломе — острота, борение стихий.

Назаров наклоняется, ставит прибор. Штырек прибора входит в снег с тонким металлическим писком. На некотором отдалении идут по колею еще трое: Ваня Плотников, Сергей Колесников и Шура Строгий.

За сезон отряду нужно пройти шестьсот километров. Пройти и поклониться земле через каждые три-четыре метра. И это только самое начало долгой и упорной борьбы за голубой огонь. Пройти и поклониться...

За какие-нибудь полдня я уже знал обитателей балки по именам, сложил о них какое-то представление. Теперь понимаю — довольно поверхностное.

Сергей Назаров в первый день нашего знакомства весь светился какой-то блаженной радостью. Просто распирало его изнутри... Что к чему? А письмо человек получил. Сам же я, кстати, передал. А в этом письме все необходимые слова, чтобы вот так светиться счастьем. Женился Назаров как раз перед началом сезона. Медовый месяц только и длился тринадцать дней.

Сергей Колесников представился мне поначалу человеком сузоватым и замкнутым. Регулярно перед сном он открывал учебник английского, замыкался на нем. Я заметил в нем одну странность. Начинает день клониться к вечеру — он обязательно улучит минутку, чтобы забежать в балок за фотоаппаратом и чиннуть заходящее солнце. Он утверждает, что закаты здесь особенные и каждый неповторим. Сразу можно было, конечно, заметить, что со светилым у Колесникова короткие отношения, свидетельство тому — щедрая россыпь веснушек, проволочно-красные завитки бороды. Но надо

было прожить с Колесниковым месяц, чтобы понять, какой черт в нем сидит, в этом с виду скромном человеке.

Про Ваню Плотникова подумал: этот любит ясность и определенность, поэтому рубит сплеча, не задумываясь. Да нет, оказывается, у него характер не прост: в любом деле обязательно надо ему докопаться до корня.

Шура Строгий оказался таким большим, под потолок, ребенком. Видели бы вы, как он обрадовался, узнав, что в грузе, который я сопровождал на вертолете, есть конфеты. Надо, конечно, понимать, что человек не пробовал конфет уже полгода.

Тут, в балке сейсморабочих, был и пятый житель: Ваня Кострома. Элегантный даже в ватнике, с профессорской бородкой. Войдя с мороза в балок, Ваня тотчас берет в руки гитару. Знакомыми показались мне его переборы. Ага, точно — самоучитель Ларичева, тот самый этюд Каркасси, который я сам когда-то одолевал, но, кажется, на этой странице и застрял. Ваня же уверенно перелистывает страницу, от одного этюда переходит к другому, «подверстывает» к этому анданте, упреждение в виде пьески и еще что-то, чего нет в самоучителе, какие-то свои колленпа. Под аккомпанемент Ваньных переборов движется балок.

Один профиль отработали — поехали на другой.

На станции идет своя работа. За пультом — Саня Лихванчук. Всего несколько месяцев в отряде, но, электронщик по образованию, он уже вполне освоился. Включил экран осциллографа, пощелкал переключателями: шумов нет, все каналы работают.

Ваня Кострома докладывает ему по радию:

— К работе готов.

— Рабстаем, — разрешает Саня.

Ваня поворачивает ключ — порх, доносится до станции звук взрыва. Видно в окно, как поднимается в воздух столб земли, расширяется на высоте и вяло опадает. И на осциллографе виден этот взрыв — зеленая линия разбегается хаотическими частицами. Включается реле времени, отсчитывает пробег импульса. Приходят во вращение катушки магнитных лент.

Длинноногий Ваня Кострома уже около другой скважины, подсоединяет свои проводки. Взрыв — снова крутятся катушки лент...

Глубоко в недрах прячется голубой огонь. Чтобы определить перспективную для бурения точку, геологи зондируют Землю сейсмическими на глубине трех километров. Магнитные ленты отправят в вычислительный центр, а там уже составится общая картина геологического разреза. Буровая вышка — сооружение дорогостоящее, так что лучше не ошибаться.

Газовая и нефтяная геология — статья особая. Интересно, конечно, бродить с молотком по горам, откалывать кусок минерала, размышлять... Леша Еговцев так и представлял себе свою будущую профессию до поступления в университет. А окончил, попал в сейсмопартию — понял, что решает все техническая оснастка, аппаратура. С помощью вот этой станции, датчиков с косами они прощупывают структуру недр, прикидывают плотность пород, конфигурацию геологических пластов. Листая отпечатанные в объединении сейсмограммы, Леша легко читает картину разреза:

— Видишь купол? Тут должна быть ловушка углеводородов, тут бы я поставил вышку... А вот на карте слом, граница горизонтов — Юрибейская моноклинали и Южно-Ямальский мегавал — место явно не пустое!..

Лучше не переспрашивать — делаю вид, что все понял...

Медленно движемся по кочкарнику, по гладкому

льду озера, через овраг, снова по кочкарнику... Начальник группы партии Юрий Васильевич Григорьев оседлал круглый стол, смотрит на входящую в окно тундру, проводит взглядом вешки, отмечающие профили. Чем не капитан дальнего плаванья?.. Вместе с флагманским переезжают на новое место балки столовой, механизмов, рабочих.

Так, от стоянки к стоянке, от профиля к профилю, прослушивая Землю, движется отряд. И пройдено уже немало. Работали на острове Белом и в следующем году снова забросят туда свои балки. А дальше что? Северный Ледовитый океан, полюс?..

Наверное, лет пятьдесят назад сама мысль искать в этих широтах нефть и газ показалась бы абсурдной. Тогда еще поверхностный лик Земли представлялся достаточно приблизительно. Давно разыграли страсти, быть наступлению на Север или не быть. Сейчас для всех очевидно, что решение было верным и своевременным. Нелегко было перешагнуть психологический барьер: Заполярье все-таки, как тут жить, разворачивать производство? Какие сюрпризы преподнесет здешняя земля?

Фонтан на Губкинской площади... Едва ли что-то подобное знает история нефте- и газоразведки. Фонтан выбросил из скважины бурильные трубы, сорвал вышку. Взметнулся столб огня, в образовавшийся кратер ухнула буровая установка, трактор и парокотельная. Бушевало пламя высотой сто метров и диаметром шестьдесят. И разлилось озеро, над которым бахромой трепетали голубые язычки. Плавился в округе снег, п собитые с толку куropатки мотыльками залетали в огонь, опая крылья. Утробный и всеобъемлющий гул стоял на многие километры. Полгода умирляли стихию прибывшие из Тюмени специалисты.

Такой богатырской оказалась мощь Тусавая.

И пошло одно открытие за другим... Уренгой, Ямбург и многие другие крупные и мелкие месторождения. Перешагнув в Заполярье, геологи работают на самой северной оконечности округа. И вот уже найдена нефть на полуострове Ямал, близ Нового Порта, открыты месторождения в районе Харасавая.

...Где же Назаров? Только что был здесь, на станции,— и нет. На смотке, где ему быть. Ваня Кострома еще не отстрелял, а опи с Шурой уже подкатывают к флажку, где кончается коса.

Привычное для них дело — мотать косы. Кажется, когда смотришь со стороны, — нехитрая штука. Коса скользит по борту, падает кольцом сзади Назарова в кузов смотки. Сама скользит, сама падает. Как дессированная... Назаров только подставляет раскрытые, в меховых рукавицах ладони, плавно разворачивается на пол-оборота.

Но встаю на его место — и сразу ощущаю тяжесть косы и ее длину. Оврагов нет куда, Николай Иванович Середняков и гонит трактор на пятый, а тут успевай перебрасывать, принаравливайся к скорости... Ни о какой пердешке речи быть не может. И мороз еще поджимает. Оставь для него хоть крохотную лазейку, забудь застегнуть пуговицу, завязать веревочки — мгновенно пропикнет, обоймет цепенящей хваткой. Заиндевшие ресницы слипаются, щеки лелеют, и нос становится чужим. Ужасно хочется потрогать его, убедиться, что он еще на месте. Нельзя — коса еще не кончилась. Назаров спасает мой нос, подменяет меня. Работая в паре с Шурой Строгим, они мотают без всяких замен, так же, как и Ваня Плотников с Сергеем Колесниковым.

Никакая усталость не берет Сергея Назарова, никакой мороз. Р-раз — разворачивается он на пол-оборота:

коса падает сзади него кольцом. Р-раз — коса скользит по борту, падает ему в ладонь.

Движение косаря.

...Р-раз — и никнет у ног Сергея подкошенная трава. Р-раз — разворачивается он на пол-оборота. Сколь-ко же ему было, когда отец впервые доверил косу? Лет тринадцать?.. Р-раз... Солнце еще высоко. По вискам, по пояснице струйками сбегает пот. В горле пересохло от сухого, с полей ветра. Слепни донимают. Косят у самой речки, в прохладной, затянутой ряской воде полощутся утки. Эх, вот бы сейчас плюхнуться в воду!..

Под вечер ноет поясница, он с трудом перешагивает высокий порог. Из чулана знакомо пахнет мукой, погребом, замшелым деревом. Мать заждалась работников, вот и молоко достала из колодца. Сергей пьет жадными глотками, проливая на грудь. Потом прикладывает старший брат Санька...

Так вот нахлынет на Назарова, вспомнит свои Подгоренки — враз бы собрался и уехал. Тянет порой домой, неудержимо тянет. Но вот идем как-то с ним по тундре, а он вздыхает:

— Э-эх, сколько земли пропадает! Засеять бы эту тундру пшеницей. Или лучше яблони посадить, белый налив, а?

А что, возможно, когда-нибудь... Но сам-то Назаров уже сейчас, за пять-то лет, прирос к тундре. Ведь только раз ее увидеть — и то проймает. Выйдешь ночью из балка, а небо полыхает. Сначала черно, лишь звезды покальвают. Но вот проступит белая линиялая полоса, начнет сгущаться, набухать, становиться ярче и ярче... И ударит всеми цветами радуги!.. Будто кто огромный прогянул к небесному куполу ладонь, вобрал в нее все лучи и бросил в другое место... Увидишь — и непременно попадет тебе в сердце осколок этого свечения. И потом, где бы ты ни был, будет тревожить и манить тебя этот край.

Отпуск кончается, и он летит сюда как на крыльях. Ему вдогонку письма, телеграммы... А оп: потерпи, дескать, Людмила, надо сезон отработать. В письмах своих он меньше всего про северные сияния — все больше свои практические соображения: денег надо заработать, чтоб был достаток, чтоб строить семейную жизнь основательно. И правильно мыслит. Пятеро их в семье. Родители всем не помогают.

А пока что он «косит» здесь, на Ямале.

Р-раз — коса скользит по борту, падает в раскрытую ладонь...

Последнюю косу разбрасывали в полной темпоте. Шестнадцатичасовой рабочий день в тундре на морозе кончился. И так — весь сезон, не зная праздников и выходных дней. Пурга — вот единственная причина для отдыха. Не то чтобы они пурги боялись: аппаратура не тянет, шумы шипят на магнитную пленку. Брак глать — самим потом переделывать.

Вечером Ваня Плотников с удовольствием проводит жирную черту на схеме, прилепленной над кроватью: конец профиля.

— Первого мая — «дембель», — прикидывает Назаров оставшиеся километры. Поправил висевшую на стене фотографию в затейливой рамочке-чеканке с вырезом в форме сердца, нырнул под одеяло.

— И я помчусь к синему морю, аж фуфайка завернется, — мечтает Ваня Плотников.

У каждого на лето свои планы. Колесников закидывает в печку еще угля, и весь балок погружается в молодой крепкий сон.

Семь утра, восемь, девять... двенадцать. А молодой крепкий сон продолжается. Сполз с пар Колесников, по-

шевырял в печке кочергой, выпустив злобное облако дыма. Бросил несколько лопаток угля, снова забрался к себе на второй этаж.

Натужно дует ветер, под его напорами гремит жесть, которой обит балок. Пурга — можно спать сколько хочешь.

Однако возможности организма, пусть даже молодого, не беспредельны. Уже час, пора бы и пообедать. Шура надернул ватник, пулей переметнулся в балок столовой, но вскоре так же, пулей, отскокетил обратно.

— Васильевны нет, — сообщил он страшную весть.

— Как нет? — тут же все окончательно проснулись, попривставали. — Поварихи нет?! Куда делась?..

— Вертолет вчера забрал, — вздохнул Шура. — На День геолога.

Вертелет действительно вчера был. По-воровски, с тыла залетел, опустылся на минуту — и нет его.

Конечно, для всех людей День геолога — праздник, а они что же?..

Делать нечего, надо воспользоваться хотя бы выходным, что им устроила пурга. Отчего бы, например, не помыться? Редко какой сейсмоотряд может похвастаться душем, сеймики больше в площадках моются. А ребята вот не поленились — соорудили душ. И эх, какое же это удовольствие — помыться горячей водой, когда за окном мороз и пурга! Шура накидал в бидон льда, легко закинул его на печку. Каждый, пока думался, занялся своим делом.

Ваня Кострома раскрыл самоучитель Ларичева. Ваня Плотников приволок с обвязки толстую доску, отпилил от нее кусок, достал инструменты для резьбы по дереву, затих в своем углу. Долго мучился с рисунком, наконец изобразил. Интересно было посмотреть, как блестящие, из ванадиева сплава стамески врезаются в дерево, как на глазах обрезок доски превращается в парусник, плывущий куда-то встречь ураганному ветру и волнам.

Начнет кто-нибудь придирааться:

— А почему волны такие? Это разве волны?

— Знаешь что, брат? — скажет Ваня, вытаскивая запутавшуюся в крестьянской бороде стружку. — На... и делай, как нравится.

«Брат» и в самом деле возьмет доску и инструменты — отчего не попробовать? А Ваню с толку не собьешь: если просят подарить — значит, годится.

Только Назаров не мог найти себе занятия. Очень грустный, мерил он шагами балок, потом подошел к зеркалу, долго разглядывал свое загорелое лицо: ба! нос облизит!..

Ваня Кострома отложил гитару, понаблюдал за Назаровым, подошел, копнул ему пятерней волосы:

— Э, брат, оброс-то как! Нехорошо...

— Подстриги, Вань.

— Валяй, садись.

Назаров сел. Ваня укутал его, как полагается, простыней, опасно зацелкал над ухом ножницами. Подстриг, поправил бороду — хоть фотографируй и выставляй портрет в парикмахерской для заманивания клиентов. Конечно, обмороженный нос несколько снижал впечатление. Но мастер успокоил незадачливого молодого человека: — Ничего, до «дембеля» заживет.

Шура Строгий затих со своей плутоватой улыбкой у газовой плиты. Вспорол несколько банок тушенки, поставил на газ кастрюлю со льдом, вскинул пару горстей сухой картошки. Затрещал на сковородке, вкусно запахнул лучок. Через полчаса был готов вкусный борщ.

Сварил, блеснул своим кулинарным искусством в честь Дня геолога, и все — basta. Перешли на хлеб и масло. Ни за какие коврижки Шура не согласился бы встать на место Нины Васильевны Мальковой, хотя не

исключено, что справился бы. Дело в том, что у него вполне официальное свидетельство повара четвертого разряда. Тут, в балке сейсморобочих, все побывали в армии, поэтому частенько возникает разговор, кому какая выпала служба. Шура обязательно учебку вспоминает, своего строгого подполковника Комарова, начальника школы поваров. Вот кто понимал толк в порядке!.. По ниточке раскладывали ножи и вилки на длинном армейском столе! Командирский голос Шура тоже в армии выработал, командя отделением. Ничего, справлялся: кормил три тысячи солдатских ртов.

Однако в армии не приходится выбирать профессию. Другое дело — гражданка. Демобилизовался, вернулся домой, в Гомель, и тут одна знакомая предложила: «Хочешь, Шура, в ресторан устрою? Будешь жить как у Христа за пазухой».

Шура крепко задумался. Ресторан — это не профессия. Лавировать между столиками? Не мужское дело.

Встретился как-то дружок: «Хочешь, Шура, стать человеком? Двигай со мной на Север!» Опять крепко задумался. А пока думал, успел еще сунуться на «Сельмаш» слесарем, ну и победокурить маленько: долго потом с участковым дружил... Тогда и решил: поеду на Север. Мать, однако, рубанула напрямик:

— Не вздумай вернуться через месяц! Чтоб нам за тебя не краснеть!..

Когда Шура предстал пред светлые очи начальника экспедиции Алексеева, тот повертел в руках его трудовую книжку и свидетельство повара, похмыкал, осмотрел все: рост под потолок, улыбается кроткой улыбкой младенца в ожидании все равно какого решения...

— Сейсморобочим пойдешь, — сказал Евгений Иванович. И, кажется, попал в точку.

Три кастрюли масла истаяли, а Нины Васильевны нет как нет. Тоскуют сеймики по Нине Васильевне, по вкусным ее борщам. Заметно с лица спали.

Больше всех, конечно, тоскует муж Георгий Афанасьевич. То и дело заглядывает на станцию:

— Связь была? Летают вертолеты?

И ровно в час, когда бывает связь, приходит, садится на нары, оглаживает свою, клондайковского старателя, бороду, слушает спящие, как бы здорово простуженные голоса эфира, требующие солярку, хлеб, мясо, взрывчатку, железяки разные для тракторов и буровых установок. Посидит, помолчит, скажет:

— Раньше «аннушки» при любой погоде летали. Арктические летчики, называется, к-хе...

— Работаете? — спрашивает оттуда Алексеев.

— Стоим, — отвечает Григорьев. — Повариху Малькову вы, это, думаете возвращать, нет?

Георгий Афанасьевич привстает, весь подается вперед.

— Ясно, — отвечает Алексеев. — Как только, так сразу...

После связи вваливаемся в свой балок, обстукиваем с валеном снег.

— Ну, что там барометр показывает? — спрашивает Плотников.

— Синее море, Вань, показывает. Песочек, пляж... — издевается Шура.

Вообще, смотрю, как мои новые друзья проходят испытание пургой, и начинаю понимать, что попал в отобранный коллектив. Мог попасть и в другой балок, где на стенках не чеканка и резьба, а арифметические столбики, где свободное время тратится на подсчеты будущего заработка, — есть такие балки, хотя и редки... Редки потому, что в этих арифметических столбиках обязательно содержатся ошибки: рубль оказывается всег-

да не такой длины, как предполагалось сначала. А если у человека весь интерес сводится к рублю, то его уже на Севере ничто не задержит.

Так вот и происходит отбор.

Их в балке пятеро, отобранных... Каждый со своей биографией, со своим характером.

С каждой пургой длинные пальцы Вани Костромы увереннее бегают по ладам. С каждой пургой Ваня Плотников вешает на стену новую работу. Отложит гитару Кострома — ею тотчас завладеет Назаров, Назаров отложит — возьмет в руки Колесников...

...Колесников лежит у себя на верхних нарах, учит английский и возмущается:

— Что за язык?! Пишется — так, читается — эдак!..

«Африка, мы любим тебя, Африка...» — поет магнитофон красивым негритянским голосом.

— Выруби, Назаров, надоело, — просит Колесников. — «Африка, Африка...» Ну и что, Африка... — он захопывает учебник, спускает ноги с нар. Шура внизу привстает, отодвигает в сторону нависшие, похожие на апельсины, колесниковские пятки.

— Жара, хуже нет, — поскребывая на груди тельняшку, сообщает Колесников. — Пока вентилятор дует, жить можно. Что интересно: точишь деталь на станке, стружка — бжик на тело, пошпиит и даже не обжигает!.. И вот в такой жаре, представь себе, простужались и болели. Болели... И судно тоже на корню гнило — только и чистили от ржавчины. А вошли в свои воды — и болезни кончились, и судно ржаветь перестало...

— Минус сорок восемь для организма, значит, легче? — подначиваю я. — Никаких болезней?

— Здесь болезней быть не может. Вымерзают микробы.

Как бы не так — вымерзают... Вон Ваня Плотников хлопает носом. Другое дело: утром встанет и пойдет на работу. Нет здесь врачей. И никто за него норму не выполнит, бригада и так меньше некуда.

— Ну, и где ты там был, в Африке? — интересуется Шура. — Африка большая.

— А был!..

Походил Сергей Колесников со своей плавмастерской... Был, к примеру, в Эфиопии, в Массауа — ремонтировали там наш плашкоут. Познакомился с негром, Миромом. Отличный парень, но конусы почему-то не умел точить. А чего тут сложного? Колесников научил, авось пригодится человеку. Хотелось ему поговорить с Миромом по душам про ихнюю эфиопскую жизнь, да разве через переводчика поговоришь толком... Тогда ему и стукнула мыслишка научиться английскому.

И был в Йемене. Во Вьетнаме был. Купался в Южно-Китайском море, видел брошенную американцами технику, колючую проволоку, казармы. Тоже кое-какие мыслишки возникали.

Плавал на Дальнем Востоке. Помощником машиниста водил поезд у себя на Алтае. Так он устроен: прыгь, ехать, летать — только не стоять на месте. А балок — тоже вроде кубрика...

Пер как-то трактор по цене, сзади него тельпался коробок смотки. Колесников чуть подправил ее, пропуская между унгов. Рядом — вся компания сейсмиков. У очередной вешки он спрыгнул, побежал по колее. Медная бородешка закуржавлена, в сосульках, ворот «арктического», на рыбьем меху, ватника распахнут, на груди тельняшка видна — три-четыре обязательные полоски... Бежит, высвечивает фонариком прибор, нагибается, устанавливает его — и дальше. Стильный разреженный воздух перехватывает дыхание, а Колесников поет:

Я приду и тебя обйому...

— Волк!.. — закричал вдруг Ваня Плотников. — Э-эй! Колесников!..

Если я не погибну в бою...

— Волк, волк!.. — уже орут все сейсмики.

Колесников и ухом не повел, продолжал двигаться своим курсом. Волк, вернее, огромный полярный волчище, приблизился к косе, промялся несколько метров вдоль нее, но — из своего волчьего суеверия — перешагивать не стал. Повернул голову к Колесникову — ладно, живи, паря, — и с достоинством удалился.

— Ты что, не видел его?! — спрашивали потом.

— А что?

— Как что — драпать надо было!..

— Нормальный волк. Посмотрел и ушел.

— Посмотрел: рыжий!.. Рыжих, говорит, не ем, — загоготал Ваня Плотников.

Да что там волки!.. Колесников и с парашютом прыгал. «Закрыв глаза — и как в воду. Пролетел немного — пум, парашют раскрылся...» Немало беспокоевства доставил Сергей своей матери, Полине Тимофеевне, своей неугомонностью. Как любая мать, пыталась она вразумить сына:

— Нашел себе занятие! Убьешься когда-нибудь...

— А другие водку пьют, — резонно отвечал ей сын.

На Большой земле Сергей и дельтаплан опробовал. Не сразу у него это получилось. Чуть взрвет — и вниз, тык носом в землю. А когда подняло вверх метра на три-четыре, возликовала его душа — «Лечу!..» Не заметил, как горы навстречу кинулись — пум-м! Ободрал лицо, кровинка так и летит... Утерся, снял парашютную каску — жалко каску, треснула. После таких уроков у многих жажду летать отбивало. Только не у Колесникова. Ветер дует — это хорошо, когда ветер. Летит — внизу лес, травка, заяц высочил из кустов, помчал сломя голову, потеха! Летит дальше — внизу огороды, поселковые картошку окучивают: «Гли, бабы, летит!.. Эй-бо, летит!» А он нажал на крючок, крючок веревочку потянул — застрекотала прилаженная к трубе кинокамера: мы еще кино прокрутим... Рулит ближе к домам, пацаны увидели, бегут, тычут пальцами в небо: «Летит, летит!»

А он все выше и выше забирает...

Арктика для него тоже — как бы выше и выше.

Здесь секретов друг от друга не держат — полнейшая откровенность. Но рассказы не только о себе. Есть особо популярные личности, есть случаи, о которых рассказывают на всем Ямале. Здесь каждый, я замечаю, прирожденный рассказчик.

Темы могут быть самые разнообразные. Заикнулся кто-то о миражах. Пожалуйста, вот вам история. Один чудак увидел в Харасавэе ледокол. Прибежал в поселок с моря: ледокол, дескать!.. Народ вывалил встречать, а ледокола нет... Ну, бывают в тундре миражи, что тут особенного.

Скажет кто-либо, что видел сегодня псаца, — следует серия рассказов о псацах. Белые медведи — можно о них...

— Под Мордыхой работали... Тут, недалеко, — рассказывает Георгий Афанасьевич Мальков. — Медведица пришла с двумя медвежатами... Ребята увидели, прыг в ГТТ — и за пей, поближе, значит, рассмотреть. Она от них: бонтис вездехода. Один медвежонок под мышкой, другого подхватит, шлепнет лапой — тот летит на десять метров. Догнали этого медвежонка, маленький, совсем шенок еще, в кабину сузули, покатали немножко, так он из белого в бурого превратился... Ну, выпустили, конечно, что с ним делать? На другой день вся семейка снова заявляется.

И вслед за тем — история о здешних фантастических охотничьих промыслах, о рыбалке, о переделках, в которые попадали люди...

Слушал бы эти истории бесконечно!..

— Работать надо! — начинает свой монолог Назаров. Интересно, к кому он обращается — все как будто не знают, что надо работать... Похоже, к потерявшей совесть пурге. Невероятно, но пурга прислушивается к его словам, перестает дуть.

Однако сколько же она понаделала лишней работы!.. Надежно позамела-позапрыгала сейсмические косы — теперь попробуй достань их из-под снега. По буграм, на открытой местности еще не так страшно: где руками, где трактором выдернешь, а в оврагах без лопаты не обойтись...

До самой ночи откапывали косы. Потом еще долго за полночь Леша Еговцев и Виталик Кривошей прозванивали тестером косы, ища повреждения.

Из белого, как яичная скорлупа, неба вылутился вертолет, без кругов и разворотов, по-деловому прострекотал и опять взмыл, ретировался тем же порядком..

— Васильевну привез,— с надеждой сказал Назаров.

— Обед успеет сварить,— сглотнул слюну Шура.

У балка столовой делал лихой вираж трактор Георгия Афанасьевича. Сидел он чинный, с тщательно расчесанной бородой, и трактор тарыхтел весело, по-молодому. Васильевна приехала...

..И был обед, праздничный, царский! С борщом, олеиной и компотом. Разомлев после обильной и вкусной еды, Шура Строгий признательно сказал Васильевне:

— И что вы только в эту Сяху ездили?

— Медаль получила на День геолога, за тем и ездила, — ответил за нее Георгий Афанасьевич.

— Ну, дела!.. Показывайте, Васильевна!

Все с удовольствием разглядывают медаль «За освоение Севера и развитие нефтяной и газовой промышленности...»

— А у Жоры тоже медаль есть, — приподняла авторитет мужа Нина Васильевна.

— Орден, — поправил Георгий Афанасьевич. — Орден Трудовой Славы. Вон у Григорьева тоже медаль... Много нас, награжденных.

Сколько же ими изъезжено за девятнадцать лет по тундре!.. В балке-столовой — все немудреное хозяйство Нины Васильевны. Да ведь приновиться надо с ним к бесконечным этим, по нескольку раз в день, переездам: дернет бадок, а кастрюли — брык, собирай потом с пола...

Возвращаемся к себе, и что же я вижу: Шура Строгий разглядывает большие солидные часы, рядом на кровати — грамота. Такие же часы и грамота — у Колесникова... Может, грамота для кого-то и не событие. Но Заполярье — это не Большая земля, здесь легче схлопотать «две горбатых», как говорят северяне, то есть 33-ю статью... Дисциплина жесткая, иначе нельзя. Любая халтура, любое пренебрежение могут иметь самые драматические последствия.

И надо было видеть, как обрадовался грамоте и часам Шура Строгий! Скучает по Шуре в Гомеле его друг, участковый инспектор, дела себе не находит. Как Шура объявится — так он его сразу на заметку, ходит кругами. «Как, Шура, дела? На работу думаешь устраиваться?» — «А я что, не работаю?» — «Не вижу что-то...» — «В отпуске я». — «Э-э, что-то долгий у тебя отпуск!» — «Северный... Отгулы еще накопились. Да вот справка, если не верите».

А теперь грамоту — не хотите ли, товарищ участковый?! Так-то!..

Иногда я поражаюсь невероятно мрачным предположениям: что было бы с каждым, не решишь он приехать на Север? Выходит, Север — как спасение?! Да нет, это они со свойственной им прямоотой и откровенностью сгущают краски, противопоставляя полюбившийся край и настоящую мужскую работу прежней такой-сякой жизни. Но, пораскинув мозгами, я нахожу и характерное, и типическое.

Настоящий, работающий Север, который я увидел на Ямале, делает свою пробу характера. Все поверхностное, наносное отпадает — остается суть. Тут заново пишется биография. Раскрываются самые лучшие человеческие качества, которые на Большой земле зачастую остаются не востребуемыми. Ведь столько парней с умными руками, не видя для себя дела по плечу, усыпают свою энергию алкоголем или находят для нее выход отнюдь не в добрых и полезных начинаниях...

— Оттепель... — сказал Шура, — минус тридцать.

Долгим стал световой день, и даже среди ночи нет полной темноты — чутко замирают над тундрой голубые сумерки. Только бы работать...

Черта тут поработаешь — овраги пошли!

Трактор корячится вверх, тянет смотку, кажется, порвет сейчас последние жилы и отдаст богу душу. Опять буксует...

— Лево давай!.. — выходит из себя Назаров. — Куда прешь?..

Николай Иванович берет влево, вправо... вперед. Полозья снова неотвратно ползут назад. Вперед — назад, вперед — назад... Терпение у Николая Ивановича лопается: он ударяет по газам. Гусьники начинают вьедаться в снег. Вот это уж зря. Забуксуешь — тут, в овраге, по самую макушку можно закопаться...

Стоп. Меняем короткий трос на длинный. Высвободившись от тяжелого груза смотки, трактор поднимается на бугор, трос натягивается, устремляется вниз. Смотка оголтело ныряет за ним. Но дальше открывается перспектива: еще овраг... И еще, и еще... Несть им числа, этим оврагам. И нельзя отвернуть. Здесь поставлены вешки, здесь профиль. Здесь, стало быть, надо раскидывать косу... Меняем обратно длинный трос на короткий, короткий — на длинный, длинный на... И, посылая проклятые овраги крутыми словами, странное дело, движемся все-таки вперед.

Ямальские овраги... Когда добирался в экспедицию, видел их с вертолета впервые. Бортовые печки здорово жарили, но глянул в иллюминатор — и зябко поежился: повеяло холодком чего-то непознаваемого, inferнального.

Именно в этих лихих местах, на 27-м профиле, погиб Аркаша Мустафин. Сколько же ему было лет? Двадцать пять?.. Не разглядел оврага — упал с трактором. Все произошло на глазах у ребят, но ничем уж они не смогли помочь. Тут такое бывает: как бы смыкаются земля и небо, белая мгла — куда ни посмотри...

Существуют, конечно, правила техники безопасности — целый талмуд их прочитаешь. Но сделай этот талмуд вдвое толще, все равно толку мало. И инженер по технике безопасности, молодой человек с чеховской бородкой, грустным лицом, на котором отпечатались все несчастные случаи в экспедиции, отнюдь не формально относится к своим обязанностям. Но вот начнет перебирать народ: кто под лед ушел, кто замерз, кто подорвался... увы, есть на Севере и такая печальная статистика.

Привыкли к тому, что Заполярье обживаем помаленьку, что народ у нас крепкий, выдюжит при любых условиях, — так помаленьку, незаметно снабжение ухуд-

шилось, арктическую спецодежду вытеснили обычные, какие можно получить на любой стройке, ватники. Унты — только в редких случаях, по началству. Но Арктика остается Арктикой, климат в ней пока что не изменили. Оглядеться бы: какая у нас экипировка, какая техника? Соответствует ли лучшим мировым образцам? Должна соответствовать. Это достойно наших людей и мощи недр.

...А приближение весны чувствуется. Не то чтобы ручьи побежали — снег по-прежнему сух и тверд, но солнце светит как сумасшедшее. Назаров принес в балок корешок с небольшим побегом, поставил в стакан. Чтобы вода не плескалась, в стакан, прихваченный к стене резиновым ремешком, натолкал ваты. Каждый день мы приглядывались к растеньицу, и, кажется, напрасно... Один только Назаров своим крестьянским глазом замечал, что крохотная почка на уродливо искривленной ветке копит силы и вот-вот выстрелит листком. Тогда же нашли в тундре распутившуюся вербу. На солнце — плюс один, в тени — минус пятнадцать... Распушилась одна только почка, вжалась в снег крохотным мышонком. Две другие на этой передовой ветке покуда осторожились.

Нельзя не радоваться весне. И то смотрю: трактор у Витьки Волжанина — железяка, а словно бы чувствует приближение тепла: с ним шабаш работам. На ладан дышал: все на проволочках да на тряпочках, а вот погляди ж ты, как молодецково бежит по тундре! Теплая на капоте рубашка выбилась из-под прижимной доски, скоро скатываются по промазученной ватной стежке капли влаги, вытопленные жарким дыханием соларно нутра.

Муха в балке появилась откуда ни возьмись... Чего она там жужжит у окна — прихлопнуть... «Нет, — постановил Назаров, — хоть маленькая, а все живность».

Но муху прихлопнули.

— Ты, Колесников?..

Взял на себя грех, душегубец. А ведь Назаров собирался произвести муху в почетные сеймики, поставить ее на довольствие и позволить летать по всему балку...

Время так называемой стажировки истекло, хотя мой вагник не очень-то поистрепался в работе. Еще какое-то время я вижу балок станции, ребят возле него. По здешним, ирреальным законам они не исчезают, не становятся меньше. И позже, в моей памяти, они не потускнеют, а какими вошли, крупными и яркими, такими и останутся. Не застывшими, как на фотоснимке... Пройдя с ними несколько десятков километров, зная, какие они, откуда шли, я пытаюсь сам найти вешки, по которым они пройдут в ближайшие два-три месяца, когда кончится полевой сезон...

Сергей Назаров помчится на свою поволжскую землю, к Людмиле и в родные Подгоренки. Подъезжая на попутном молоковозе, будет жадно вглядываться в распахнутые взору пшеничные поля, и глаза его, привыкшие к монохромным бело-голубым тонам, заслезятся от буйного, нестерпимо яркого многоцветья. Старушка соседка с завалинки окликнет: «Сережка, ты? Никак из тундры?» — «Из тундры, бабушка». — «Холодно там, скажут, лета-то вовсю не бывает?» — «Была-а, почему же». — «Брось ты, не ездишь больше, не уродывайся... Всех денег не заробишь...»

Мать выставит запотевшую бутылку молока, теперь уж не из колодца — из холодильника... И будет он ходить по двору, верить и не верить, что снова дома. Проведет рукой по влажным после полива и колким листьям редиски, нащупает в земле которую потопил, опо-

лоснет в бочке. Эх, до чего же хороша! И будет с душевным смятением созерцать простые в сущности, но такие совершенные творения природы.

Все станет привычным и домашним. Но когда пожелтеет пшеница, когда жаркое поволжское лето повернет к осени, воздух родных Подгоренок вдруг покажется пыльным, душным. Защемит тоска по тундре, по тамошнему северному братству... Хоть разорвись!

Ваня Плотников, наведавшись домой, в поселок Ая на Алтае, помчится к синему морю. Пока молод, надо ездить, смотреть. Тратить деньги, заработанные нелегким трудом. Но и забота у Вани есть: будет учиться рисовать.

Ване Костроме, судя по его рвению и по тому уровню, которого он уже достиг, играть в начале следующего сезона, по возвращении из своего Мозыря, по нотам Бетховена и самые сложные вещи Тарреги...

Шура Строгий — прежде всего домой, в Гомель. Оклемается немного, выйдет во двор. Обступят его прежние друзья: ну как, дескать, тундра? Сколько зашибаешь? Некоторым, конечно, захочется последовать его примеру, но Шура не будет торопиться давать адрес экспедиции и рекомендации, на которые он уже как кадровый рабочий имеет моральное право. Соберутся с бухты-барухты, уедут, а потом повернут назад, не доработав сезона, — красней за них.

У Сергея Колесникова дел будет невпроворот. Сначала, пока есть деньги, приобретет телекамеру. Мать, Полина Тимофеевна, узнав о его намерении и стоимости камеры, здорово огорчится:

— Ненормальный, целый год на эту камеру ерундовину работал. Шифоньер бы лучше купили, живем без шифоньера...

— А что, мам, туда складывать, в шифоньер-то?

— Вот я и говорю: купил бы себе костюм шерстяной, пальто новое, демисезонное... А то — камеру какую-то...

— А другие водку пьют, — выложит тогда свой последний козырь сын.

И мать, повздыхав, ничего не ответит.

Я даже не удивлюсь, если в начале следующего сезона Сергей Колесников объявится в отряде со своим новым дельтапланом... И, возможно, к нему подойдет Григорьев и скажет:

«Ты вот что, Колесников, выручай... Вертолеты, знать, не летают, а трактор у Малькова — ни тпру, ни но... Муфту надо и магнето. Дуй давай в Сеяну на своем аппарате».

«А кто за меня косы будет мотать? — спросит Колесников. — Ты, Виталик, будешь?»

«Ага, буду», — засмеется Виталик Кривошея, якобы соглашаясь.

«Тогда лечу. К вечеру буду».

Тут выйдет Нина Васильевна:

«Ой, Серега, — всплеснет она руками, — пурга ведь!» «Ни хрена!» — скажет Колесников и дернет, заводя аппарат, за винт.

«Ну, тогда масла прихвати! — крикнет ему вдогонку Нина Васильевна. — Коробку, больше не надо!»

Таким я его и представляю: в несерьезных, маленьких, выкроенных из какого-то марсианского меха унтах, в линялых штанах и треснутой парашютной каске. Грудь непременно открытая, видна тельняшка — две-три обязательные полоски...

Заботы Ильича

Лука КОЗЛОВ

13 ноября 1919 года ЦК РКП(б) опубликовал написанное В. И. Лениным письмо к партийным организациям «На борьбу с топливным кризисом», в котором, в частности, говорилось: «Топливный кризис надо преодолеть во что бы то ни стало, иначе нельзя решить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общественной».

Стояли фабрики и заводы, железнодорожный транспорт бездействовал. Во все это нужно было вдохнуть жизнь. Мог это сделать только каменный уголь, но где его взять?

В Донбассе шли бои с Деникиным, в Сибири хозяйничал Колчак. Подмосковный угольный бассейн требовал на реконструкцию огромных капитальных вложений. Поэтому В. И. Ленин обратил внимание на Челябинские угольные копи. Только они могли спасти республику от топливного голода: этот угольный район раньше других был освобожден от белогвардейцев и занимал выгодное географическое положение. Он находился вблизи главных коммуникаций, связывающих Сибирь, Среднюю Азию и Урал с Центром.

По указанию Ленина в Челябинск было направлено двадцать экскаваторов для усиления разработки добычи угля открытым способом. Получив и освоив экскаваторы, шахтеры копей удвоили свои усилия. В апреле 1920 года, к 50-летию со дня рождения В. И. Ленина, они добыли 269241 пуд угля! В телеграмме Ленину шахтеры писали:

«Дорогой товарищ Владимир Ильич! Мы, шахтеры, рабочие и красноармейцы Уфалейских копей Челябинского района, шлем тебе привет. Пусть станет лучшим для тебя подарком наша клятва удесятить выработку угля на поверхность, дав возможность в 51-м году твоего рождения увидеть громыхание заводов и железных дорог, которые дадут пролетариату всего мира радость и счастье, а тебе новые силы и энергию, с которой поведешь нас по намеченному пути к социализму».

Победа копейских горняков не осталась незамеченной. 7 мая 1920 года было принято постановление Совета Труда и Оборона, подписанное В. И. Лениным, где шахтерам была объявлена благодарность.

Челябинский угольный район сыграл свою роль и в ленинском плане ГОЭЛРО, в частности — электрификации Южного Урала.

Решение правительства о строительстве ЧГРЭС было принято в 1925 году. Летом 1927 года на окраине Челябинска появились первые строители. Накануне десятой годовщины Октября состоялась закладка главного корпуса электростанции, а 1 сентября 1930 года состоялась торжественный пуск Челябинской ГРЭС.

В наши дни на здании бывшей электростанции Челябинкопей установлена мемориальная доска с текстом: «В этом здании размещалась первая электрическая станция, снабжавшая Челябинские угольные копи и г. Челябинск, которая была построена согласно постановлению комиссии Совета Труда и Оборона от 17 марта 1921 года, принятому по указанию Владимира Ильича Ленина».

В 1931 году по плану ГОЭЛРО были построены Северо-Копейская, а в 1932 году — Южно-Копейская электростанции, действующие и в наши дни.

А вот еще одно свидетельство заботы Ильича о развитии Челябинских угольных копей.

На здании локомотивного депо погрузочно-транспортного управления производственного объединения «Челябинскуголь» установлена мемориальная доска с текстом: «Постановление Совета Труда и Оборона».

§ 5. Обязать комитет государственных сооружений достроить в течение полутора месяцев железнодорожную ветку между г. Челябинск и Копями протяженностью тринадцать верст и через две недели после сего открыть по ней временное движение. Председатель Совета Труда и Оборона В. Ульянов (Ленин). Москва. Кремль. 25 ноября 1921 года».

В этом постановлении есть и такие пункты:

«§ 2. ...Обеспечить Челябинские копи овсом в размере 15 вагонов ежемесячно для занятых на конях лошадей, число которых должно быть доведено до 1800 голов».

«§ 4. Предоставить Челябинкопям плотников на зимние работы до 500 человек, довести это число к летнему сезону до 1500 человек».

«§ 6. Челябинскому губисполкому предоставить к 1 января 1922 года Челябинкопям 400 квартир в г. Челябинске для размещения в них рабочих и служащих копей».

Читая документы, подписанные Владимиром Ильичем, поражаешься, какой титанической работоспособностью должен обладать человек, занятый важнейшими государственными делами полуразрушенной страны, чтобы находить время контролировать, к примеру, доставку экскаваторов в Челябинск. Думая о завтрашнем дне России, о плане электрификации ее бескрайних просторов, он не забывал подписывать распоряжения о выделении шахтерам полушубков, сапог и фуфаяк.

19 ноября 1920 года, по поручению В. И. Ленина, на Челябинских угольных копях побывал председатель ВЦИК М. И. Калинин. Выступая на митингах и собраниях, он передавал благодарность горнякам за самоотверженный труд и приветствие от Владимира Ильича.

Хорошо знают в Копейске семью потомственных шахтеров Бойко. Глава семьи — Андрей Алексеевич в 1907 году, когда открылись первые шахты промышленника Ашанина, пошел работать забойщиком. И после все его восемь сыновей и пять братьев составили целый шахтерский отряд.

— В те годы, — вспоминает Трофим Андреевич Бойко, — мне довелось работать на одном из экскаваторов, присланных по указанию В. И. Ленина. Экскаваторы были паровые. На одном из них и работал наш семейный экипаж. За двенадцать часов в топку экскаватора я перекидывал не одну тонну угля. А было мне в ту пору восемнадцать лет...

СЛЕДОПЫТСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ

УМ, ЧЕСТЬ,

Две жизни — два поколения

Звонок был из школы. Звонила учительница Елена Яковлевна Щеголова:

— Николай Николаевич, мы открываем школьный музей Заломова. Приходите, поговорите с ребятами...

Николай Николаевич Черпаков — персональный пенсионер, ему семьдесят лет. Долгая жизнь, и все в ней было, как у всех людей. И такое было — что не у всех...

В Суджанский райком комсомола молодого восемнадцатилетнего пареня Николая Черпакова взяли из местного колхоза, где он был секретарем комсомольской ячейки.

В райком комсомола часто заходил Петр Андреевич Заломов, было ему тогда уже шестьдесят лет. В глухой уезд Курской губернии он был сослан еще в 1906 году — за участие в первой русской революции, да так и прижился в Судже. Советскую власть устанавливал, был комиссаром труда в уездном совнаркоме, колхоз создавал, назвал его «Красный Октябрь». Долгие годы сохранялось это название, уже много позже разросшееся хозяйство стало носить имя XX съезда КПСС.

Кто в Судже не знал Заломова?! Один из первых российских рабочих-социал-демократов, сормовский пролетарий, ставший прообразом Петра Власова в романе М. Горького «Мать», участник трех революций и гражданской войны... Комсомольцы его от себя ни на шаг не отпуска-

ли — тут встреча, там агитбригада... Много общих дел было у старого большевика и молодого секретаря райкома.

В февральский с лютым морозом день Петр Андреевич пришел в райком и протянул Черпакову четверо сложенный листочек:

— Вот... Тебе. Сообщи потом, когда собрание будет, я приду.

Это была рекомендация: «Я, член ВКП(б) с 1925 года (номер партбилета такой-то), знаю Николая Черпакова по совместной работе...»

Шел 1938 год.

В сорок первом грянула война. Николай Черпаков учился в партшколе. Он даже не успел заехать домой, навестить родных — сразу на фронт. Молодому политруку приходили в часть письма от Петра Андреевича. Потом Суджу оккупировал враг. Заломов успел уехать в свой родной город, и письма стали приходиться из Горького.

Одно из них под названием «Письмо юному другу» было опубликовано 29 апреля 1943 года в «Комсомольской правде»:

«...Может быть, письмо застанет тебя в тот момент, когда ты со своими товарищами по оружию будешь готовиться в атаку на врага... В свое время, когда ты, воспитанник Ленинского комсомола, вступал в партию большевиков, я, твой партийный поручитель, был уверен в том, что ты мужественно перенесешь любые невзгоды, смело встретишь в лицо и смерть.

Как я завидую вам! Как бы я хотел вернуть свою молодость, свою силу. Ты, наверное, не согласишься

мне — я плачу от сознания того, что не могу вместе с вами драться с оружием в руках против злейшего врага нашей Родины.

В трудное время встречаем мы день 1 Мая. Но мы верим в окончательную победу над врагом. Вера в наше святое дело дала мне силу и мужество, когда я, свыше сорока лет назад, 1 Мая 1902 года, вышел с красным знаменем в руках во главе демонстрации сормовских рабочих. Навстречу мне двигалась цепь солдат и полицейских, готовых поднять меня на штыки. Но мои руки не дрогнули, и я не опустил знамени. Много лет прошло с тех пор. Три раза враги приговаривали меня к смерти. Но я никогда не сомневался в нашей победе.

...Пусть не найдется в твоём сердце места для жалости к врагам. Уничтожай этих зачумленных зверей!.. В этом и состоит мой отеческий наказ тебе.

Петр Заломов.

Бойцы и командиры в тот же день написали ответное письмо и клятвенно обещали выполнить наказ.

А ровно через четыре месяца, 29 августа 1943 года, в трудную минуту боя политрук батальона Николай Черпаков встал во весь рост перед вторым рядом вражеских батарей: «Коммунисты, вперед!..» Хлестнул огонь, пламя вспыхнуло прямо перед ним, и это было последнее, что он помнил.

В полевом медсанбате Николая выходили. Он узнал, что бойцы поднялись за ним как один и выбили фашистов из второй траншеи, что он награжден медалью «За отвагу».

● Музей боевой славы политбойцов, комиссаров и политработников открыт в средней школе № 170 в Горьком. Материалы музея посвящены подвигам автозаводцев; экспонируется полный список политбойцов, ушедших на фронт добровольцами в первые дни войны.

● 23 000 тбилисцев, павших в Великую Отечественную

войну, названы поименно в «Книге Вечной Памяти», изданной в Грузии. В следующих томах предполагается дать анкетные данные всех погибших граждан республики. Списки составлены с помощью работников Государственного исторического музея Грузии, Музея Дружбы народов, республиканского военного комиссариата, школьников-следо-

● Знамя 246-й Шумской стрелковой дивизии разыскали через архив Министерства обороны СССР следопыты 2-й школы-интерната города Андропова и передали в городской музей на вечное хранение. Школьники нашли также знаменосца — рядового В. М. Некрасова, который пронес знамя дивизии с первых до последних дней войны.

● Бывший комиссар батальона разведки одного из белорусских партизанских соединений В. И. Кондратенко передал в музей партизанской славы Золочевской школы № 2 Львовской области свой офицерский планшет. В 1944 году в Парчевских лесах на территории Польши лейтенант Кондратенко вел на задание группу подрывников. Задание было выполнено — вражеский

СОВЕСТЬ, ДОБЛЕСТЬ

Но воевать дальше не мог: ему ампутировали ногу и отправили в тыловую госпиталь. В город Горький...

Долго удивлялся капитан Черпаков: сколько же тыловых госпиталей в стране, а он, как по заказу, угодил в Горький!

— У меня к вам просьба,— обратился он к молоденькой медсестре.— Вы знаете Заломова?

— Петра Андреевича? Как же!
— Хочу вас попросить сходить к нему домой и передать, что в таком-то госпитале находится Николай Черпаков. Вот адрес...

...На следующее утро в палату зашли двое: Петр Андреевич и его жена. В руках у Заломова был букетик цветов.

Обо всем этом и рассказал ребятам суджанской школы персональный пенсионер Николай Николаевич Черпаков.

...Из госпиталя он выписался через год. Вернулся в Суджу, вновь — на партийную работу. Сорок лет заведовал отделом в Суджанском райкоме партии.

Петра Андреевича Заломова не стало в 1955 году. Имя революционера, большевика, коммуниста заслуженно внесено в энциклопедию, в историю партии. Но есть и другая память: о ней свидетельствуют музеи П. А. Заломова в Судже, в Горьком.

Две жизни — два поколения... Вот и еще одно поколение узнало о многолетней дружбе этих людей, в судьбе которых отразилась биография страны, сплелись святые и яркие страницы ее истории.

зшелон особого назначения взлетел в воздух, но партизанам пришлось принять бой, в котором Кондратенко был ранен и затем отправлен в госпиталь. Планшет комиссара долгие годы хранил поляк Эдвард Гранчевский. Судьбу планшета выяснили польские пионеры из Парчева и следопыты Золочевской школы, ведущие между собой переписку.

● В школе маленького хутора Упорников на Хопре есть музей, материалы которого рассказывают о четырех генералах, уроженцах хутора: В. А. Семенове, Г. В. Иванове, И. И. Сергееве и П. И. Сысоеве.

● На месте гибели неизвестного экипажа колхозники села Преградного в Ставрополье установили памятник. При двух погибших летчиках

Память об отце

Иван Сергеевич Васильев — коренной ленинградец. В детстве любил он слушать рассказы отца, революционного балтийского матроса, который служил сигнальщиком на эсминце «Гавриил». Но чтобы самому быть военным — об этом не помышлял. Время было мирное, жизнь намечалась хорошая, да и стала такой. Сначала — «фабзайчонок», затем токарем стал Иван Васильев. Когда была уже семья и двое мальчишек, Иван Сергеевич работал секретарем парткома Ленинградского граммофонного завода. Работа ответственная и хлопотная, но по всем статьям мирная.

В тридцать девятом году он еще возил новый патефон в Кремль — представлял новую продукцию своего завода, и опять же не было ничего мирнее этой техники... А через два года Иван Сергеевич Васильев уже шагал военными дорогами. И только полевая почта связывала его с семьей.

В марте сорок третьего года пришло жене последнее письмо. А следом еще одно... «Во время боевых действий в местечке Хотмыжск около города Грайворон ваш муж, будучи заместителем командира батальона по политической части, попал в окружение превосходящих сил противника. Бой длился несколько часов, и ваш муж вместе с другими бойцами и командирами неоднократно отражал атаки противника. При перебежке с одного фланга на другой его сразила пуля вражеского автоматчика. Так перестало

биться сердце большевика-командира... За него товарищи отомстили — врага уничтожили и приказ выполнили».

Выросли сыновья. Поехали в село Хотмыжск — искать могилу отца. Много могил... А такой, где был похоронен батальонный комиссар Васильев, — нет. В апреле 1979 года вдруг пришло письмо от хотмыжских следопытов — приглашают Васильевых на празднование Дня Победы. И тогда-то, на холме, изуродованном взрывами и траншеями, увидели сыновья на мраморной плите фамилию и инициалы своего отца.

...В семье ленинградцев Васильевых хранится пачка писем с фронта. И еще — в память об отце, не вернувшемся с войны, хранится патефон. Старый, довоенный патефон...

Такая была должность

Когда Петра Францевича Богуцкого избрали секретарем парткома колхоза «Завет Ильича», он начал свою деятельность с того, что побывал в домах всех фронтовиков и в семьях погибших — не нужна ли помощь? Вместе с сельскими следопытами разыскал тех, кто освободил село во время Великой Отечественной войны, устанавливал таблички на домах ветеранов, организовывал праздники Дня Победы.

Уборочная страда — самая горячая пора. Убрать хлеб, успеть облачить погоду... Богуцкий везде успе-

обнаружены документы, томик Ленина в красном переплете, часы. На часах надпись: «Рига. Фонарев Николай Иванович. г. Горький». Часы «Кировские», Московского завода.

● По этикетке на консервной банке следопыты Цхинвальской школы № 3 нашли место гибели своего земляка. «Изготовлено в поселке Джатиево Ленинградской

области», — значилось в этикетке. На письмо грузинских ребят ответили ленинградские следопыты: да, поселок носит имя героической погибшего комиссара 142-й стрелковой дивизии Д. Е. Джатиева.

вал, днем и ночью он всегда был на виду у людей. «Управятся без меня» — такой мысли Петр Францевич не допускал. Надо — и грузил со всеми в ночную смену зерно в автомашины. Надо еще где помочь — мчался туда. Даже чтобы просто поблагодарить людей за самоотверженный труд...

...Его машина мчалась по проселочной дороге, когда фары высветили впереди две фигуры и велосипед, обложенный мешками. Зерно!.. Секретарь парткома затормозил, вышел из машины и приказал двоим остановиться. Ударили ножом сразу, внезапно, — сначала в спину, затем в грудь. Его нашли очень скоро, но спасти не удалось...

Похоронили Петра Францевича Богуцкого в родной херсонской земле. Он разыскивал солдат, погибших при освобождении села в войну, а сам погиб в мирное время. Погиб как боец, пошедший в атаку и не избежавший смертельного боя.

Святыня школы — музей

Есть в Рогачевском районе Белорусской ССР поселок под названием Ильич. Основное предприятие в поселке — фабрика первичной переработки шерсти. Целые поколения поселковых жителей работали и работают на ней. Немудрено, что и многие выпускники школы идут на родное предприятие. Только за пять последних лет на фабрику принято сто восемнадцать выпускников Ильичевской школы. Они все становятся профессиональными рабочими и очень многие — коммунистами. Для этого есть особая причина.

Вот уже двадцать четыре года существует в школе народный музей В. И. Ленина, который стал центром идеологической работы в поселке. Когда-то старейший деятель Коммунистической партии, соратник Ленина Е. Д. Стасова писала учащимся-ильичевцам: «...Вы все воочию видите, какое это большое и нужное дело, как много помогает все приобретенное своими руками и сами заботы о новых и новых делах музея. Право, молодцы вы, ребята!»

Сегодня в музее насчитывается 6000 экспонатов. За все годы существования его посетили пятьсот тысяч человек!

«Я бы хотела стать маленькой русской девочкой, чтобы только учиться в вашей школе» — эту надпись, наряду с многими тысячами других, оставила в книге отзывов студентка из Франции.

Есть у ребят наставник

...В январе сорок четвертого его принимали кандидатом в члены партии. Парткомиссия встала в тупик: парню нет восемнадцати. В партию его все же приняли, но постановили: партийный стаж отсчитывать по достижении совершеннолетнего возраста. В боях на Одере он был уже коммунистом.

Тридцать с лишним лет отдал армии Николай Лукич Малюшенко, военрук школы № 3 Первоуральска. Есть среди выпускников школы ребята, которые ему особо дороги: приезжают в отпуск те, кто служит в армии, навещают во время каникул курсанты военных училищ — те, кто пошел по его стопам...

Четыре года назад в школе открыт музей. Первого сентября приходят сюда и родители: есть на старых фотографиях знакомые лица, есть в списке павших родные фамилии...

Николай Лукич Малюшенко в своем тесном кабинетике все время без устали что-то чертит, рисует, проявляет снимки — ведь музей пополняется. Он сам привез землю из городов-героев. Даже будучи на курорте, съездила по местам боевой славы — потом ребята разбирали толстенную пачку фотоснимков.

Лишь один документ он не отдал в музей — свой комсомольский билет, пробитый пулей.

В запас Николай Лукич ушел с должности начальника штаба полка. Когда приезжает полковник запаса Малюшенко в Киев на встречу ветеранов 167-й стрелковой дивизии, грудь его украшают семнадцать боевых орденов и медалей. Со всеми однополчанами он поддерживает связь.

Не кончается служба у Н. Л. Малюшенко, он и сегодня в строю. Не только прожитые годы его богатство, но и сегодняшняя увлеченность делом. А забота у него не маленькая — формирование гражданской ответственности у подростков.

Выпускник школы А. Копылов так объяснил, почему военное дело было его любимым предметом: «На этих уроках я учился мужеству, храбрости, честности. Когда я входил в кабинет, то внутренне подтягивался, даже сам себя не узнавал. Николай Лукич много рассказывал нам о войне, и мне хочется сделать так, чтобы ее никогда не было. А если это случится — буду защищать Родину так, как это делали советские люди старшего поколения».

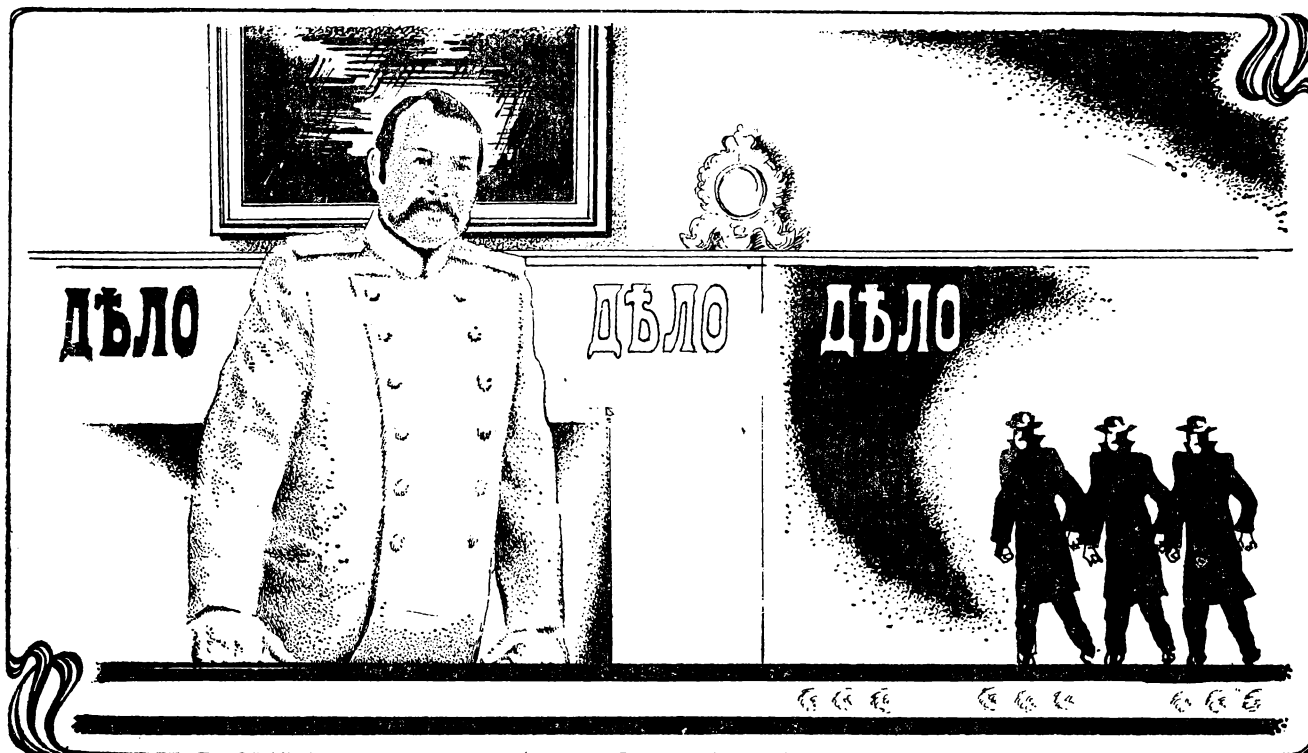
Откройся, Русь, в селе моем!..

И не родился, и не воевал в этих местах Василий Тимофеевич Корниенко... Довелось жить в Городце — и он отдал ему весь пыл души, всю любознательность исследователя, всю, сполна, любовь к тому, что называется родиной. Все, что он собрал, открыл, останется в сельском народном музее — людям в наследство...

Стоит село на 163-м километре шоссе Ленинград — Киев. Всего-то два десятка домов в Городце. В самом центре его, на древнем городище, археологи откопали укрепленный «градок» времен Ольги, княгини киевской. По сему вычислил Василий Тимофеевич, что Городцу — за тысячу лет! «Страницы городецкой летописи», которую он сам составил, открываются 947 годом. И было такого-разного за эту тысячу лет — имен, событий, свершений, — что никак не назовешь село маленьким.

В 1241-м в Городце воины Александра Невского громили крестоносцев. А спустя семьсот лет тут снова насмерть стояли наши воины, преграждая фашистам путь к Ленинграду: в засыпанном окопе нашли в обнимку с пулеметом двух бойцов и еще — солдата с винтовкой неподалеку, рядом гильзы рассыпаны... В пятнадцатом столетии за отказ повиноваться принял смертную муку от иноземных захватчиков местный житель Трифон; а в 1919 году кулаки расправились здесь с первым комиссаром Городецкой волости А. Алексеевым... В небе над Городцом летчик-истребитель Сергей Титовка совершил лобовой таран, а несколькими годами раньше это же небо изучал советский астроном С. П. Глазенап, открывший «изящный способ для определения орбит двойных звезд»... По соседству, в Стелеве, Н. А. Римский-Корсаков написал «Снегурочку», а на месте опытной станции агрономом работал М. М. Пришвин... И всему этому есть свидетельство в сельском музее.

Вот какое богатство собрал для земляков своих Василий Тимофеевич Корниенко — бывший председатель сельсовета, следопыт, фронтовик, коммунист.

РЕДАКТОР «Уральской газеты»

Любовь МАКАШИНА

Рисунки Е. Охотникова

Полицейстер Н. Ф. Хлебодаров нес службу исправно. В ответ на запрос прокурора окружного Екатеринбургского суда от 28 февраля 1908 года он через день распортовал предельно ясно:

«Имею честь донести Вашему высочородию, что четвертый номер «Уральской газеты» от 13 января 1907 г. отпечатан в типографии Вурм и выпущен редактором А. Т. Михайловым «в свет» вечером 12 января 1907 г. В каком количестве он был отпечатан — неизвестно. Арестовать этот номер не удалось, т. к. цензору гр. Обтемперанскому номер этой газеты почему-то был доставлен редакцией лишь 13 января утром, то есть после его рассылки «в свет».

Прокурор довольно потер руки. Это был решающий документ в деле Аполлона Михайлова, этого надменного столичного щеголя с изящным летящим почерком, этого саркастического писаки.

Прокурор готовил яркую обвинительную речь для суда, котсрый должен будет состояться 6 марта. Как пасьянс, разложил он бумаги дела № 95 по обвинению редактора легальной литературно-политической «Уральской газеты».

...Тэк-с, протокол осмотра вещественных доказательств есть, сами номера газеты наличествуют... Заглянем-ка в анкету... Хорош гусь: родился в Уфимской губернии, прописан в Саратовской, работает в екатеринбургских газетах, а проживает в данный момент в Санкт-Петербурге. Прокурор захлопнул папку и стал обдумывать, как бы это поудачнее обыграть тот факт, что этот екатеринбургский Аполлон, каким-то образом получивший награду на своем прежнем поприще — учительстве — медаль «За усердие». За усердие на газетной ниве может схлопотать лишь одну награду — арестантскую бляху на грудь.

Да-а! А что скажут уважаемые господа присяжные заседатели, господин судья, дамы и господа из публики, когда он мягким интеллигентным голосом сообщит, что рапорт полицейстера Хлебодарова появился на свет благодаря прошению... самого господина Михайлова?!

28 февраля он прислал его в окружной суд, писал, что был только номинальным редактором «Уральской газеты», а все свое внимание отдавал «Уральской жизни»; корреспондентом коей является не один год. «Уральская газета» собиралась, версталась, редактировалась без

его, видите ли, непосредственного участия, он лишь подписывал ее «в свет». А самое главное, его-де, Аполлона Тимофеевича, 13 января в Екатеринбурге не было — его же выслали. Это, мол, может подтвердить екатеринбургский полицеймейстер...

Вот, уважаемые господа присяжные поверенные, полицеймейстер подтвердил: 13 января утром этот Аполлон-екатеринбургский в редакции был: в тот момент, когда газета доставлялась подписчикам, он был, был в Екатеринбурге.

...Суббота, 13 января 1907 года. Цензор Александр Иванович Обтемперанский довольно рано прочитал вверенную ему для наблюдения газету издателя П. И. Певина «Уральская жизнь», посетовал, что такой уважаемый, очень состоятельный человек, как Петр Иванович Певин, буквально «ходит по лезвию ножа», публикуя материалы и социал-демократов, и мирно-обновленцев, и кадетов, и черносотенцев. Но, может быть, как раз в этом и состоит предпринимательский секрет Певина? Рынок требует разноцветного товара. Будет жалко, если придется приостановить такую газету. Это ведь грозит большими убытками.

Было около восьми утра, а эту новую газетку, которую ему навесили в нагрузку, все не несли и не несли. В восемь утра напечатан свежий четвертый номер предстал перед глазами цензора. Обтемперанский беголо прошелся по заголовкам. Везде одно и то же: выборы, выборы, выборы... Социал-демократы прямо осатадели в своей предвыборной агитации, везде, где можно, говорят о необходимости представительства пролетариата во втором русском парламенте. Вот на этой статье «Новый закон о приказчиках и выборы» следует остановиться и почитать повнимательнее...

С каждым прочитанным абзацем раздражение Обтемперанского все усиливалось. Это же ничем не прикрытая агитация за эсдеков! Что это за наглецы обличения! Нечего, мол, приказчикам ждать от своих хозяев уступок, надо считать себя пролетариями прилавка и вместе с пролетариями заводов и фабрик голосовать за эсдековских делегатов во Вторую думу! Ну и хитрецы: спосочку сделали — это у них перепечатка. Знаем мы эти перепечатки! А это что за «Обзор печати»? Еще того лучше: «За свои права надо бороться с оружием в руках».

Цензор снова бросил взгляд на часы: 8.30. Позвонил в полицейский участок: «Газету надо арестовать».

В 8.36 на звонок полицеймейстера Хлебодарова в редакцию «Уральской газеты» ответил заведующий экспедицией:

— Сколько отпечатано экземпляров? Четыре тысячи. Стеречь? Так нечего стеречь-то... Мальчишки-газетчики рано утром все разнесли подписчикам и в киоски. Сколько осталось? Вот, стопочка...

Прибежавший через несколько минут в типографию Хлебодаров обнаружил всего лишь 146 экземпляров четвертого номера «Уральской газеты».

...В документах этого обширного и во многом загадочного следственного дела нет доподлинных сведений того, что в это утро Хлебодаров виделся с Михайловым. Есть лишь косвенные доказательства. Но невозможно представить, что после неудачи в типографии Хлебодаров не бросился искать Михайлова.

Дома не застал, но узнал, что сегодня вечером барин уезжает в Петербург.

И вот вечером на екатеринбургском вокзале они встречаются. Помешать уехать Михайлову Хлебодаров не может: у того на руках предписание покинуть пределы

Пермской губернии, которое он получил еще после первого номера «Уральской жизни». О том, что грозит Михайлову, прекрасно понимает и Хлебодаров, но задержан «преступника», у которого есть документ, подписанный чиновником повыше, он не может.

И Михайлов выезжает в Петербург. Выезжает в качестве... собственного корреспондента «Уральской жизни» во Второй Государственной думе. Об этом сообщает газета 23 февраля 1907 года. Затем в газете появляются его редкие репортажи, в которых он очень сочувственно обрисовывает представителей социал-демократической фракции.

В общем, корреспондент занят делом, и, может быть, занятостью Михайлов объяснил свое отсутствие на суде, который в первый раз собрался для слушания его дела по обвинению по статье 129 Уголовного уложения 6 марта 1907 года.

Суд, собравшись в его отсутствие, постановил признать А. Т. Михайлова виновным и подлежащим трехнедельному заключению в крепость, а также возмещению всех судебных издержек. Судебное заседание решено назначить на 6 октября 1908 года. Вещественные доказательства — номера первый и четвертый «Уральской газеты» — оставить в деле, петербургскую полицию просить допросить Михайлова по определенному перечню вопросов.

Вот он, этот протокол допроса петербургского судебного следователя, проведённого с обвиняемым в камере 19 апреля 1907 года.

Саратовский мещанин Аполлон Тимофеевич Михайлов родился 14 февраля 1864 года в селе Аскин Бирского уезда Уфимской губернии. К моменту допроса ему 43 года, родители умерли, имеет двух сестер и брата, железнодорожного ревизора в Вятке, он отец четверых детей, проживает в Санкт-Петербурге, на улице Сергиевской. Средства к существованию — собственный труд.

А вот самое главное — его политические взгляды:

«Я виновным себя не признаю.

...Никто не будет спорить, бюрократизм в России — зло, ведущее страну если не к катастрофе, то к разорению ее и темноте народных масс.

...Никто, думаю, из сознательных русских людей не будет возражать против того положения, что прочные основы гражданской свободы возможны в России только при полном побитии бюрократизма».

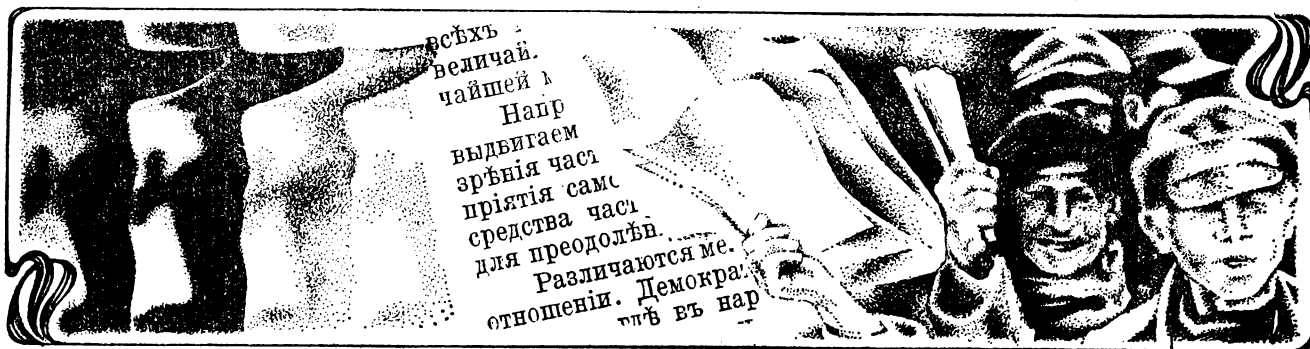
К суду, назначенному на 6 октября 1908 года, этот документ переслал в Казанскую судебную палату.

Екатеринбургский полицеймейстер Хлебодаров внезапно умер 28 марта 1908 года. Казанской судебной палате это стало известно лишь во второй половине июля, когда она разослала повестки о суде на 6 октября.

Михайлову повестка отослана 10 июля. Но он на все лето «исчезает». 14 июля он делает отметку в полицейском участке, что выезжает в Вятку. Ему приходит вторичная повестка. По указанному адресу его нет. В Петербурге, на Пантелеймоновской, 19, он уже не живет. Повестка о суде курсирует между Екатеринбургом, Вяткой, Петербургом. Суд 6 октября 1908 года снова состоялся без обвиняемого. В присутствии присяжного поверенного П. А. Кроненберга, знакомого А. Т. Михайлова.

В Казанскую судебную палату А. Т. Михайлов пишет недоуменное письмо: якобы из екатеринбургских газет он узнал, что дело, назначенное на рассмотрение 6 октября, не состоялось вследствие его неявики, что он был болен... К письму прилагается справка врача, заверенная печатью. Приписка в конце сообщает, что он, Михайлов, проживает по Литейному проспекту, 55...

Тем не менее 12 ноября 1908 года принято окончательное решение: апелляцию Михайлова отклонить, приговор суда от 6 марта оставить в силе.

В это время в Перми судебный следователь по особо важным делам готовил к передаче Казанской судебной палате громкое дело о причастности к социал-демократической партии 29 человек, о тайной пермской типографии комитета РСДРП.

Среди вятых под стражу был человек, назвавший себя Никлаем Никандровичем Накоряковым. О том, что он — один из руководителей Екатеринбургского комитета РСДРП, делегат IV лондонского съезда партии, полиция не знала. Он обвинялся в... бродяжничестве, в распространении политической литературы нелегального характера.

По такому же обвинению отбывал срок в екатеринбургской тюрьме другой большевик, известный журналист Николай Александрович Чердынцев...

Рядом с этими судебными делами дело интеллигента Михайлова, балующегося, по мнению чиновников, игрой в демократизм в «Уральской газете», казалось пустячком.

Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы поскорее закрыть дело Михайлова. Судебной палате предстояло заниматься по-настоящему политическими, особо важными делами, а подсудимому в отсутствие главного обвинителя, Хлебодарова, бояться было нечего, тем более что защита поручена одному из близких знакомых, присяжному поверенному П. А. Кронебергу.

И Михайлов снова исчезает из поля зрения полиции. На Литейном проспекте, 55 в Петербурге судебная повестка от февраля 1909 года его не находит. В Вятке у брата он не зарегистрирован. Филеры видели его в Перми, был он здесь нелегально. Почему? Он спокойно мог бы зарегистрироваться в полицейском управлении и спокойно вести свои дела. Он этого не сделал. Значит, дела, которые его привели в Пермь, нуждались в конспирации. Какие это были дела? Вполне вероятно, что это были встречи с пермскими большевиками, с которыми были обговорены дальнейшие действия Михайлова.

Судебный следователь тем временем заводит новую папку на Михайлова. В ней появляется документ, датированный 18 ноября 1907 года. Почему его не было в первом деле от 1907 года? Не потому ли, что 19 ноября было заведено дело на большую группу социал-демократов, среди которых был Н. Н. Накоряков? А именно Накорякова Михайлов называет своим свидетелем, могущим подтвердить, что он, Аполлон Михайлов, к идейному содержанию «Уральской газеты» никакого отношения не имел.

Все эти и другие «почему» наталкивают на мысль, что документ от 18 ноября во втором деле А. Т. Михайлова появился не в 1907 году, а значительно позже, когда не стало главного обвинителя и когда были арестованы лица, могущие свидетельствовать в его пользу.

Итак, в 1909 году дело бывшего редактора первой легальной большевистской «Уральской газеты» в Екатеринбурге Аполлона Тимофеевича Михайлова принимает безобидный поворот. Как бы забывается его главная провинность — пропаганда в печати идей, расшатывающих устои монархии, а инкриминируется ему лишь уклонение от суда.

Судебный следователь Казанской судебной палаты Фомин решает положить этому делу конец. Берется круто, добивается разрешения привода Михайлова в суд под конвоем.

На суд 19 мая 1909 года собрались все старые знакомые. Любезно раскланивались, обменивались новостями, улыбками... Собрались для чистой формальности. Исход дела ясен: этот приятный во всех отношениях господин Аполлон Михайлов не виновен.

Объявляется о начале заседания. Зачитывается обвинение. Дается слово подсудимому. Судебный секретарь аккуратно вносит в протокол слова незаслуженно обвиненного о том, что 13 января 1907 года, утром, он покинул Екатеринбург и каким образом появилась его подпись под номером газеты, ему не известно.

Да, но газета-то все же пропагандировала противозаконные идеи? Да, было. Этот факт заранее уже отражен в протоколе заседания.

Зачитывается приговор:

«Саратовский мещанин Аполлон Тимофеевич Михайлов, обвиняемый по статье 129 Уголовного уложения, признан невиновным, вследствие недоказанности преступления... Судебные издержки принять на счет казны. Вещественные доказательства, номера газеты, как не имеющие никакой ценности, подлежат уничтожению».

Так закончилось это судебное дело. Но не закончилась связь Аполлона Тимофеевича Михайлова с уральскими социал-демократами. Человек он был скромный и умный и связи свои с социал-демократами никогда не афишировал. Возможно, поэтому уральские большевики во главе с Артемом, Лядовым, другими последовательными ленинцами и видными партийными деятелями — поручили свою первую большевистскую легальную газету подписывать именно ему, Михайлову. Михайлов не подвел их ни в 1907 году, ни позже. Именно поэтому они сотрудничали с ним и в годы нового революционного подъема.

Письма из седьмого «Б»

В селе Рузаевка Кокчетавской области учатся в 7 «Б» семь девочек, мечтающих о профессии воспитателя детского сада. Вот как они объясняют свой выбор:

«Я хочу стать воспитателем, чтоб учить детей говорить правду, быть справедливыми и заботиться не только о себе, но и о товарищах, младших, родителях...»

Света.

«Я хочу воспитывать детей так, чтоб в них не было равнодушия, чтобы они с раннего детства знали, что такое дружба, честность, доброта...»

Наташа.

«Воспитатель — первый учитель. Первый! Это так ответственно, что мне даже немножко страшно.»

Марина.

Я встретила с заведующей свердловским детским комбинатом № 463 Ниной Ивановной Семеновых. Она десять лет работала здесь воспитателем. Год назад была выдвинута коллективом как самый достойный и по-хорошему спокойный человек на руководящую должность. Всегда улыбается, внимательно слушает, умеет говорить и убеждать.

— Знаете, — улыбнулась она в ответ на просьбу прокомментировать вышеприведенные строчки, — по-моему, они не нуждаются в комментариях. Девочки очень серьезно и умно подходят к нашей профессии. Даже удивительно и, конечно, радостно... Я бы их всех без исключения взяла на работу. — Вдохнула и добавила: — И немедленно.

— Есть какие-то неувязки с кадрами? Или не хватает женщин, любящих детей?

— Как вам сказать... Не хватает ответственного отношения. Сознания того, что воспитатель — именно первый учитель, как выразилась Марина. Это ведь не просто фраза — до сих пор, увы, приходится объяснять, что человек формируется в первые пять лет своей жизни: от того, что будет вложено в его душу в эти годы, зависит вся его будущая жизнь, его характер, привычки, наклонности, даже

способности. И права Таня, утверждая, что здесь необходимо большое, просто колоссальное терпение! Ведь после уже ничего не переделать, не сломав при этом человека, — вот что нужно понять каждому. А я, к сожалению, каждый день наблюдаю срывы: мать, устав на работе, с криками и шлепками уводит плачущего ребенка домой... Он ее не видел целый день! Целый день ты берег его хорошее настроение, старался научить чему-то доброму и важному, а за минуты невротепки — все насмарку! Особенно это заметно после выходных дней (дети — они существа откровенные и рассказывают порой такие подробности семейной жизни, что просто руки опускаются...), а еще больше после летних отпусков. Тут прямо приходится все начинать с начала: приучать здороваться, говорить вежливые слова, аккуратно мыть руки, чистить зубы, смывать, простите, воду в баке и так далее... А бывает и так, что тут скрывать: группы переполнены (до тридцати человек — разве шуток?), няня на больничном, и воспитатель одна работает две смены подряд — с семи утра до семи вечера... Тут даже если любишь детей — нелегко сдерживать раздражение. А если не любишь?

Не секрет, что многие женщины идут работать в детские сады только из-за собственных детей, иначе не могут получить место... А мы вынуждены брать их, потому что не много охотников на низкооплачиваемую да еще «нервную» работу. Воспитатель-мама волей-неволей отдаст предпочтение своему чаду (потому я стараюсь не ставить воспитателя на ту группу, где находится ее ребенок), а что касается детей — лишь бы, как говорится, не убились, носы чистые имели да башмаки на ту ногу надевали...

— Но ведь есть неплохие, детально разработанные программы обучения детей в дошкольных учреждениях, есть по два занятия даже у малышей, а у больших — и по три в день. Как звучит: лепка, художественное конструирование, развитие речи, урок музыки. Разве всего этого не хватает?

— Воспитатель — он вообще должен обладать многими совершенствами; честное слово, когда двадцать

пять пар глаз следят за каждым твоим движением и, заметьте, очень чутко понимают — что хорошо, что плохо, — трудно говорить только о формальной силе специальных занятий... Одну и ту же сказку можно прочитать так, что все дети будут отлежаться, бубнить, ерзать и зевать, а можно и так, что из глаз у них покатятся крупные горошины слез — так жалко им кошку или собаку, или даже репку, которую посадил дед...

— Тогда давайте поставим вопрос так: что нужно для того, чтобы воспитатель излучал, как говорится, все краски мира, был прекрасным, добрым, удивительным, знающим, гибким...

— О... это сложно. Нарисуем идеальную картину: нужно, чтобы было все необходимое для «излучения»: умный, чуткий, понимающий и хорошо зарабатывающий муж (фантастика, правда?); милый малыш или два, даже три — но только здоровые, ухоженные, аппетитно кушающие и любящие поровну папу и маму; друзья, с которыми можно было бы говорить всерьез не о тряпках и дефицитных продуктах, а о проблемах воспитания; специальная литература, которой должно быть не только много, но и которую есть время читать... Что еще? Крыша над головой, которая не течет, свежие газеты, свежее белье, цветы не только по праздникам... Еще? Я могу продолжать до бесконечности, но, если выразить все в одном слове, считаю, что работать воспитателем по-настоящему может только счастливая женщина. Иначе воспитатель и детей вырастит дергаными, занудными, жестокими...

— Неужели сама работа с детьми не делает женщину добрее, веселее?

— Нелюбимая работа еще никого не красила. А детей, как говорят все ваши корреспондентки, надо любить...

— Есть у вас профессиональные секреты?

— Без них как же... — Нина Ивановна снова улыбается, — но «секреты» приходят только с опытом и только через желание. А первый из них: никогда не срывать на маленьком своего плохого настроения. Второй: не потакать ябедам. Третий: относиться ровно ко всем без исключе-

ния. Четвертый: вырабатывать привычку быть хорошим — не уставать хвалить, ставить в пример. Пятый: чаще соединять детские руки в игре...

— Что пожелали бы вы нашим четырнадцатилетним корреспондентам?

— Я бы эгоистически пожелала им всем работать у нас. А если серьезно — пусть учатся, у них должно все получиться...

Так вот, наши юные корреспондентки! Желаем вам вырасти, выучиться и, главное, — сохранить те же добрые намерения. А получить профессию воспитателя вам помогут педагогические училища, которые есть в любом, даже небольшом городе нашей страны; туда, кстати, берут и после восьмого класса, обеспечивают общежитием и обучают всем необходимым знаниям.

Беседу вела Ирина КОРНИЕНКО

Выбирай дело по душе

В приемной две девочки вели себя как заправские секретарши... Одна, постарше, записывала что-то, держа телефонную трубку. Вторая тут же поднялась навстречу:

— Вячеслав Борисович уехал к шефам на киномеханический завод.

— А когда будет?

— Должен быть скоро, — она взглянула на часы. — Обещал к двенадцати. Наш директор без дела не задерживается... Сейчас в школе трудовая практика, а тут еще ремонт!..

— А вы откуда? — спросила та, что постарше.

Я сказал, что из городского отдела народного образования.

— Значит, приехали проверять?.. — Она засуетилась. — Я всегда посмотрю: может, директор уже приехал и к малярам зашел... Инга, не отходи от телефона — должны звонить со стадиона, наши там завтра выступают. А если придет зав-

хоз, передай накладные на краски. Скажи, что директор наказал срочно получить с базы. А вы посидите, пожалуйста...

Я остался с Ингой. Она закончила переписывать телефонограмму, принятую подругой. Мне было интересно наблюдать за девочкой, которая за работой старалась походить на взрослую.

— А вы здесь, значит, дежурите? — спросил я.

— Нет... Мы не дежурные, мы с Владой Найденовой — секретарши. Наша секретарша заболела, ее заменяем. А вообще-то мы у нее проходим практику.

В 57-й свердловской школе все учащиеся проходят, каждый свой, курс трудового обучения. Инга и ее подруга решили в девятом классе поступить в УПК в группу машинописи, где получат специальность секретаря-машинистки. Директор на время практики дал им возможность поработать в своей приемной. Они принимают телефонограммы, проверяют личные дела учащихся, вносят в них дополнения, делают сверку учащихся в алфавитной книге. А главное — «дают» клавиши на машинке...

Влада действительно нашла директора.

Вячеслав Борисович Власов — молодой руководитель. После окончания Уральского государственного университета работал рядовым учителем. Полюбил школу, привязался к детям, показал себя хорошим организатором. Его назначили директором крупнейшей школы Верх-Исетского района.

Разговор зашел о школьных буднях, о реформе, которая осуществляется сейчас. Вот уже 15 лет шеф школы — киномеханический завод. Директор завода Павел Ильич Зовтяк первым в районе решил сделать на предприятии показательный учебный участок. Нашлось помещение. Участок оборудовали всем необходимым для обучения ребят. Пришли на завод школьники и ахнули: в пролете красуются токарно-винторезные станки, слесарные верстаки, разложен разный инструмент, поделочный материал... Учись, работай!

Практикой руководит школьный учитель труда Вячеслав Иванович Трунин. Человек требовательный, знающий токарное и слесарное дело, добрый сердцем. Нашлись отзывчивые рабочие, которые постоянно навешиваются к ребятам, помогают им освоить станок, учат.

Каждый подросток всегда рад сделать вещь или деталь своими руками. Ребята заняты на изготовлении рамок фильмовых каналов и

шпилек крепления для кресел-качалок. Ученики делают их не хуже рабочих-профессионалов. Школа решила в 1986 году изготовить десять тысяч шпилек и шесть тысяч рамок.

— Вот вам и производительный труд, — говорит заместитель директора завода С. И. Шейнкер. — Ребятам очень важно, что они работают не впустую.

В самой школе созданы ремонтные бригады. Мальчики умеют ремонтировать мебель, красить стены.

В кабинете технического труда — стук молотков. Здесь никто не бездельничает. Денис Ковалев, Максим Белобородов, Илья Полухин раньше любили «пофилонить», а прошло время — теперь эти мальчишки сами работают, и еще с каким удовольствием! В кабинете двадцать слесарных и двадцать столярных верстаков, токарно-винторезные, продольно-фрезерные, сверлильные, заправочные станки, четыре токарных, муфельные печи... Зимой, когда наступает учебный год, школьники мастерят здесь игрушки для своих подшефных детских садов, делают всё, что необходимо для школы.

Девочки учатся швейному делу, кулинарии. Их обучают опытные мастера своего дела учителя Т. П. Попова, Е. В. Маслова, В. А. Афанасьева. В школе открыт швейный цех на пятнадцать рабочих мест, его помогли оборудовать работники фабрики имени Н. К. Крупской.

Два учебных цеха — на киномеханическом заводе и школьная мастерская от швейной фабрики — это перемены значительные, и произошли они в последнее время. Становление человека начинается с раннего возраста. И может быть, профессии, к которым сейчас, на заре жизни, приобщаются школьники, станут делом всей их жизни...

Л. ГОЛУБЕВ

ДОРОГИ МОЛОДЫХ

Владимир БУЛАВИН

VI ЗОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» В СВЕРДЛОВСКЕ СТАЛА СВОЕОБРАЗНЫМ СМОТРОМ СИЛ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ. ИЗ 730 АВТОРОВ, ПРЕДСТАВИВШИХ СВОИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, 170 — МОЛОДЫЕ. ОНИ ПОКАЗАЛИ БОЛЕЕ ТРЕХСОТ РАБОТ ЖИВОПИСИ, ГРАФИКИ, СКУЛЬПТУРЫ, МОНУМЕНТАЛЬНОГО, ТЕАТРАЛЬНО-ДЕКОРАЦИОННОГО И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВ.

Выставка экспонировалась в одном из старинных зданий города, расположенном в Историческом сквере и специально отреставрированном к этому событию. В просторном вводном зале, в элементах украшения которого использованы изделия знаменитых мастеров каслинского чугунного художественного литья, разместились произведения, ставшие как бы лейтмотивом всей экспозиции. В них ясно читается основная мысль, идея выставки: показать созидательный труд уральского труженика, многогранный мир интересов, его твердую волю сохранить мир на земле.

Эта мысль особенно актуально звучала в плакатах молодого свердловского графика Юрия Буданова «Последствия ядерной войны необратимы», «Американская дипломатия — угроза миру» и других. Художник заметно обратил на себя внимание в последнее время, год назад он стал участником международной выставки плаката в Гаване. Нужно остро чувствовать политическую ситуацию, уметь создавать динамические, емкие по содержанию и идее композиции, владеть, наконец, различными приемами художественного мастерства, чтобы так уверенно чувствовать себя в области политического плаката. Упомянутый выше лист «Американская дипломатия — угроза миру» хотя и можно упрекнуть в несколько лобовом решении, но он удачно, на наш взгляд, реализует изобразительную метафору, вскрывая смысловую связь между понятием «дипломатия» и самой вещью — чемоданом «дипломатом»: мы видим, как из потайного «кейса» разлетаются по всему миру человекоубийцы с автоматами наперевес.

Но основной жанр, в котором наиболее широко представлены работы творческой молодежи, — живопись.

Свердловская художница Любовь Александрова представила полотно «Памяти гитариста». Оно посвящено замечательному чилийскому патриоту Виктору Харе, чья жизнь и творчество стали символом борьбы молодежи мира за свои права и свободу. Картина говорит о многом: в ней — и желание найти особую манеру исполнения (острую, плакатно-выразительную, декоративную), и стремление заявить о своей гражданской позиции.

Широк и разнообразен оказался мир интересов молодых живописцев. Художник из Перми Анатолий Мозарский представил на суд зрителей монументальное

полотно-триптих «Революционная Мотовилиха», а свердловчанин Александр Свинкин — картину «Здесь будет город...», посвященную основателю Екатеринбургa, видному деятелю Петровской эпохи и историку В. Н. Татищеву.

Весьма характерен факт обращения молодых художников к военной теме — и не только по той причине, что вся наша страна жила 40-летием со дня великой Победы над фашистской Германией. Обращаясь по искреннему велению сердца к подвигу советского народа, живописцы вновь и вновь открывали для себя сложный и духовно богатый мир победителей, людей, переживших лихолетье, заплативших за мир смертью родных, близких, однополчан. Пристально молодые художники вглядываются в лица ветеранов, хотя и увидеть в них тот высокий героизм, ту былинную силу духа, что во все времена отличали русского человека, будь он простой солдат или генерал. Художник Владимир Ефарицкий из Оренбурга в своем полотне «Групповой портрет ветеранов Великой Отечественной войны В. М. Агаркова, П. В. Колпакова и И. А. Татьянина» раскрывает нам внешне вроде бы непритязательный облик своих героев, придавая их чертам чуть ли не будничную приземленность. Иной зритель подумает: что же в них героического? Но награды на лацканах пиджаков не оставляют сомнений насчет того, какой подвиг совершили эти люди. Молодые художники ищут ту единственную правильную нить, что связывает разные поколения советских людей: отдают дань уважения защитникам и победителям.

Свердловчанин Владимир Кисляковский в картине-портрете «Командир» создает образ современного офицера-танкиста, изобразив его весьма нетрадиционно — внутри грозной машины. Художник приблизил почти вплотную к зрителю лицо своего героя, заставил нас пристально вглядеться в него, понять его мужественную душу, его силу. При этом автор мастерски лепит черты лица, точно и узнаваемо рисует грозное чрево танка, в котором находится командир, добываясь еще большей выразительности и психологичности в передаче образа.

Пожалуй, нагляднее всего достижения живописцев проявились в портретном жанре, и в первую очередь это сказалось на укреплении позиций реалистического портрета. Повысилась общая культура рисунка, исчезла прежняя неряшливость в технике написания, усилия художников отныне пошли на поиски и выявление индивидуальной психологии современника.

В двух небольших по формату портретах курганского живописца Владимира Чалого («Портрет Пшеничникова» и «Портрет Марины») все внимание автора сосредоточено исключительно на лицах изображаемых. Чтобы ничего не отвлекало внимание зрителя, художник даже фон делает глухим, нейтральным. В работах явно звучат отклики ренессансных традиций, но в данном случае это не следует понимать как упрек живописцу. Вы принимаете стремление автора передать зрителю внутренний мир человеческой личности.

Интересна работа пермского живописца Вячеслава

Коротаса «Дед Терентий с внуком». Здесь и характер обрисован верно, и угаданы детали (скворечник, пчелиная борть, стружки). Правда, при более длительном созерцании полотна рождается ощущение, что автору несколько изменило чувство меры в обрисовке образа деда, и он вышел из-под руки художника несколько слащавым, прилизанным, как на старинных рождественских открытках. Это ощущение исходит и от общего колорита всей сцены, выдержанной в голубовато-коричневых тонах.

Мысленно перебирая в памяти все портретные образы, представленные в экспозиции молодыми художниками, все же ловишь себя на том, что хотелось бы увидеть среди них хотя бы один такой, который воплотил бы собирательный образ, несущий в себе черты поколения, типические признаки, присущие молодежи восьмидесятых годов.

Не обошли своим вниманием молодые художники и сюжетно-тематическую картину, являющую собой как бы квинтэссенцию творчества живописцев. Именно она дает возможность проявить автору все свои навыки, все умение, всю свою философию в отражении, в раскрытии окружающего мира. Авторы смело вторгаются во все стороны человеческой деятельности. Их интересует мир людей, создающих или восстанавливающих духовные ценности, — как в картине Сергея Архипова из Кургана «Реставраторы», привлекает образ людей труда, создателей материальных богатств общества, — таковы работы тюменцев Оксаны Сечко «Картофель копают» и Сергея Струнникова «Нефтяники».

Молодые авторы стремятся приблизиться к лучшим образцам творчества старших коллег, сохранить творческие традиции, заложенные мастерами прошлых эпох. В опоре на опыт прошлого они хотят развить свое композиционное мышление, найти свою индивидуальную художественную форму. И пусть в указанных произведениях нас не все устраивает — это не та беда, о которой кричат во весь голос. Мы и не ждем от молодых мгновенных результатов. Важнее, что мы видим у многих авторов горячее стремление подняться выше, может быть, даже в чем-то пересилить себя, возвыситься над обыденностью, утвердиться в своем поиске. Именно это стремление обещает нам надежду на новые встречи в будущем со зрелыми, значительными мыслями, воплощенными в картинах, портретах, пейзажах, натюрмортах.

Само собой, нам хочется остановиться, хотя бы вкратце, на добротных, профессиональных работах мастеров старшего поколения (репродукции некоторых картин представлены на нашей вклейке).

Среди немногих произведений историко-революционного жанра одно из значительных мест по праву занимает полотно оренбургского живописца, заслуженного художника РСФСР Николая Ерышева «Оборона Оренбурга в 1919 году». Вообще, на выставке было много картин, посвященных городу, недавно отметившему 250-летие со дня основания.

Красная Армия и рабочие Оренбурга летом 1919 года под руководством М. Д. Великанова отразили атаки белоказачьей Оренбургской армии генералов Дутова и Белова, отстояли город. Художник создал напряженную, динамичную картину, полную внутренней тревоги и ожидания. Противоборствующие стороны разделяет река Урал. Главное место на полотне занимает фигура красного командира, стоящего спиной к зрителю. Он — у артиллерийского орудия, ствол которого направлен в сторону белогвардейцев, беснующихся на конях на противоположном берегу реки.

Картина полна внутреннего напряжения. Внешне в ней все спокойно, как бы замерло, но это состояние

затишья перед бурей, оно взорвется через мгновение, через минуту. На память приходит полотно выдающегося русского художника-баталиста В. В. Верещагина «Пусть войдут», в котором передано подобное же состояние русских солдат. Николаю Ерышеву удалось конкретизировать социально-исторический фон, показать суть классового поединка, в котором победа на стороне правого дела.

Портретная серия известного пермского живописца, народного художника РСФСР Евгения Широкова, посвященная деятелям советской науки и культуры, каждый год пополняется все новыми работами. Экспозиция VI зональной выставки дала нам возможность встретиться сразу с несколькими его произведениями — портретами народного артиста СССР Евгения Лебедева, киноактрисы Людмилы Чурсиной, писательницы Виктории Токаревой и другими. Крупным планом, вплотную к зрителю приближает художник фигуру писательницы. Вдохновением веет от всего облика обаятельной молодой женщины. Широко раскрыты ее глаза, чуть отрешен взгляд, устремленный вроде бы прямо на зрителя.

Портрет написан очень свободно, размахисто, артистично.

С интересом рассматривали зрители монументальное полотно тюменского живописца Виталия Шилова «Ермак». Уже сами внушительные размеры картины — три на четыре метра — говорят о серьезности задачи, которую автор поставил перед собой. В центре полотна — легендарная личность покорителя Сибири Ермака. К нему пришли представители коренного населения края — с просьбой защитить их от притеснения хана Кучума, принять под свое покровительство...

Художнику пришлось много поработать над многофигурной композицией, воссоздать реальные исторические образы, костюмы, детали оружия, украшений далекой эпохи. Ему помогла и глубокая профессиональная подготовка. Конечно же, перед его глазами был образец для подражания и сравнения — полотно великого Сурикова. Думается, что это будет не последняя его работа в историческом плане.

Если живописное творчество молодых авторов дает нам богатую пищу для размышлений, то произведения скульпторов, напротив, заставляют из года в год говорить об их топтании на месте, мелкотемье в избираемых сюжетах. Трудно сказать, что является причиной творческого застоя, что мешает братья за освоение крупных форм, масштабных идей.

Огорчительно и за молодых скульпторов: в большинстве своем они проявляют несомненное мастерство и творческую смекалку в своих работах, это заметно на примере таких небольших произведений, как «Лучник» и «Термист» челябинского скульптора Сергея Воробьева, «Литейщик» свердловчанина Геворка Геворкяна, «На берегу» Явдата Ахметова из Уфы. Но все вещи решены исключительно в камерной манере, и в них нелегко угадать подлинные масштабы возможностей авторов.

Пожалуй, стоит сказать несколько слов об одном из разделов скульптурного искусства — медальерном. В последнее время он получил развитие в творчестве целой группы молодых художников из Нижнего Тагила и Свердловска. Все они являются воспитанниками Уральского училища прикладного искусства, где большим энтузиазом развития медальерного дела и чутким воспитателем молодежи является Иван Яковлевич Боголюбов, член Союза художников СССР, сам участник экспозиции. Он учит молодых мастеров широко видеть мир, жить болью и тревогами планеты, щедро делиться с ними богатым своим опытом.

Потому не случайным представляется таким разно-

образным круг интересов и сюжетов, предложенных молодыми медальерами Аркадием Бекосяном, Петром Болухом, Александром Цифанским в таких произведениях, как «Памяти жертв Сабры и Шатилы», «Старуха и камни» из серии «По Казахстану», «Владимир Высоцкий», «Марш мира».

Несколько своеобразно смотрелся на выставке раздел монументального искусства: экспонаты были представлены цветными слайдами и фотографиями. Вправленные в деревянную обрешетку и поставленные напротив оконных проемов, они придали экспозиции праздничный настрой своей цветовой гаммой, разнообразием жанровых мотивов. Зритель увидел мозаичные работы, рельефы, фрески, эскизы, красочные росписи на тканях.

Выискивая среди множества экспонатов те, что исполнены молодыми монументалистами, заметим ту же тенденцию, что и у живописцев. Уж больно робко молодые мастера осваивают богатые возможности монументального искусства! Совсем нет фамилий молодых среди авторов работ, выполненных на фасадах крупных общественных сооружений. Возможно, это объясняется отсутствием необходимых навыков, опыта в разрешении проблемных задач синтеза архитектуры и монументального искусства? Обрести такой опыт помогает работа внутри зданий, часто — вместе с опытным коллегой. В качестве примера можно назвать работу в здании госпиталя для ветеранов Великой Отечественной войны в Свердловске, в котором молодая художница Вера Воинкова вместе с опытным Б. Н. Ключковым создали очень интересную мозаику.

Многое переняв от старших коллег, Юрий Гилев из Оренбурга проявил большую разносторонность своих интересов при оформлении витражей для местного краеведческого музея на темы «Космос», «Пушкин и Даль в Оренбурге». А Максима Гуревича из Свердловска привлекала тема народного гуляния, которую он и осуществил в росписи «Проводы зимы» в одном из сельских Домов культуры Свердловской области.

Можно было бы продолжить эти примеры, и именно они вселяют оптимистический вывод: молодые авторы только «опереются», но уже виден их почерк, намечаются горизонты их будущих успехов.

География представленных в экспозиции произведений художников театра и кино показывает, что в последние годы во многих городах зоны Урала появились молодые талантливые оформители. Это прежде всего — выпускники ведущих художественных вузов Москвы и Ленинграда. Работая плечом к плечу с такими опытными мастерами кино и театрального искусства, как заслуженный деятель искусств РСФСР Юрий Истратов и Зоя Малинина (оба из Свердловска), народный художник РСФСР и Башкирской АССР Мухамет Арсланов из Уфы, заслуженный художник РСФСР Николай Ромадин из Кургана, молодые авторы успешно реализуют свой собственный взгляд на драматургию театрального спектакля или кинофильма, стремятся решать актуальные, «жгучие» проблемы современности. Такие художники, как Татьяна Борзых из Челябинска, Наталья Бортнова из Нижнего Тагила, Геннадий Доминяк из Перми, Юрий Устинов и Анатолий Шубин из Свердловска, уже достаточно уверенно вошли в мир театрального творчества, некоторые из них осуществили свои замыслы на сцене.

Графический раздел зональной выставки так же, как и живописный, был богат и разнообразен в выборе техники и в сюжетной тематике. Молодые графики заняты поисками яркого языка в офорте, литографии, карандашном рисунке. Повинуясь общему направлению в графическом искусстве сегодняшнего дня, молодежь обращается к таким явлениям жизни, которые требуют не одного листа, а серии, стремятся дать действие в развитии, увидеть его с различных сторон. Таковы серии

«Сельские будни» Галины Козловой и «Старый город» Леонида Мысакова, свердловчан, «В далеком поселке Ангарском» Олега Савичева из Челябинска. В них обнаруживается интерес художников к объемному охвату действительности.

Следует отметить и другую особенность в творчестве графиков: их влечение к книжной иллюстрации, будь то советская или мировая классика. Большим мастерством, например, отмечены иллюстрации художника из Нижнего Тагила Евгения Бортникова к произведению И. Э. Бабеля «Конармия» или художника из Уфы Сергея Маджара к роману Ш. де Костера о Тиле Уленшпигеле. Авторы дают нам возможность как бы заново прочесть уже знакомое произведение, увидеть героев их глазами, открыть новые грани их характеров.

В станковых листах молодых художников нашел отражение огромный и разнообразный мир нашей страны, ее широкая география, люди, природа. Среди них работы Галины Шадринной из Златоуста — «В мастерской», Айрата Терегулова из Уфы — «Кларнетист», Ивана Станкова из Тюмени — «Северный мотив», Станислава Кежова из Кургана — «Ночное дежурство».

На выставке было широко представлено декоративно-прикладное искусство. С интересом знакомились посетители выставки с изделиями из фарфора и керамики, гобеленами и батиками, ювелирными украшениями, резьбой по дереву.

Большой интерес вызвали многочисленные изделия мастеров златоустовской гравюры по металлу. Этот промысел постепенно набирает свою силу и вновь привлекает к себе внимание молодых мастеров. И не случайно появление на выставке целой группы талантливой молодежи, продолжающей славные традиции отцов и дедов. Изделия, выполненные Олегом Аверкиным, Анатолием Богачевым, Юрием Рябковым, Павлом Спирченковым, Александром Шалаповым и другими, — блюда, лотки, таторики, охотничьи ножи, мечи, тарелочки, — покоряют зрителей изысканными линиями и узорами, золотой насечкой по стали.

Озабоченность вызывает искусство уральских мастеров ювелирного искусства. Хотя на выставке и представлено достаточно сильно и разнообразно искусство молодых ювелиров — Виктора Гребенщикова, Владимира Денисова, Надежды Кузнецовой, Сергея Пичука и Владимира Устюжанина, — в целом они еще находятся не на том высоком уровне, чтобы стать достойными преемниками старших мастеров, тех, кто заслуженно стоит у истоков возрождения и становления уральской школы. Это, к сожалению, не единственная наша озабоченность. По-прежнему тревожит состояние искусства каслинских мастеров чугунного художественного литья, мастеров тобольской резьбы по кости.

Зональная выставка показала, что при всех отдельных удачах молодым художникам еще предстоит работа и над повышением профессионального уровня, и над освоением тематической картины, и над разнообразием жанровых мотивов в других видах искусства.

ЕРМАК. В. Шилов, г. Тюмень.

ИРИНКА. Е. Широков,
народный художник РСФСР,
г. Пермь.

УТРО. Ф. Исмагилов, г. Уфа.

СЕРЕБРЯНЫЙ ДЕНЕК. А. Пастухов,
г. Челябинск.

БЮСТ ТОРОКИНА. А. Гилев, г. Касли.

ЗИЛАИР. А. Бурзянцев,
народный художник БАССР, г. Уфа.

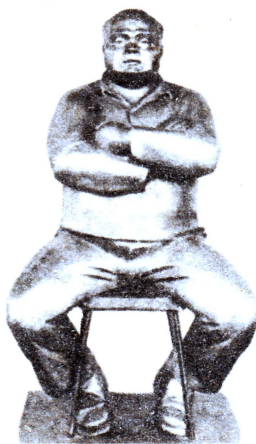
ХЛЕБ. А. Ситдикова,
народный художник БАССР, г. Уфа.

КАМПАНЕЛЛА. А. Шугов,
заслуженный художник РСФСР, г. Уфа.

ЛЕТО. А. Антонов, г. Свердловск.

УДАРНИК ТРУДА БЕРСЕНЕВ.
А. Онуфриев, г. Свердловск.

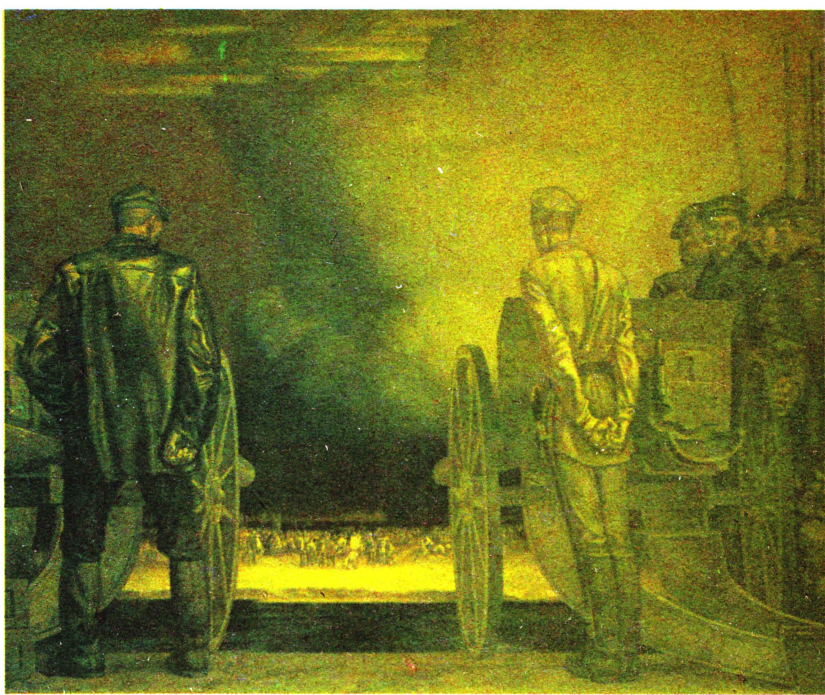
АКСАРКОВСКИЕ ЛОДКИ. Г. Токарев,
г. Тюмень.

... ИРЕГ В. ГОКАРЬЕВИ. Е. Ширяков,
народный художник РСФСР, г. Пермь.

ЯБЛОКИ. Г. Геворкян, г. Свердловск.

ОБОРОНА ОРЕНБУРГА. Н. Ерышев, заслуженный
художник РСФСР, г. Оренбург.

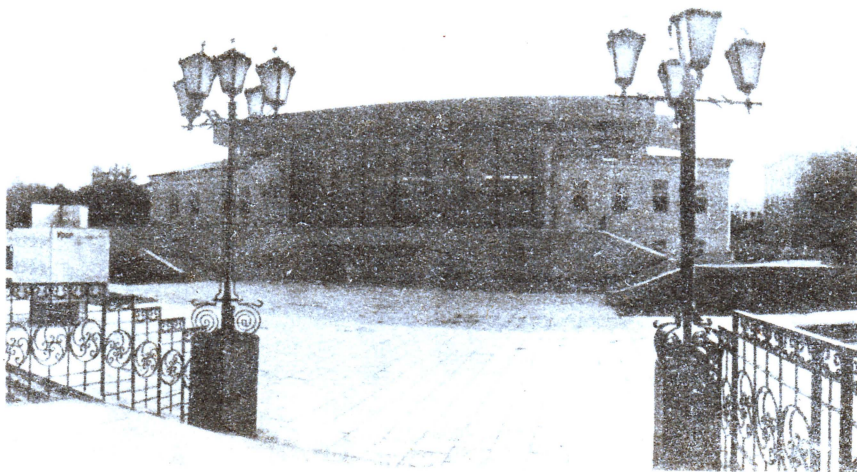
СИНЯЯ ПТИЦА. Э. Головиницкая,
заслуженный художник РСФСР, г. Челябинск.

СТУДЕНТКА. В. Тюлькин, г. Оренбург.

ЗОЛОТОЙ ВОЛОС. О. Мудрова,
г. Свердловск.

Новый выставочный зал г. Свердловска.
Здесь летом прошлого года проходила
6-я зональная художественная выставка
«Урал социалистический».

Рис. А. Хованского

ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ

Вадим ДАНИЛОВ

Рисунки А. Банных

9

В норе-блиндаже далеко не каждый мог стоять навтыжку, а старший лейтенант Павельев стоял, хотя роста был выше среднего, только немного склонил голову — старший лейтенант умел в любой обстановке соблюсти порядок. Доложив, что шестая батарея занимает боевой порядок согласно приказу, он плюхнулся на сколоченную кое-как скамью рядом с командиром дивизиона и крепко сжал его локоть. Огляделся — никого нет. Случай редкий.

— Поздравляю, хотя с опозданием, с новой должностью. Рад за тебя.

Это было единственное поздравление, услышанное Ватолиным от сослуживцев. Он удивился и собрался ответить: не к месту, мол, сейчас такие церемонии, но промолчал и подумал: «Никто ведь не догадался сказать такое, Юрка и тут первый».

— Теперь для тебя главное не промахнуться, и дело твое пойдет, — говорил старший лейтенант. — Глядишь, и не временно исполняющим будешь. Приметил тебя Машковцев. На виду ты у него, так что держись... А меня-то он как, а? Со злостью, с издевкой, будто я сам свою батарею перебил.

— Преувеличиваешь, Юра, — возразил Ватолин.

Павельев вскинул брови, посмотрел в глаза лейтенанту и усмехнулся:

— Ты никак утешить меня хочешь. В утешениях не нуждаюсь, — произнес он с расстановкой и добавил после паузы: — ...Костик.

И непонятно было, что означает это ласково-домашнее обращение — «Костик»: верность чувству, истоки которого восходят к незабываемой поре детства, или намерение подчеркнуть, что в глазах Юрия Павельева новая должность ничего не добавила Косте Ватолину по сравнению с тем,

что представлял он собой два года, тем более неделю тому назад.

— Ничего я не преувеличиваю, все есть так, как оно есть, — рассуждал с прежней усмешкой старший лейтенант. — А Машковцев — солдафон и крикун, ненавидящий всех, кто хоть немного умнее его.

Замолчал, спохватившись, и поправился:

— Почти всех... До финской войны, говорят, сереньким командиром батареи был. Так и остался серым, только повыше должность, шпалы в петлицах заимел. Вот и размахивает этими шпалами, лупит по головам... Ну что у него кроме шпал да луженой глотки? Ничего! Кем он мог стать, если бы не армия? Никем. Таких на гражданке только дворниками берут да вышибалами в рестораны...

Ватолину хотелось сказать, что он, Костя, с радостью перенял бы сейчас хоть малую долю того, чем обладает командир полка Машковцев: прежде всего его опыт, умение говорить так, что никому и в голову не придет возразить. Тогда бы Костя знал, как командовать дивизионом, что именно предпринять сейчас, если рухнет небо и ударит огненный ураган.

От огня, от смерти не защитишься ни высокой эрудицией, ни тонкостью души. Ни сам не защитишься, ни других не защитишь. И какой сейчас смысл рассуждать, кто что значил бы на гражданке? Гражданки, если разобраться, сейчас нет, тыл сейчас тоже не гражданка, он тоже фронт. Гражданка будет после войны, и для того, чтобы она снова паступила, нужно на время забыть о ней, отрешиться от принятых на гражданке взглядов на людей.

— Разве такими мы представляли когда-то командиров Красной Армии? — напористо продолжал Павельев. — Представляли их такими, как в книгах, в кинофильме «Истребители»... Где они, скажи?!

Ватолин попросил:

— Может, хватит, Юра...

— Верно, хватит. Я ведь душу тебе излил,

Окончание. Начало см. в № 1, 1986 г.

больше никому... Обидно, Костя. Не за себя, нет. За свою тогдашнюю наивность, за свои мечты. Ничего ведь не осталось от того, что было. Ни-че-го! Учились одному — делать пришлось другое, объясняли нам так — вышло наоборот. И все наши идеалы — к черту. Разве не так? Обидно.

— Нет! — Ватолин даже привстал от нестерпимого желания непременно возразить, возразить во что бы то ни стало и не затем, чтобы переубедить Павельева: переубедить его он и прежде не умел и теперь считал бесполезным. Возразить он хотел только для того, чтобы не слышать больше его неторопливо-спокойного, полного опустошающей уверенности тона. Он не знал, как высказать все словами, как передать то ощущение, которое могло захлестнуть его, если бы он согласился с Павельевым, — ощущение стремительного падения. Но сказать не успел...

Вошли один за другим Заруднев и Долгополых. Витя отрапортовал, щелкнув каблуками, дядя Вася, молча козырнув, уселся возле ступенек. Надо было начинать совещание, к которому Костя мысленно готовился, повторяя про себя первые фразы, и которого побаивался. Дать указания Вите Зарудневу — проще простого. А как приказать многоопытному Долгополых и всезнающему другу Юре? Дядя Вася, если что и не так, деликатно промолчит, а Юрка при случае не упустит возможности выразить хотя бы прищуром глаз или взлетом бровей свое недоумение, удивление и все такое прочее.

— Перед нами поставлена задача подавить и вывести из строя тяжелую батарею противника, — начал Ватолин. — Батарея почти что у переднего края, а с наших наблюдательных пунктов ее не видно. Ни с каких пунктов не видно — ни с батальонных, ни с ротных. Что делать будем?

— И верно, задача, — вздохнул Долгополых.

— Удивительные задачи нам ставятся, неосуществимые, я полагаю, — сказал Павельев. — Эффективная контрбатареинная борьба, насколько мне известно, предполагает превосходство в калибре и численности стволов, а также достаточное количество боеприпасов. А у нас...

— Мне это тоже известно, товарищ старший лейтенант, — перебил его Ватолин и сам удивился твердости своего тона, а еще больше — его холодности, означавшей недопустимость возражений. И добавил: — Известно, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Давно и хорошо известно.

— Да-да, — кивнул примирительно Долгополых. — О чем речь, надо выполнять.

В щель, именуемую дверью, протиснулся младший лейтенант Сахно, недавний командир звзда управления шестой батареей, переведен-

ный на место погибшего начальника разведки дивизиона по настоянию Хабарова. Он и походил чем-то на Хабарова: не то строгостью взгляда, не то сдержанностью. Павельев бросил ободряюще бывшему своему подчиненному:

— Проходи, Серсжа. Как там?

Тот и бровью не повел, словно не слышал. Козырнул командиру дивизиона:

— Товарищ лейтенант, прошу извинить за опоздание. Полежать пришлось.

«Ну, чистый Хабарова», — подумал Ватолин и спросил:

— Стреляет?

— Так точно, стреляет. Из всех видов оружия.

— А тяжелая?

— Долбит. Один снаряд каждые полчаса. Зато какой снаряд! Отсюда слышно, как рвется.

— Ничего не разглядели?

— Нет. По звуку только можно определить... Рядом. В низине ведь мы, а фрицы наверху. Снизу не разглядишь.

— Разрешите мне, — поднял руку, как на школьном уроке, Заруднев. — Я знаю, откуда эту батарею видно. От церкви ее видно.

«Церковь» называли грудой кирпичей, оставшуюся от вдребезги разбитой часовни. Стояла она на участке, непосредственно примыкающем к вражеским позициям, отлично просматриваемом и не представляющем для немцев особого интереса. Это, по существу, была ничейная земля.

Долгополых всплеснул руками:

— Смотрите-ка, открыл Америку Витюша! А мы-то думаем-недодумаемся... Да там и снайперу делать нечего, там тебя фрицы из автомата уложат или гранатами закидают.

Павельев сидел молча, считая, видимо, излишним для себя участвовать в беспредметном споре. А Ватолин думал, что, если ничего другого они сейчас не придумают, придется принять этот вариант и надо будет пробираться кому-то к «церкви», чтобы оттуда корректировать стрельбу, и если все признают это дело безнадежным, посылать туда оп никого не будет, сам пойдет.

— Какую думу думаем, товарищи командиры? — заговорил опять Долгополых. — Все, кажись, ясно, как божий день. Приказ выполнять надо? Надо. Кроме как от церкви батареею эту не увидеть? Не увидать. Идти к этой церкви кому-то надо? Надо. Мне надо, потому что я старше вас и знаю, не в обиду вам скажу, чуть побольше вас... О чем же думать? — Он посмотрел в глаза Ватолину и улыбнулся: — О чем думать, товарищ лейтенант? Мне положено идти туда. По всем статьям положено. Так ведь?

— Так, — выдохнул командир дивизиона. — Вы пойдете. Этой же ночью отправляйтесь.

— Есть отправиться этой ночью, — дядя Вася поднялся. — Буду, коли так, настраиваться. Разрешите быть свободным?

10

Отправиться этой же ночью к церкви старшему лейтенанту Долгополых не пришлось — помещал начальник штаба Хабаров. Он позвонил исполняющему обязанности командира дивизиона:

— Докладываю: свечек (снарядов на огневых позициях) меньше четверти комплекта. С таким запасом выполнение поставленной задачи считаю абсолютно невозможным. Кроме того, предлагаю самовар (гаубицу) Павельева перевести поближе к хозяйству Долгополых. Там ему легче будет действовать.

Выслушав, Ватолин не нашел что возразить. Подумал, что впредь без согласования с начальником штаба не примет ни одного решения. К тому же вспомнил рассуждения Синельникова о роли командира дивизиона — «подписывай приказы, которые начальник штаба составит».

— Хорошо, — ответил Костя. — Подсчитайте все и отдайте распоряжение.

Гаубицу перевести — дело простейшее. Но снарядов не было и на отстоящей за десять километров базе. Пока снаряды доставили туда, пока их вез к огневым позициям на тощих лошадях взвод боепитания, прошло двое суток. Только тогда старший лейтенант Долгополых, придирчиво проверив состояние каждого орудия и умение бойцов вести скоростную стрельбу, отправился на ничейную землю.

Отправился не ночью, а днем, дабы самому лишний раз убедиться в непросматриваемости тяжелой вражеской батареи ни с какой иной точки, кроме как от церкви. А ночью связисты должны были кратчайшим путем протянуть провод.

Заряжающий Герман Лебеденков шел за старшим лейтенантом, строго выполняя его приказ: «Делай, как я». Гадал, что будет дальше, за следующим поворотом траншеи, и утешал себя: страшнее, чем в то утро, когда пятнистые чудовища двинулись на батарею, не будет — не может быть. Тем более что сейчас всего лишь в шаге перед Германом покачивалась перечеркнутая ремнем такая надежная спина командира батареи.

Долгополых иногда останавливался, заговаривал, как со старыми знакомыми, с артиллеристами «сорокапятки» и стрелками противотанковых ружей, расспрашивал, не слышат ли они выстрелы

тяжелой немецкой батареи, и если слышат, то с какой именно стороны, и много ли времени проходит от выстрела до того, как в воздухе прощелестит тяжелый снаряд. Отвечали по-разному, но больше так: слышать слышали, но время не замечали — ни к чему.

Достигли площадки, показавшейся после тесных траншей очень просторной. Отсюда шел крутой лаз в землянку. У входа сидел перебинтованной головой, в расстегнутой гимнастерке боец. Кивнув ему, Долгополых спросил, что тут можно увидеть, если подняться на бруствер.

— Ничего, — прохрипел простуженно боец.

— Как ничего?

— А так... Фриц увидеть ничего не даст, сразу уложит.

Спустились в землянку, там, сидя у стены, дремал лейтенант с автоматом на коленях.

— Здравствуй-здравствуй, старшой, — сказал он в ответ на приветствие Долгополых, умудрившись как-то разглядеть его петлицы в пробивающемся сверху тусклом снопе света. — Артиллерист, говоришь? Не в помощь ли нам?.. Тяжелая батарея? Да ну ее.

Лейтенант пояснил, что командует ротой, в которой осталось пять человек. И роту выбила не эта батарея. Она швыряет свои снаряды по тылам и пусть себе швыряет, чтобы тыловики не забывали, что числятся на фронте.

— А ты что, хочешь ее накрыть? — спросил он с немалым удивлением. — Не получится. С «кукурузников» надо ее бомбить. А «кукурузников» теперь не слышно, видно, куда-то перебросили...

Помолчали. Лейтенант снова закрыл глаза. Потом очнулся как от толчка:

— Или тебе очень надо? Так постреляй... Не глядя. Я покажу по карте, где она примерно. И акт подпишу: подавлена, выведено из строя столько-то солдат противника. Вот и все, старшой.

Лебеденков не знал о введенном недавно порядке: выпустил такое-то количество снарядов — отчитайся, представь подписанный начальником стрелкового подразделения акт, свидетельствующий, что боеприпасы израсходованы не зря. Однако без труда сообразил, о чем идет речь, и с интересом воззрелся на своего командира.

— Спасибо и на том, — ответил старший лейтенант. — В акте пока не нуждаюсь. А понадобится, обязательно к тебе приду. Ну будь...

Вылезли из землянки. Постояли, прищуриваясь от света. Раскаленный воздух был недвижим. Должно быть, и фрицев сморила жара.

— Тихо-то как, — полушепотом произнес дядя Вася. Это были его последние слова.

Через бруствер перелетела граната, похожая на консервную банку, но с длинной деревянной ручкой. Шлепнулась и, шипя, закружилась у самых ног застывшего в ужасе Лебеденкова.

— Назад ее, назад! — прохрипел, бросившись к нему, боец с забинтованной головой. Но его опередил старший лейтенант. Он отшвырнул Лебеденкова, мигом схватил деревянную ручку и бросил гранату обратно... Сколько раз у скольких уже получалось так, что граната с длинной деревянной ручкой возвращалась назад к немцам. На сей раз не получилось (бросить бы на секунду раньше!), взлетела и тут же оглушительно треснула, больно ужалив лежавшего Лебеденкова в плечо.

Он вскочил и, ощутив под ладонью липнувший, теплый рукав гимнастерки, испуганно огляделся. Увидел лежавшего навзничь старшего лейтенанта. Голова его неестественно далеко запрокинулась назад, поэтому не было видно лица. Лебеденков, почувствовав озноб, пошел к вытянувшемуся в такой необычной позе командиру батареи, едва переставляя ноги, словно выжидая, что вот-вот он поднимется и скажет: «Ну ладно, хватит... Двинувшись дальше».

Бесформенное лицо старшего лейтенанта кровоточило. Лебеденкову стало страшно, очень страшно, почти так же, как в то утро на батарее, когда он плакал и грыз землю. Только к тому ужасу прибавилось теперь отчаяние: не стало человека, в котором он, сам того не сознавая, видел не просто старшего, распорядившегося им, но и самого близкого человека. Лебеденков остался вовсе незащитимым.

Стоя, потупившись, над коченеющим трупом, он впервые в жизни не боялся покойника. Стоял и неслышно, едва шевеля губами, шептал: «Как же так, как же так...» Он не хотел отрывать взгляда, не хотел видеть ни площадки, только что казавшейся такой мирной и чистой, ни траншей, ни этого бесчувственного, с выплывшими глазами, почерневшего, как смоль, бойца.

Когда Лебеденков издал звук, похожий на стон, боец толкнул его в спину:

— Эй, ты!

Лебеденков обернулся:

— А?

— Ты что, чокнутый? Или первый день на войне? Унести его надо.

— Куда унести?

— Куда, куда... Куда-нибудь. Закопать надо. Не валяться же ему здесь.

— Не-ет, — выдал глухо Лебеденков и вздрогнул, как от удара плетью. Он снова похолодел от ужаса, представив, как сам станет закапывать старшего лейтенанта и один потащится по нескончаемым траншеям, полным свистящих, летящих в него одного пуль. И как он разберется в бесчисленных переходах, если шел сюда, не видя впереди ничего, кроме надежной, покачивающейся спины командира батареи?

Из землянки вылез командир роты. Увидел мертвым своего недавнего собеседника, присвистнул:

— Судьба-индейка...

Позвал еще одного бойца и указал:

— Вон там, за батальонным КП, артиллеристы сидят... Отнесите его туда. — Подумал секунду. — Пойдите, сам с вами пойду.

За батальонным КП сидел на своем наблюдательном пункте командир пятой батареи лейтенант Заруднев.

11

Еще одной истиной, твердо усвоенной Костей Ватолиным с тех пор, как он решил, что посвятит себя службе в Красной Армии, было: дисциплина — прежде всего. Дисциплина железная! Соответственно жесткими должны быть средства ее достижения. Жесткими прежде всего по форме, не допускающими ни малейшего отклонения от Устава и раз и навсегда заведенного порядка.

Истину эту, безусловно, подтверждали месяцы пребывания в училище, подтверждали ее каждым своим не только поступком, но и словом и жестом пунктуальнейший наставник лейтенант Абакумов. За нее, бесспорно, — не спускающий промашек майор Машковцев. Правда, его жесткость часто принимает облик обыкновенной грубости. Но это неважно. Грубость, может быть, всего лишь одна из подходящих на войне форм жесткости, обусловленных противной природе человека обстановкой, в которой он должен жить и выжить, чтобы убить. Что такое в этой обстановке грубость, если ежеминутно рядом смерть!

Наверное, как раз из-за своей мягкости, рассуждал Костя, не стал командиром дивизиона старший лейтенант Долгополых. А Хабаров? Не мягок, нет. Зато слишком спокоен к некоторым проступкам подчиненных. А я, лейтенант Ватолин? Я ведь тоже не смогу?

Истина «дисциплина — прежде всего» подтверждалась по всем статьям и на командном пункте

стрелкового полка, у майора Кормановского. Но с одной смутившей Ватолина оговоркой — на видимую жесткость здесь не было и намека. Никто ни на кого не повышал голоса, тем более не кричал. Никто, вырвав у телефониста трубку аппарата, угрожающе не вопрошал: «Куда смотрите...», или: «До каких, спрашивается, пор...», или: «Какого черта...». Все на вид было спокойно и размеренно, будто не на войне.

Командир полка всем без исключения говорил обычно «вы». На «ты» переходил в редких случаях, чаще всего, когда речь шла о каком-то чрезвычайно трудном, почти невыполнимом задании. Тогда он сухо, без лишних слов изложив задание, добавлял: «Очень тебя прошу».

Машковцев многим тоже говорил «вы». Но только перед строем, на многочленных совещаниях или когда, отдавая приказ, хотел подчеркнуть его значимость. Бойцам, независимо от возраста, «тыкал». И командирам «тыкал». Но не в этом даже было главное. Главное в том, что в ответ на его «тыканье» командир, стоявший по стойке «смирно», чаще вовсе вытягивался, по выражению Сени Синельникова, «как гад перед солнцем», чувствовал себя маленьким-премаленьким и ждал нагоняя. Услышавшего же от Кормановского «Очень тебя прошу» так и подмигивало ответить: «Я тебя не подведу».

Еще удивило Ватолина впервые услышанное им в армии обращение по имени-отчеству, когда случайно попал на КП стрелкового полка. Даже сержант-ординарец отвечал майору: «Слушаюсь, Михаил Эрастович!» Куда уж дальше! По книгам и кинофильмам Костя знал, что такое интеллигентско-барское обращение по имени-отчеству бытовало в среде царских и белогвардейских офицеров. Но уместно ли оно в Красной Армии? И тем не менее, явившись снова в блиндаж командира стрелкового полка, лейтенант не почувствовал никакой неловкости, когда слышал:

— Здравствуйте, Константин Сергеевич.

У Ватолина разом снялся тяжкий груз неприятных воспоминаний о первой встрече, о тех минутах, когда он, Костя, мнивший себя «почти равным командиру стрелкового полка», сидел вот здесь, на этом табурете, грязный, оглохший, жалкий.

Теперь он пришел в новеньком диагональном обмундировании, в яловых сапогах и в фуражке, слабо надеясь хоть этим показать, что то был случайный эпизод и он, лейтенант Ватолин, не совсем тот, за кого его в первый раз приняли.

Майор, кажется, не обратил ни малейшего внимания на новое обмундирование.

— Что же вы стоите у порога? Пожалуйста, к столу. Поделюсь заботами...

Пили чай с очень вкусным печеньем, подобного которому Костя не пробовал с времен довоенных. Майор говорил, лейтенант внимательно слушал.

— Вот наши наиболее уязвимые места, — майор указал на карте две точки. — Местность самая невыгодная, и огневых средств недостаточно.

— По одной полковой пушке на участок, — уточнил лысеющий хмурый капитан, подняв на этот раз глаза. Он оказался не начальником, а помощником начальника штаба по оперативной части. Глаза его были усталые. Лицо серое. Вероятно, ему мало доводилось видеть солнце, корпел над картами и бумагами при свечах.

— Да, — согласился майор, — всего по одной полковой пушке. Потому мы и рассчитываем на вас.

Пользуясь относительным затишьем, в блиндаж постоянно входили и выходили из него. Докладывали скупое, не распространяясь о деталях, характеризующих успех или осложнение обстановки. Судя по всему, многословия командир полка не терпел. Пытавшегося изложить ненужные подробности обрывал:

— Ясно. Идите.

Тот по-уставному круто поворачивался и уходил. Одного командира батальона Кормановский задержал:

— Какая батарея арtpолка поддерживает вас?

Он знал какая, но проверял — крепка ли связь с артиллеристами у командира батальона.

— Пятая, товарищ майор. Лейтенант Заруднев.

— Как она?

— Снарядов нет. А ребята ничего, боевые. Комбат готов все огневые точки противника разбить.

— Готов... Это уже хорошо. А о снарядах мы с командиром дивизиона позаботимся, — майор обернулся к Ватолину. — Подумаем.

Ватолин почувствовал, как теплая волна прокатилась от головы до пят. Обязательно подумаем, твердо решил про себя. Не подумаем, а сделаем так, что снаряды будут. Вернее, я сделаю. Разве можно не помочь этому командиру батальона, такому измотанному и невзрачному на вид, но очень симпатичному. Вот он-то действительно равный по должности командиру дивизиона, однако жизнь его куда труднее Костиной... И каким, должно быть, молодцом выглядит там, в батальоне, никогда не унывающий, умеющий со всеми ладить «паручик граф» Заруднев.

Ватолин привыкал к новой роли, находил с помощью майора Кормановского и при нетерпеливом понукании майора Машковцева свое место,

начинал дальше видеть. Он уже без смущения указывал подчиненным на их промахи, нимало не заботясь о том, что подчиненные подумают и скажут.

Словом, все было ладно до того дня, точнее до той минуты, когда Заруднев сообщил о гибели старшего лейтенанта Долгополых. Сообщение оглушило, как оглушила когда-то весть о гибели командира дивизиона. Долгополых не был его начальником, наоборот, подчинялся в последнее время Косте. И как подчинялся! Выполнял не отданный еще ему приказ, всем своим видом как бы говоря: «Вы как знаете, а для меня и зеленый Ватолин — командир».

За печальными раздумьями последовало полное уныние после того, как исполняющий обязанности командира дивизиона услышал в телефонной трубке металлический голос Машковцева:

— Не уберегли, значит, Васю? — металл в голосе майора обретал белое каление. — Эх вы... школьники! — Снизил тон, Машковцев продолжал: — Кого думаешь поставить на хозяйство?

— Синельникова. Больше некого.

— Несерьезный он какой-то. Ладно, если некого. Пришли его ко мне. Посмотрим.

После короткого молчания металл в голосе майора снова зазвенел:

— И вот что... Человека нет, а приказ по-прежнему не выполнен. Или опять ссылаться будете на что-нибудь? Свечи-то теперь имеются. Смотрите мне!..

К рассвету трое — Ватолин, ординарец Недавода и Сахно добрались до высоты с разбитой часовней. Бесшумно поднялись до груды кирпичей, переполошив находившихся там двух связистов. Те чуть не открыли стрельбу, увидев движущиеся на них фигуры в маскировочных костюмах.

Заалел восток. Выкатилось солнце, утопив в быстро рассеивающемся под горячими лучами мареве неоглядное пространство к западу от часовни. Вот она! Жерла орудий торчали из широких амбразур глубоко посаженных в землю укрытий.

«Как близко!» — подумал каждый из наблюдавших сейчас эту картину с широчайшей земли у груды разбитого кирпича. «А что, если увидят нас? — пронеслось в голове Ватолина. — Тут не то что обстрелять, тут голыми руками взять можно... Ну голыми, положим, не возьмут».

Набирающее высоту солнце высветило остатки вытоптанной травы на бывшем когда-то городском газоне, следы пагара на орудийных жерлах. Из-под земли вырос немец-солдат, потянувшись, зевнул и не торопясь направился к огоро-

женному темными досками прямоугольнику. Показался еще один, потом другой, третий... Двое уселись рядышком на низкую скамеечку и, задржав головы, щурясь, рассматривали безоблачную вышину.

«Что-то сейчас будет!» — Ватолин глазомерно готовил исходные данные для стрельбы бывшей своей пятой батареей. Сахно делал расчет для четвертой батареи и для единственной гаубицы Павельева.

— Пятой батарее... Ориентир два, правее ноль тридцать пять, прицел меньше восемь, первому один снаряд, огонь! — скомандовал комдив. Телефонист повторил команду и... ничего не случилось — белое облако почти неслышного разрыва взметнулось далеко за целью.

Ватолин досадливо плюнул и, стараясь не смотреть на Сахно, убавил прицел сразу на шестнадцать делений. Снова перелет. Однако немцы забеспокоились: откуда такой неожиданный сюрприз?

— Левее ноль-ноль восемь, прицел меньше четыре, огонь!

Теперь недолет. Но какой! Черный снаряд с оглушающим грохотом поднялся прямо перед наблюдательным пунктом, лишь в несколь-

ких метрах. Ничего! Зато есть «вилка». Ватолин споловинил ее и, вопреки правилу, сразу дал беглый огонь. Разрывы легли не очень густо, но там, где надо. Немцев как ветром сдуло — попрятались. Ватолин повторил:

— Огонь!

Над одним из укрытий показался желтый дымок. Укрытие вспучилось и, глухо ахнув, осело, выбросив кусок бревна. «Ага! — злорадно подумал Костя. — А говорили, что у них железобетонные перекрытия и ничем их не раздолбишь». Он забыл уже о том, что до противника рукой подать. Ему хотелось плясать, обнять и расцеловать лежавших рядом Сахно и Недайводу. Он думал: какой молодец сержант Плотников, оставшийся за старшего на батарее, посылавшей снаряд за снарядом в темпе, достижимом разве только на учениях.

Ему не терпелось вырвать у телефониста трубку и во все горло закричал: «Молодцы!» Он не знал, что то же самое уже сказал бойцам скрупулезно проверивший готовность орудий к бою и стоявший в ту минуту возле них старший политрук Агафонов.

Пристрелялись четвертая батарея и гаубица шестой. Теперь все пять стволов дивизиона дол-

били узкую полосу земли. Несколько немецких солдат, не стерпев, выскочили из своих нор и кинулись в ближайшую канаву. В развороченное уже укрытие попал еще снаряд. Но другие стояли как замороженные — разрывы ложились чуть дальше них. Надо было снова убавлять прицел. И Ватолин убавил. Земля взметнулась позади наблюдательного пункта.

— Это называется огонь на себя,— процедил Сахно и сполз в щель. Его примеру последовал Ватолин, а глядя на него и Недайвода. И вовремя. Следующий разрыв поднял в воздух остатки часовни. Вместе с осколками снаряда прожужжали куски кирпича. Запах взрывчатки перемешался с трупным смрадом. Над головами несея вой посылаемых своими же орудиями фугасок.

Помня, что в артиллерии двух попаданий в одну точку не бывает, Ватолин высунулся из щели. Над крайним справа фашистским орудием торчали бревна. И само орудие не смотрело, как прежде, самоуверенно вверх, а уткнулось жерлом в землю...

— Линия оборвалась, товарищ лейтенант,— прохрипел в самое ухо связист. И выжидающе посмотрел ему в глаза: идти искать и устранять повреждение?

Ватолин неожиданно для самого себя заметил: дивизион, заметно сбавив темп, и без его команды продолжает посылать снаряд за снарядом. Крикнул:

— Уходим! — Толкнул в бок связиста. — Быстро!

Тот, взяв аппарат, кинулся с ничейной земли. Но как раз в этот миг рванула рядом фугаска. Боец покачнулся и упал. Его подхватил второй связист и скрылся внизу.

— Давай,— кивнул комдив начальнику разведки.

Сахно взглянул вверх, словно опасался, что воюющие над ним снаряды задепут его за голову, поднялся на руках, выбросил ноги и скатился кубарем. Последним покинул наблюдательный пункт, ставший хорошо пристрелянной целью, Недайвода, как и положено ординарцу.

12

— Хватит, хватит,— произнес майор Машковцев, взглянув на явившегося к нему младшего лейтенанта Синельникова. И тут же пояснил: — Хватит сидеть на взводе. Батарейю думаем вам поручить. Справитесь?

— Нет, не справлюсь, товарищ майор,— выпалил Семен.

— Как так?! — опешил командир полка. Он ждал любого ответа: «Спасибо за доверие», «Приложу все силы», «Постараюсь», в самом крайнем случае — «Боясь, что не справлюсь». Но категоричное «нет» — это уже чересчур.

— Запомни, младший лейтенант: такие заявления, как твое «нет», старшему начальнику не преподносят,— голос командира полка звучал на полную мощность,— заруби на своем носу. Понял? Ступай и выполняй приказ — командуй батареей. И чтобы без фокусов... Ступай!

Синельникову в принципе было все равно, чем командовать — батареей, дивизионом, полком ли. Хоть армией... Тщеславия на сей счет он не испытывал ни малейшего. Но взводом — лучше. Положение «Ваньки-взводного», как выражались некоторые, его вполне устраивало. Оно позволяло в какой-то мере оставаться самим собой, исполняя обязанности, которые сейчас, когда такая война и надо непременно убить «своего» фашиста, нельзя не исполнять.

«Все равно от батареи остался один взвод... К чему эта игра в начальники, из-за чего шум поднимать?» — рассуждал Синельников, выходя из просторной низкой комнаты, именуемой кабинетом командира полка. Закрыв за собой дверь, он услышал высокий, срывающийся полупшепот:

— Товарищ младший лейтенант... Сеня.

В стороне у аппарата, установленного на маленьком столике, сидела телефонистка, хрупкая, с дерзкими глазами, и белозубо улыбалась.

— Зоя!.. Вы?! Ты?!

— Минутку,— Зоя сказала что-то кому-то в трубку. Прибежала другая телефонистка и заняла ее место.— Пойдем сюда...

Зоя села на стоявшую в глубине прихожей низкую скамью, потянула Семена за рукав, усадила рядом.

— А я о тебе вспоминала,— сообщила тоном, каким обычно говорят: «А у меня что-то есть». Сердце у Семена стучало в висках.

— Я... Я...

Он хотел сказать, что очень тосковал о ней и пытался ее искать. Но сказал совсем не то:

— Я рад за тебя. Здесь хорошо, тихо, спокойно, не стреляют.

Сказал, потому что растерялся, оробел. Не робел и не терялся ни перед каким самым большим начальством, а перед этой девчонкой, самым что ни есть рядовым бойцом, оробел. Прежде с девушками он разговаривал смело, даже нахально, мог запросто потащить танцевать. А сейчас боялся поднять глаза.

— Да, хорошо, не стреляют,— согласилась Зоя. Оба смолкли. Она нарушила молчание: — Зачем ты приехал?

— Так... Командир полка вызвал.

— Нагоняй, наверное, давал? Он у нас такой, строгий...

«У нас», — отметил Семен. Запершило в горле. Зоя опять потянула его за рукав.

— Фу, какой серьезный... Расскажи, как там, на передовой. Все поешь?

— Пою, да не знаю, где сяду...

— Знаешь, что я скажу... Здесь хорошо, не стреляют. А там, на промежуточной, было лучше.

— Попросись назад! — оживился Синельников, ощутив теплое прикосновение надежды.

Зоя мотнула головой:

— Нету уже той промежуточной. Перенесли. И Раю убило...

Младший лейтенант осторожно, чтобы не зацепили проходившие мимо, погладил ее ладошку.

— Зоя, хорошая моя...

Он, кажется, отдал бы все, чтобы иметь право взять ее на руки и унести к себе, на батарею.

— Не надо, — девушка отодвинулась. — И так уже внимание обращают. Я пойду.

Они встали. Зоя опустила голову.

— Помнишь, ты говорил, что любишь... Я тоже... Не забывай меня. Ладно?..

— Никак младший лейтенант Синельников? — Перед Семеном вырос стройный чубатый помощник комиссара полка политрук Гиглавый. — Гость с передовой. Это здорово! Пошли, пошли ко мне!

Синельникову до сердечной боли не хотелось ни с кем встречаться, тем более ни к кому заходить. Его молчание политрук принял, видимо, за робость. Взял за плечи и повел, затащил в какую-то каморку, втиснул в старое кожаное кресло.

— Как там у вас морально-политическая обстановка? Прорехи ликвидируете?

«Какие «прорехи»? — насторожился Семен. — Ах, да...» И он вспомнил...

Гиглавый неожиданно нагрянул во второй дивизион в качестве инспектирующего. Заглядывал в стволы орудий, проверяя, как вычищены. Обращал внимание на выправку бойцов, требовал подавать команду для стрельбы по танку. Надо было четко, без запинки прокричать: «По танку, угломер тридцать ноль-ноль, прицел такой-то, бронебойным, один снаряд, огонь!»

Бойцы кричали. Но не громко или не четко. Инспектирующий сердился. Синельников полюбопытствовал:

— Зачем каждому бойцу знать команду для стрельбы по танкам?

— Один если останется, что делать будет? Руки вверх подымет?

— Стрелять будет, а не командовать самому себе.

Политрук не нашел, что возразить, и потому вовсе распалился.

— Прорехи... — повторил Семен, — конечно, ликвидируем.

Ему хотелось поскорее отделаться.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказал политрук. — Между прочим, давно знаком с Луканиной?

— С какой Луканиной?

— С какой, с какой... — внезапно разозлился Гиглавый. — С которой шептался в коридоре.

— Луканина, — произнес задумчиво Семен. — Не знал.

— ...И фамилию не спрашивал?

Семен вскочил. Глаза его не предвещали ничего доброго. Гиглавый поспешил отпустить строптивого младшего лейтенанта.

13

Может, где-то, когда-то майор Машковцев и хвалил второй дивизион, но Ватолину своего удовлетворения удачной стрельбой по тяжелой фашистской батарее не выразил. Заметил мимоходом:

— Командиру дивизиона лезть на рожон не положено. Положено сидеть на своем месте и командовать. Повторяю: командовать! Положено других на рожон посылать. А это, товарищ исполняющий обязанности, не легче...

Не сказал добрых слов и майор Кормановский. Но все же во взгляде и тоне, когда он обращался к Ватолину, появилось нечто неуловимо новое: еще серьезнее стали взгляд и тон, что ли... А раз майор так произнес обычное «Константин Сергеевич», что лейтенант неожиданно для самого себя ответил: «Да, Михаил Эрастович».

Один лишь «поручик граф» Заруднев нет-нет да вспоминал о стрельбе комдива с ничейной земли. Иногда прислушивался — не та ли тяжелая батарея опять и радостно замечал: «Нет, не та. Та молчит». Зарудневу простительно: крепко сидело в нем нечто от детства, не выжженное огнем боев, выпавших на его долю с первых же дней пребывания на фронте, не вытравленное горечью потерь. Он больше всех тяготился вынужденным бездельем, лазал по самым опасным участкам переднего края обороны. Возвратившись однажды, рассказывал:

— Видимость — лучше не надо. Во! — выставлял большой палец. — Выкатить бы туда пушку да как ша-ар-рахнуть!

— Потом что? — спросил его Ватолин, находившийся на наблюдательном пункте. — Бросить

пушку и убежать? И вообще... Ты сейчас за командира батареи. А командиру батареи лезть на рожон не полагается. Понял? — наставнически заключил он, не заметив, что повторяет сказанное командиром полка.

— Не суетись, Витя,— успокаивал и старший полнтурк.

Добравшись ночью до Атуевки, Агафонов первым делом взял под руку Ватолина, вывел из блиндажа в траншею, отослал дежурившего разведчика, посмотрел в стереотрубу.

— Огоньки... Курят фрицы, не боятся. Подраспустили мы их.— Направил объективы вправо, влево, вернул в прежнее положение. Посмотрел на Ватолина.— Хочу сказать... Неудобно получается: командир дивизиона — и беспартийный.

— Это вы обо мне?

— О тебе. О ком же еще.

— Я не беспартийный, я комсомолец.

— Ясно, что комсомолец. Но в партию вступить надо.

Разговор для лейтенанта был совершенно неожиданным. Ему — в партию! Отец его, Сергей Павлович,— коммунист Ленинского призыва. Но то отец! Косте до него — дистанция огромного размера.

— Что скажешь?— настаивал Агафонов.

Ватолин молчал.

— Дайте подумать, товарищ старший политрук. Сам к вам приду, когда поверю, что имею право прийти.

— Договорились. И попутно советую: пока тихо и я здесь, отправляйся в штаб дивизиона. Разберетесь с Хабаровым в делах, заглянешь на огневые позиции — тоже надо. И комбатам дай команду выбраться отсюда на денек.

Комиссар опередил Ватолина, собиравшегося сообщить ему как раз о своем намерении «заглянуть на огневые позиции». Намерение это побуждалось вот чем.

Старшина пятой батареи Илья Мангул уже не раз вопреки всякой субординации обращался к командиру дивизиона с просьбой приехать и «принять баньку». Зная, что «принятием баньки» старшина не ограничится, Костя решил пригласить на пятую батарею Синельникова с Павельевым — давно не сидели вместе в тишине.

...Банька у Мангула была отменная. В благостном состоянии поднявшись из землянки, оборудованной под баню, Ватолин в изнеможении сел на траву. Старшина подал полотенце:

— Положите на голову.

Лейтенант положил. И тут же уткнулся лицом в колени — нестерпимо захотелось спать, провалиться в мягкую, обволакивающую негой бездну. Очнулся лежа на шинели. Мангул тут же. И ор-

динарец Недайвода рядом. А солнце ближе к закату. Значит, с час поспал.

— Пора, товарищ комдив, перекусить,— тоном рапорта сказал старшина.

Стол был накрыт в блиндаже, расположенном на отшибе, подальше от орудий. Спустившись, Синельников поднял руки:

— Натюрморт! — Указал на открытую банку с маленькими консервированными сосисками.— А это знаете как называется? «Улыбка Рузвельта».

Кроме сосисок здесь были свиная тушенка, макароны, жареная картошка и (что уж совсем в диковинку!) соленые огурцы. Старшина достал из стоявшего в углу ящика флягу, налил в кружки, придвинул к каждому котелок с водой. Ватолин встал. Поднялись все.

— Сначала за погибших,— предложил комдив.

— Вечная слава им,— сказал Синельников.

— И вечная память,— поддержал Павельев.

Выпили. Потом разом заговорили кто о чем. Заруднев о тяжелой фашистской батарее, которая «навсегда заткнулась», Синельников — о своем светлом городе, где «трамвай дзинь-дзинь».

Потом Семен взял прислоненную к стене гитару и заиграл. И все сразу уловили мелодию совершенно незнакомую и вместе с тем близкую, простую, трогавшую в каждой скрытую и нежную струну:

Никогда я не был на Босфоре.

Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнем.

Пел он негромко, легко, ровно. Но слышался в его пении шорох прибора, виделась искрящаяся на солнце волна, чистое, без единого облачка небо, ласковый, согревающий сердце взгляд... Ватолин, знавший есенинское стихотворение, начал подпевать. Его робко поддержал Заруднев.

Песня кончилась. Но гитара еще звучала. Синельников, склонив голову, продолжал перебирать струны, едва касаясь их. И каждому слышалось и виделось что-то совершенно определенное, то, что ему хотелось слышать и видеть.

14

Противник заметно активизировался. В небе зачастил разведывательный самолет — «рама». Опять начались бомбежки ближних коммуникаций. Начальник разведки Сахно докладывал: каждую ночь с той стороны переднего края слышен шум моторов. Да и майор Манюковцев на очередном совещании прямо заявил:

— Немцы готовятся. Так что, дорогие товари-

щи, курорт, считайте, закончен. А то некоторые банкеты начали устраивать... С пением задушевных, извините, песен. А Родина, между прочим, этим певцам присваивает очередные звания... Вот.

Майор зачитал приказ о присвоении очередных званий командирам артиллерийского полка. Ватолин и Заруднев стали старшими лейтенантами, Сахно и Синельников — лейтенантами.

— Чем надо ответить на эту честь? — вопрошал Машковцев. — В ответ на эту честь и заботу надо головы сложить. — Замолк и поспешно добавил: — А врага не пропустить. У меня все. Прошу немедленно разъехаться по подразделениям...

Приказ о присвоении очередного звания не удивил Ватолина, он знал, что повышение ему положено через два месяца пребывания на фронте, а прошло больше. Лишь подумал: придется еще один «кубарь» вдеть, а где его взять? Впрочем, у Недаиводы найдется.

При выходе ему весело мигнул командир третьего дивизиона Борейшо. Костя понял: приветствует в связи с повышением.

...Немцы готовились. И ни Машковцев, ни Кормановский, ни Борейшо с Ватолиным не знали, что активность противника — последняя в преддверии зимы вспышка, яркая, но последняя. И не могли знать, потому что последняя она или предпоследняя — зависело от них, от Машковцева и Кормановского, от Борейшо и Ватолина, от всех, кто стоял сейчас на восточной окраине города. Им гасить эту вспышку. А чем гасить, если руки и без того сплошь обожжены. Обожжены так, что к чему ни притронься — больно нестерпимо.

Эту боль старший лейтенант Ватолин остро ощутил той же ночью в Атуевке. Перед рассветом добрался до командного пункта стрелкового полка и, кажется, впервые не застал на месте Кормановского.

— Ушел в батальоны, — пояснил помначштаба Николай Петрович. — Обстановка напряженнейшая. Ждем.

Чего ждали — стало сразу ясно в батальоне, поддерживаемом пятой батареей. Траншеи углублены, ячейки для стрелков расчищены, в них разложены гранаты. Больше обычного и ящиков с патронами у противотанковых ружей. Но ружей, как показалось Ватолину, меньше, чем было, а сорокапятимиллиметровых пушек вовсе не видно. И стрелков — тут один, там двое. Впрочем, остальные, возможно, отдыхают в укрытии под фундаментом бывшего дома.

У крутого спуска в укрытие Ватолин с Зарудневым разглядели Кормановского и командира батальона, того, что заходил когда-то с докладом к командиру полка, худого и невзрачного. Они о чем-то тихо беседовали. Командир батальона гля-

дел в землю и время от времени согласно кивал. До Ватолина с Зарудневым донеслись слова майора:

— Возьми себя в руки, Просолов. Не так страшен черт... И помни, что ты не один...

— Возьму, товарищ майор, — ответил тот и поднял голову.

Ватолин подумал: и все-таки, когда уйдет Кормановский, он останется один. Пусть с ним еще находящийся в строю командир роты, с ним бойцы (строго говоря, горстка бойцов) и комроты, и бойцы оглядываются на него, командира батальона. Он главный на этом опаснейшем участке обороны. Ватолин невольно поежил, представив себя на его месте.

Майор заметил артиллеристов, сдержанно поздоровался. Ватолин ждал, что сейчас, как обычно, обрисует обстановку, поделится своими заботами. Но Кормановский только спросил:

— Вы ко мне? — и кивнул: устраивайтесь, мол.

Ватолин сел. А Заруднев осматривал крутой лаз в укрытие, обошел вокруг него, направился в траншею, к самому брустверу, поговорил о чем-то с бойцом у противотанкового ружья.

Ватолин следил за ним и начинал злиться. Во-первых, Витя, как всегда, суетился. Неисправим! Во-вторых, выглядел так, будто радовался чему-то. Какая тут может быть радость? И вдобавок — это нестремимое в нем щегольство. Ну, щегольство не щегольство, а какая-то невосприимчивость к окопной неустроенности, к грязи: можно было подумать, что он сегодня прибыл из глубокого тыла и с детской наивностью дивится всему увиденному впервые.

Обычно командир дивизиона вполне одобрял эту Витину невосприимчивость, даже завидовал ей, а сейчас она раздражала. Может быть, потому что рядом с ним, с Витей, очень уж невыгодно смотрелся симпатичный командир батальона.

— Что ты там нашел? — спросил Ватолин, когда на суетливость командира батареи обратил внимание и Кормановский.

— У меня идея! — Заруднев просиял. — Вот сюда, где повыше, поставь пушки. А чуть рассветет — бить бронебойными по немецким самоходкам. Рядом они, промахнуться трудно... И каюк им, на нас больше не пойдут...

— Не новая идея, — буркнул Ватолин, — высказывал уже. А потом как?

— Потом просто. Смотрите, — Витя указал на крутой лаз под фундамент бывшего каменного здания. — Расширим. Отстрелявшись, спрячем пушки туда. Затащим на руках. Пусть тогда фриц палит. Отсидимся...

Ватолин не ответил, потому что слушавший Заруднева командир стрелкового полка молчал.

Молчали и остальные. Когда прощались, Кормановский сказал:

— Не прошу, не настаиваю и к командиру дивизии входить с предложением не буду. Понимаю, чем это вам грозит... Решайте сами, посоветуйтесь со своим командиром полка.

Странное дело: скажи сейчас майор «Требую!», и Ватолин с легким сердцем убедил бы самого себя, что выдвигать пушки на самый передний край абсолютно нецелесообразно. Но это «решайте сами» легло на него тяжким грузом. Оно означало все то же доверие, которое Михаил Эрастович выражал ему чуть ли не с первой их встречи, оно обязывало решать так, чтобы стрелковый полк ощутил наконец поддержку артиллеристов, чтобы батальон Просолова не оставался один на один с врагом.

Совет с командиром артиллерийского полка состоялся сразу по возвращении Ватолина на свой командный пункт.

— Почему тебя на месте не бывает? — спросил по телефону Машковцев. — Не по девкам ли мотаешься? Или шастаешь по батальонам? Не твое это дело. Твое дело — командовать. Сколько можно повторять!

Старший лейтенант иносказательно, на телефонном языке изложил Витино предложение. В трубке — сопение. Потом сердитый голос:

— У Мишки на поводу идешь?

Не сразу сообразив, что «Мишка» — это Кормановский, Ватолин ответил:

— Иду на поводу обстановки...

— Обстановку знаю. Отчаянные вы с Зарудневым. — Опять молчание. — Ну смотри... Сковывать твою инициативу не стану. Нынче сковывать не велят. Сам решай, тебе виднее, я в тех траншеях не бывал.

Опять — «сам решай»!

— Телефонист, — позвал Ватолин, — начальника штаба мне.

Начальник штаба откликнулся без промедления.

— Иван Никанорович, — сказал в трубку командир дивизиона и запнулся: сам удивился вырвавшемуся неожиданно обращению по имени-отчеству. — Не могли бы вы, как стемнеет, прибыть ко мне?

— Есть. Уже темнеет. Через час буду.

Бесстрастно выслушав командира дивизиона, Хабаров сказал:

— При том количестве боеприпасов, которое имеется, стрельба прямой наводкой — единственное средство нанести урон противнику.

— Стрельба из батальонных траншей?

Подобие улыбки тронуло лицо начальника штаба.

— Иной возможности увидеть противника нет. Пока... Пока он не перешел в наступление. Значит, стрельба на поражение возможна только из траншей, товарищ старший лейтенант. И позиция, предложенная старшим лейтенантом Зарудневым, мне представляется вполне приемлемой, с одной поправкой. Непосредственно в район траншей надо ставить не оба орудия, а одно, и не левее от разрушенного дома, а правее.

— Почему?

— Потому что самоходки противника стоят вот так, я это знаю из доклада командира стрелкового полка. И, чтобы поразить их, удобнее вести огонь с позиции правее разрушенного дома — оттуда стрельба по самоходкам будет не в лоб им, а в бока...

— Разумно!

— Вторую пушку, товарищ старший лейтенант, считаю нужным разместить вот здесь, — Хабаров показал на карте. — Отсюда она прикроет в случае чего первое орудие. Это нелишне.

— Нелишне, — согласился Ватолин. — Спасибо, товарищ старший лейтенант. — Хотел сказать «Иван Никанорович», но в этот раз сдержался. — У меня все.

И встал. Так делал майор Машковцев, давая тем самым понять, что разговор закончен.

15

На войне лишь враг, он единственный, даст в конце концов исчерпывающий ответ на вопрос — правильное или неправильное решение принял командир. Вышестоящие начальники и подчиненные могут ошибиться. Первые — по той причине, что, видя дальше и шире, не различают, случается, многих мелочей, частных, играющих немаловажную роль в действиях командиров. Вторые, наоборот, не только различают мелочи, частности, но знают их на ощупь и на вкус, а о том, что за их пределом, не осведомлены. Именно частности — внезапно появившийся, простреливающий как раз этот клочок земли фашистский пулемет, бугорок, позволяющий спрятаться от мины, лишняя граната под рукой, которую можно схватить, не поднимая головы, и швырнуть в набегающего немца, — определяют их судьбу, судьбу подчиненных.

А враг смотрит на действия противостоящего ему командира и сверху, и снизу, и прямо — как угодно. Он беспощадно, всей своей мощью испытывает на прочность принятое решение и в целом, в масштабе более широком, и по деталям, по частностям. Не удастся опровергнуть в це-

лом — бросится на частности, отыщет ту, что слабее, и отыграется на ней.

Заруднев, конечно же, нимало не беспокоился, что скажут его подчиненные по поводу принятого по его инициативе столь непривычного перемещения огневой позиции. Командиру не полагалось об этом беспокоиться, поскольку обсуждать действия старших подчиненным запрещено. Достаточно того, что предложение принято командиром дивизиона, отдавшим соответствующий приказ, и следует беспокоиться об одном — как лучше этот приказ выполнить. Но старший лейтенант, сам того не подозревая, делал все, чтобы потом его бойцы не сказали: «Как он нас!»

Вызвал в Атуевку сначала командиров орудий — сержанта Плотникова и рядового Весенина, показал им в стереотрубу цели: «Вот замаскированная самоходка, вот еще одна... Вот дзот, вот крупнокалиберный пулемет под бревенчатым укрытием... А тут пушка небольшого калибра». Заставлял командиров орудий по несколько раз самостоятельно находить цели и вызубрить ориентировочное расстояние до них.

Затем вместе с Плотниковым и Весениным отправился на батарею, чтобы самому руководить переброской орудий. Метров за триста до переправы сняли орудия с передков и покатали их, отослав коней назад, на старую огневую позицию, где остался с кухней старшина Мангул. На ровных местах катили без особых усилий, на спусках только придерживали, зато на подъемах затаскивали с превеликим трудом. И ни скомандовать «Вяжи!», ни выругаться в сердцах, ни закурить в редкую минуту передышки — ни-ни.

Благо бы просто подъем, а то с ямами и ямками, с буграми и бугорками. Не так уж легка 76-миллиметровая пушка «ЗИС-3», угодит в воронку — не сразу вытащишь шестиконной упряжкой, а тут надо тащить на руках, до боли в спине и суставах, раз за разом напрягая все силы, сдирая кожу на ладонях.

Через переправу первое орудие несли чуть ли не на весу. Перенесли и повалились от изнеможения на землю. Со вторым справились лучше: великая вещь — опыт. А потом началась сама Атуевка, заставленная блиндажами и землянками, изрезанная траншеями. Здесь в пору было застрять окончательно. И застряли бы в ста метрах от места назначения, но выручили бойцы из батальона Просолова. Они, обрадованные неожиданной подмогой, даже шутили:

— Артиллерия не аптека: километр левее, километр правее — пустяки...

Расчистили площадки, вбив понадежнее упоры для станин, батареицы развернули орудия в направлении врага и принялись расширять лаз под

фундамент бывшего дома. И тут пехота подсобила. Так что управились со всеми делами, когда до рассвета оставалось еще часа четыре.

Пользуясь передышкой, устраивались поспать, положив головы на что придется. В это время в проеме, образовавшемся на месте лаза, появилась знакомая всем фигура.

— Здорово, орлы! — За спиной Ильи Мангула большой термос. Такой же — у спустившегося за ним бойца, ездового кухни.

— Тихо ты... Не в каштерке. Фриц рядом, — одернул Плотников.

— Ишь как со старшиной разговаривает, — уже негромко, с укоризной сказал Илья. — Осмелел на передовой и есть вроде не хочет...

Поднялись и те, кто успел уже задремать. Застучали котелки и ложки. Ели с большим аппетитом, набивая рты густой пшенной кашей с тушенкой.

Старшина вытряхнул из вещмешка несколько пачек махорки.

— Ого! — обрадовался Весенин.

— Что «ого»? — покосился замковый Бармасов, маленький, с детским пушком на подбородке. Курил он не всерьез, только за компанию, чтобы казаться постарше, и предпочитал что полегче. — Горлодер это. Табачку бы «Золотое руно»...

— «Золотое», говоришь? — усмехнулся Весенин.

— А что? Нам сейчас повышенная норма полагается, как летному составу в авиации.

— Почему повышенная?

— Особая опасность потому что...

— Ты сперва свою норму отработай.

— Отработаю, какой разговор.

Поев, свернули сигарки. В мигающем свете коптилки потянулся махорочный дым. Мангул засобирился:

— Мы пойдем. Ждите опять ночью... Вот тут завтрак и обед сухим пайком. Ты раздашь, Плотников. На твою ответственность...

Плотникову не спалось, тянуло на разговор. Приподнялся на локтях, посмотрел на лежавшего рядом командира батареи.

— Сколько вам лет, товарищ старший лейтенант?

— В ноябре девятнадцать будет.

— Так я и знал. На восемь лет моложе меня, а уж звание... Про звание-то домой написали?

Зарудневу тоже не спалось, решил поддерживать беседу:

— Написал... Мои домашние против были, когда я говорил, что хочу сделаться кадровым военным. Смеялись даже: не получится из тебя, Витек, красный командир. Вот я и написал: видите — получается.

— Это хорошо. Такие, как вы, в армии нужны. И служить вам, как медному котелку... А я — нет, я, как только кончится война, сразу демобилизуюсь. Люблю спокойную жизнь, чтобы никто не командовал и чтобы тишина-а...

Сон сморил сержанта. А старший лейтенант так и не задремал: и лежать жестко, и мысли колючие, как иглы... Поднялся, как только виден стал обращенный на восток, ведущий в убежище проем. Походил возле выдвинутого вперед орудия, вернулся, разбудил бойцов, велел занять свои места.

Подшел командир батальона Просолов, посмотрел наводку орудия Плотникова, крутанул рукоятку поворотного механизма.

— Лучше сначала по этой самоходке. Она самая злобная.

Плотников, отпрянув от прицельного приспособления, плавно нажал спуск. «Самая злобная», как подстреленный, упавший на передние лапы зверь, уткнулась в землю. Второй снаряд, ударившись о другую самоходку, срикошетил и с пронзительным визгом улетел ввысь. Но третий вспорол ей бок. Четвертый угодил в дзот, подняв над ним клуб пара. Пятый разметал перекрытие над крупнокалиберным пулеметом.

Орудие Весенина до поры молчало, но когда в ответ на скорострельную, ошеломляющую стрельбу Плотникова тявкнула немецкая пушка, накрыло ее первым же разрывом. И еще добавило...

Кто-то из наблюдавших за боем стрелков не сдержался:

— Ну Яшки-артиллеристы! Лупят, как гвозди заколачивают...

— В укрытие! — скомандовал Заруднев.

Но его не сразу услышали.

Азарт и на войне — азарт. Тем более азарт батарейцев, стрелявших до сих пор исключительно с закрытых позиций и не видевших, куда стреляли. А тут все на виду: совсем, оказывается, не страшные самоходки, мечущиеся, ползущие, не знающие, где спрятать головы, немцы, перевернутый пулемет... Вот что значит внезапность и так называемый «прямой выстрел», когда до цели рукой подать!

— В укрытие! — срывающимся голосом снова приказал старший лейтенант. Однако укрываться уже не было смысла.

Нашлось слабое место в командирском решении о заведомо рискованной операции, нашлась та часть, которая позволила врагу отыграть-

ся хотя бы дорогой ценой. Она и не могла не найтись — на войне как на войне. Но эта частности оказалась существенной, поскольку ее не увидели командиры батареи и дивизиона.

В то же утро и в тот же час враг предпринял и свою операцию — разведку боем, расчистил узкий проход в минных полях левее полосы обороны батальона Просолова и бросил танки с пехотой. Пехоту остановил соседний батальон, а танки, изменив курс, устремились к батарее, представившейся им, судя по всему, самым удобным объектом для атаки. Один из них появился метрах в ста от позиции Плотникова.

— Разворачивай! — он сам ухватился за станину — помочь Бармасову и второму бойцу развернуть пушку. Но пулеметная очередь повалила его.

— Плотников! Плотников!! — закричал Заруднев, бросился к сержанту и... исчез: его разметал орудийный выстрел в упор...

Пятнистая громада, урча, тяжело переваливаясь, утюжила граншей. Орудие Весенина ударило ей в хвост — повалил густой дым. Весенин тоже хотел развернуться, чтобы встретить другую подползающую сзади громаду, и не успел: она подмяла и его, и тех, кто был рядом, и последнее орудие пятой батареи. Подмяла, но и сама не ушла — ее закидали гранатами бойцы батальона.

...Незадолго до сумерек командир стрелкового батальона Просолов вышел осмотреть участок обороны. Прислушался — тишина, не стучит по брустверу разрывными пулями крупнокалиберный фашистский пулемет, уничтоженный батарейцами. Просолов сел на уцелевшую станину пушки Плотникова, увидел торчавшие из земли пальцы, непроизвольно взялся за них и тут же отпустил — оторванная кисть руки. Снова взял, поднес к глазам, разглядел татуировку — «Витя». Это было все, что осталось от щеголеватого командира батареи.

16

Поля прислала письмо — единственное печальное из всех присланных ею до сих пор. Она сообщала, что в поездке где-то в прифронтовой зоне во время бомбежки погиб Костин отец и ее брат — Сергей Павлович. Пришла похоронка и на ее мужа, убитого в Сталинграде. «Дорогой мой Костя, — писала тетка, — мы с тобой остались совсем-совсем одни. Береги себя...»

До Ватолика не сразу дошел смысл этого «совсем-совсем». События последних дней окон-

чательно отдалили от него все, что было когда-то там, в том мире, кажущемся теперь не настоящим, а призрачным.

Совсем-совсем не стало пятой батареи, в которой Ватолин начинал свою командирскую службу, люди которой, пока жили, представлялись ему ничем не примечательными. А теперь стоят перед глазами, заслоняя других. Совсем-совсем ушел Заруднев, неунывающий, преданный товарищ. Только теперь Ватолин понял, что люди, с которыми он так или иначе сталкивался в эти тяжелые месяцы, стали родными.

Две недели назад его вызвал к телефону командир полка:

— Хабарова у нас забирают. Подумайте, кем временно заменить.

Вскоре явился сам Хабаров, ставший недавно капитаном, сообщил официально, что «отбывает для прохождения дальнейшей службы в должности начальника штаба вновь формируемого артиллерийского полка». И неофициально:

— До свидания, Константин Сергеевич. На мое место советую назначить Сахно.

И ни в голосе, ни во взгляде не было и намека на сознание собственного превосходства: смотрите, дескать, какое повышение. Наоборот, голос и взгляд были столь же бесстрастными, как прежде.

— Сахно... Да-да, конечно, — машинально проговорил Ватолин совсем так же, как отвечал Хабарову когда-то, когда был новоиспеченным, робующим командиром дивизиона.

Он вспомнил тот день и тот доклад: конечно же, за сухостью начальника штаба скрывалось желание не подать вида, что он замечает смущение, растерянность лейтенанта, помочь ему побыстрее освоиться. И потом сколько раз он помогал ему входить в курс дел, и никто бы не сказал, что он учит или даже советует. Нет, всего лишь докладывает сведения и факты, которые командир дивизиона мог не учесть или упустить из виду, а он, начальник штаба, в силу специфики своей должности, обязан всегда учитывать и иметь в виду.

— До свидания, Иван Никанорович, — Ватолин пытался улыбнуться. — Успехов вам.

— А вам вдвойне... И не поминайте лихом.

— Зачем же лихом?

— Это так, к слову... Сказать откровенно, надеюсь, что помянете добром, как и я вас. Вы чего-то не знали и не умели и теперь еще не умеете. Но умеете учиться, поэтому мне не было трудно...

Хабаров смолк, будто устыдился собственного многословия и тона, которого прежде в разговорах с командиром дивизиона не допускал.

Крепко стиснул старшему лейтенанту руку и вышел.

Неделю назад Костя в своем командирском блиндаже, к удивлению, застал Павельева, которому по всем статьям надлежало находиться на наблюдательном пункте.

— Почему здесь?

— А где мне быть?

— В Атуевке!

— Зачем? Ради проформы? Снарядов-то нет.

Павельев не походил на себя: не доложил о состоянии своего подразделения, даже не поднялся с топчана, продолжал сидеть с расстегнутым воротом и глядеть с напускной бесстрастностью. Ватолин почувствовал, что закипает. Вот он, единственный, не желающий ставить себя на одну доску ни с кем, ни с живыми, ни с мертвыми, не желающий исполнять свои обязанности на том основании, что он якобы выше многих, хотя эти многие уже выполнили свой долг до конца.

До точки кипения, однако, не дошло. Помешала другая мысль: как бы поступил на его, Костином, месте майор Машковцев? Закричал бы: «Встать! Слушайте мой приказ!» А майор Кормановский? Неизвестно. Во всяком случае не сказал бы: «Очень тебя прошу». Таким он этого не говорит. Да у него и нет таких. А если и есть, то ни в каком случае майор не позволит себе разговаривать с ними в подобном тоне.

Кормановский и Ватолин — величины несоизмеримые. Один — командир с большой буквы, второй не стал и обыкновенным командиром, если с ним разговаривают в таком тоне. Не смог стать. И, кроме самого Ватолина, никто в этом не виноват.

Костя опустился на топчан рядом с Павельевым.

— Вот это правильно, — одобрил тот. — Посиди. А то спешишь все куда-то. Спешить не надо — ничто и никуда не денется, все будет там же и в том же состоянии. Ты говоришь «должен». Согласен, я должен то-то и то-то. А кто мне должен? Почему, скажем, не отведут нас на отдых? Да потому, что это не входит в расчеты начальства, потому что мы обречены.

Павельев встретился с недоуменным взглядом командира дивизиона и продолжал:

— Да, обречены. Именно. Потому и снарядов в обрез дали, ровно столько, чтобы стрелять прямой наводкой. А стрельба прямой наводкой — это стрельба по себе, вот как Заруднев... Кстати о Зарудневе. — Павельев схватил лежавшую рядом армейскую газету. — Отличился человек, жизнь отдал, а что о нем написали? Ни-че-го! Ни слова. Пишут о каких-то разведчиках, при-

таивших «языка», о снайпере, подстрелившем фрица. А сколько я подавил огневых точек? И ни гу-гу... Не на нас делает ставку высшее командование.

Павельев махнул рукой, вздохнул и смолк. Воспользовавшись паузой, Ватолин спросил:

— Неужели веришь в это?

— Верю, потому что знаю! — с вызовом взглянул на комдива Павельев. — И не верю в некоторые так называемые истины...

Ватолин не стал возражать, хотя и вертелся на языке слова: «А я верю. И Заруднев верил, и Плотников, и Долгополых...»

Спокойно спросил:

— Не надоело рассуждать?

Павельев забоялся, видно, опасной темы:

— Человек обязан рассуждать.

Так ничего и не возразив, Ватолин направился к выходу. У самой двери задержался:

— Вот что, товарищ старший лейтенант: как только стемнеет, отправляйтесь в Атуевку!

17

Полино письмо Ватолин читал, сидя в тесном неглубоком окопчике. Вокруг были такие же окопчики. Их выкопали наспех, когда три оставшиеся в дивизионе орудия заняли позицию для стрельбы прямой наводкой на обращенном к противнику склоне высоты. Правее стоял Борейшо со своими батареями. На закрытых позициях остался только первый дивизион, прикрывавший дальние подступы к полосе обороны.

Полоса эта расширилась. Образовались бреши, в которые немцы, все еще пытавшиеся наступать, бросали танки с пехотой. Днем они, случалось, просачивались через Атуевку, доходили до реки и, неся большие потери, переправлялись через нее. Ночью подразделения стрелковых полков с помощью артиллерии вытесняли их. А утром все начиналось сызнова.

Ни часа покоя — такой была обстановка: ежеминутная готовность к удару противника и к контрудару по нему. Поэтому поближе к огненным позициям переместились не только командиры дивизионов, но и командир полка. Майор Машковцев находился всего в полукилометре позади Ватолина.

Но моменты относительного затишья все же бывали. Это когда немцы или собирались с духом, готовясь к новой атаке, или, попытавшись уже продвинуться, откатывались назад. В такой момент Недайвода и принес это горестное письмо...

Над окопом провизжал снаряд, вернув Ватолина в «сиюминутность»: «Угодит сюда — конец всему, конец переживаниям, и окажется, что ничего не стоят они, эти переживания».

— Пойдем,— сказал старший лейтенант ординарцу и полез из окопа.— До блиндажа десять шагов.

Не десять шагов было до блиндажа, скорее — шагов двести пятьдесят. Все равно немного. И Ватолин, пригнувшись, побежал. Когда оставалось действительно шагов десять, уловил стремительно нарастающий свист.

Снаряд разорвался совсем близко. Ватолин попробовал подняться — тяжесть держала крепко. Вылез, стряхнул с лица землю, увидел неподвижного Недайводу. Перевернул его. Глаза ординарца еще жили, но не различали перед собой ничего. Губы шевельнулись:

— От чуе́те, як воно...

Хотел еще что-то сказать, а замолк. Выскочили Сахо с разведчиком и затащили старшего лейтенанта с ординарцем внутрь блиндажа.

Ватолин сидел на перевернутом ящике из-под снарядов, не в силах взглянуть на мертвого Недайводу. Надо было что-то предпринять. Немедленно! Немедленно хоть чуточку отвести нестерпимую боль! Бросил телефонисту:

— Командира четвертой батареи ко мне.

Вырвал нетерпеливо трубку.

— Как дела?

— Плохи дела,— ответил Синельников.— Второе орудие не работает.

— Почему?

— Некому работать. Никого не осталось.

— А сам?! Сам работай!

— Есть самому...

С недавних пор Синельников перестал различать день и ночь. Прежде на закрытой огневой позиции (какая же, говоря по правде, была там благодать!) ночью удавалось отдохнуть, более того — побренчать на гитаре, вспомнить Зою. Теперь не то! Теперь по ночам приходилось стрелять, а кроме того, одолевало начальство. Только стемнеет, обязательно кто-нибудь явится.

Первым четвертую батарею посетил Агафонов. Ему Синельников всегда был рад, а на сей раз — не очень: устал до крайности, копал вместе со всеми ямы для укрытий и таскал бревна. Комиссар осунулся, почернел, глаза колючие. И сразу начал придирается.

Сначала без слов, одним только взглядом заставил вытянуться по стойке «смирно» старшину.

— Почему опять пшеничная каша?

— Ничего другого нет, товарищ комиссар.

— Как нет? А мне Зарахович сообщал, что получены макароны.

— Может, и получены. Да когда мне было за ними ездить?

— Ну-ну,— морщины на лице Агафонова побавровели.— Дайте мне повозку с ездовым, я попробую успеть... А вы — к орудью. Попробуйте еще и там не успеть!..

Затем Агафонов отправился осматривать укрытия. В одном обнаружил покачивающиеся бревна, велел все перебрать и уложить понадежнее. Заодно приказал вырыть ходы сообщения между орудиями и блиндажами и кольцул взглядом Синельникова.

— Сколько людей в расчетах?

— В одном три, в другом два человека.

— Значит, выйдет один из строя — и пушки нет.

— Почти.

— Почти... Не почти, а так и есть. Поэтому, считай, каждый боец — целый расчет.

Покончив с делами, залезли в блиндаж, предназначенный для Синельникова и санинструктора Васинского, считавшегося теперь чуть ли не самым главным после командира батареи. Агафонов лег на попону и, глядя в потолок, молчал. Синельников счел нужным завязать разговор:

— Товарищ старший политрук, долго еще фрицы давить нас будут?

— Давить? Будут давить, пока мы их не задавим.

— Трудно нам... А что сегодня будет?

— Бой, наверное, будет. Что же кроме... А насчет трудно... Еще труднее, Сеня, в Сталинграде. Вот там действительно трудно. Утешайся тем, что фрицы на нас давят, А могли бы в Сталинград эти танки перебросить и там еще сильнее давить. Понял? Мы не позволяем!

Заснули на часок, когда забрезжил рассвет...

А через сутки как снег на голову пожаловал политрук Гиглавый, вооруженный автоматом. Рассердился на отсутствие должной бдительности, поскольку наблюдатели выглядели сонными и не выскочили при его появлении. Сделал замечание насчет маскировки: надо добиться, чтобы торчащие из-под укрытий стволы орудий абсолютно не были видны. Смягчился, когда попал в блиндаж:

— Ого, как устроились... Здорово. Молодцы. Тут, пожалуй, и бомба не возьмет.

— Не возьмет,— кивнул Синельников.— Ни в жизнь.

Гиглавый с подозрением покосился на него:

— Все насмешки строишь, лейтенант.— Еще раз внимательно оглядел накат.— Ну бомба, положим... А снаряд не пробьет. В общем и целом хвалю!

Семен так и не понял: то ли политрук обрадовался тому, что артиллеристы добротнo оборудо-

вали свою огневую позицию; то ли возможности самому укрыться. И решил, если он останется ночевать, попопу ему не предлагать. Но Гиглавый, не дожидаясь, сам взял ее, свернул вчетверо, положил на заменявший стул обрезок бревна, сел, с удовольствием закурил. И только теперь заметил санинструктора Васинского.

— А ты что здесь делаешь?

Васинский замялся. За него ответил Синельников:

— Мой помощник.

— Вон как... Других помощников нет?

— Других нет. Другие — кто на том свете, кто в госпиталях.

— Да-а,— сокрушенно вздохнул Гиглавый.— На войне без потерь не бывает, тем паче на такой войне... Но потери должны быть оправданными...

— Должны,— поддакнул лейтенант.

— ...За одного нашего надо убивать трех.

— Как минимум,— поддержал Семен.

Политрук смолк: командир батареей продолжал явно «строить насмешки». Но что он, Гиглавый, мог сейчас поделаться с лейтенантом, который когда-то и в штабе полка вел себя непочтительно? Накричать на него? Не поможет. Он не такое слышал и видел здесь, на сплошь усыпанном воронками склоне высоты, с которого скатишься — и вот она, как пишут в многотиражке дивизии, легендарная, а более того — страшная Атуевка.

Политрук счел за благо переменить тему разговора и задержался взглядом на лежавшей в углу гитаре.

— Эге... А это откуда? Откуда гитара, лейтенант?

— Так, по случаю досталась.

Политрук взял инструмент, повертел, поднес поближе к глазам, ощупал и, кажется, даже понюхал.

— Что же за случай такой?

— Обыкновенный... Как выражаются авторы некоторых статей, случай из фронтовой жизни.

— Интересненький случай,— озадаченно произнес политрук.— А ты что, играешь?

— Бренчу иногда.

— И поешь небось?

— Отчего же не спеть, особенно при бомбежке...

Поговорить Гиглавному не удалось. В двери показалась голова адъютанта командира полка и тут же исчезла. Синельников кинулся встречать высокое начальство. А снаружи уже неся зычный голос майора Машковцева:

— Гиглавый, ко мне!

Тот устремился на зов.

— Все болтаешься? — спросил командир полка, окинув взглядом политрука.

— Так точно, товарищ майор,— отчеканил Гиглавый.

Майор укоризненно покачал головой.

— Вот что... Марш в третий дивизион. Там Борейшо с комиссаром ранены. Будешь пока за комиссара. А тут нас хватает...

Синельников обрадовался: хорошее приказание отдал командир полка.

Выдвинув свой передовой наблюдательный пункт к месту боев, командир артиллерийского полка провел свою связь непосредственно в батареи. Крытый окоп для связистов появился иazole пушек Синельникова.

За окопом лейтенант, проводив майора Машковцева, разглядел в сумерках маленькую фигуру бойца, тащившего за спиной раскручивающуюся со скрипом катушку кабеля. Боец споткнулся, упал на колени, снял со спины катушку, взялся за нее и поволол по земле.

— Зоя!

— Я, Сеня, я,— послышался жалобный писк. Девушка села и толкнула ногой катушку.— И вдвоем не утащишь.

— Давай помогу.

В окопе они сидели рядышком, прижавшись друг к другу, и разговаривали почти в полный голос.

— Еле выпросилась сюда. Не в тыл ведь выпрашивалась. А начальник связи говорит: там тебе трудно будет, пожалеешь... Пусть трудно, все равно лучше. И с тобой встретишься. Правда, хорошо?

— Хорошо, Зоя. Очень хорошо,— Семен был уверен, что лучше, чем в эту минуту, ему никогда не было.

— Одно плохо,— сокрушалась девушка.— Катушка как камень. Тянет назад и скрипит, скрипит... Мне бы снайпером. Я из малокалиберки здорово стреляла... Ты о чем думаешь, Сеня?

— О тебе.

— Неправда. Тебе бежать надо, ждут? Иди, Сеня. Нам тоже пора линию проверить... Увидимся, рядом ведь теперь. Иди.

А с рассветом снова расколосось небо и началась грохочущая круговерть...

18

Приказание «Сам работай!», отданное командиром дивизиона срывающимся, каким-то чужим голосом, не застало Синельникова врасплох. Да, пришло время самому становиться к оружию.

Перед этим, когда кончилась бомбежка, не в пример прежним, вполне терпимая, стали вид-

ны переправившиеся через речку танки с автоматчиками. Автоматчиков тут же заставил залечь стрельявший с закрытой позиции первый дивизион, а тех, что не залегли, перебили пулеметчики Кормановского. Справа открыл огонь прямой наводкой третий дивизион — три танка пустили клубы дыма и остановились. Но остальные набрали скорость и палили непрерывно.

Первой им ответила пушка Васинского. На нее немцы и обрушились прежде всего. Но при этом подставили свои бока пушке Шафигуллина, и тот четырьмя выстрелами поджег два танка. Но недолго действовал расчет Шафигуллина — раненых бойцов унесли санитары. Синельников остался один. Сам хватал очередной снаряд, сам заряжал, наводил и нажимал спуск. Попал в гусеницу еще одного танка.

— Давай-давай! — командовал он самому себе. И вдруг обнаружил, что стрелять больше не по кому: немцы отступали.

У второго орудия почти не осталось бронебойных снарядов, зато в достатке было дистанционных. Осмотрев кое-как уложенные ящики, Синельников, хитро прищурившись, взглянул на Васинского:

— Пальнем? Побеспокоим фрицев?

— Пальнем, товарищ лейтенант. Начали.

Санинструктор подтащил ящик, зарядил пушку. Семен, не стрельявший до сих пор ни разу дистанционным снарядом, на глазок установил прицел и уровень, нажал спуск. Белое облачко появилось высоко-высоко.

— Ух ты! — сплюнул Синельников. Резко сбавил уровень — разрыв произошел гораздо ниже, но далеко за переправой. Еще корректировка — и взметнулась земля, получился «клевок». Только четвертый снаряд разорвался примерно там, где требовалось, а пятый и шестой грохнули прямо над головами спешно окапывающихся немцев. Однако ни за бугорком, ни в окопе не спрячешься от летящих сверху осколков. Видно было, как немцы сползали к реке, иные вскакивали, бежали, падали и опять ползли...

Первое орудие подняло столб воды возле вражеской переправы. Открыла огонь по реке и гаубица Павельева. А Синельников с Васинским, окончательно пристрелявшись, меняли только угломер и выстраивали в ряд разрыв за разрывом. Один рассеивался, тут же гремел другой, за ним третий, четвертый...

— Живей, живей! — подгонял лейтенант Васинского.

Но тот выдохся окончательно и уронил очередную снаряд, не донеся его самую малость до затвора.

— Смотри, себя взорвешь или ногу мне от-

давишь, — заметил недовольно Семен. — Ладно, малость передохнем.

Смолкло орудие. Краска на его стволе трескалась от перегрева, над дульным срезом дрожал воздух. Лейтенант с санинструктором надрывно дышали. До них донеслось едва слышимое «...а-а-а», потом — скорее угаданное, чем отчетливо различимое «Ура-а!». Это батальоны стрелкового полка, воспользовавшись артподдержкой, решили атаковать и выбить противника, не дожидаясь ночи.

— Смотри, Васинский! — Семен аж подпрыгнул. — Наступают! Мы наступаем! Смотри!

Ему, не видевшему до сих пор наступления своих войск, до сих пор только отстреливавшемуся и защищавшемуся, целившемуся не в спины врагов, а в изрыгающие пламя и готовые проглотить его скрежещущие пасти, очень хотелось посмотреть, как бегут фашисты, убедиться, что они могут бежать. Эта отчаянная контратака батальонов стрелкового полка была ему в диковинку.

Но контратаковать по-настоящему не было еще сил. Стрелковые батальоны вскоре залегли, а по огневым позициям артиллеристов ударила крупнокалиберная вражеская батарея. Синельников не слышал стремительно нарастающий шелест приближающегося урагана, он понял, что ураган начался, когда первая же мощная осколочная граната приподняла, сдвинула с места пушку и оглушила его.

Немцам не требовалось много времени для пристрелки — орудия, дерзнувшие вести огонь с открытого всем ветрам склона, порядком уже намозолили им глаза. Сотрясающие землю удары гранат и фугасок посыпались густо, не оставляя просвета. Летели бревна перекрытий, осыпались, как песочные, окопы и окопчики, щели и ходы сообщения, рвались в клочья провода...

Но просвет все же наступил. Промежутки между толчками и следовавшими за ними грохотом и свистом сделались продолжительнее. Синельников встал на колени, огляделся. Васинский, откинувшись на колесо свалившейся набок пушки, сжимал правое предплечье, с пальцев капала кровь. Посмотрел на лейтенанта просительно и виновато:

— Я того...

Семен достал из сумки санинструктора индивидуальный пакет, разорвал ему рукав, перебинтовал, как мог, рану: наложил выше нее тугой жгут. И снова огляделся. Вокруг было мертво. Никто не показался у первого орудия. Лишь возле укрытия полковых связистов увидел он маленькую фигурку. Шагнула она и прострелила наступившую тишину молящим, пронзительным: «Мама!»

Семен кинулся туда, падая в воронки и обвалившиеся окопы, вскакивая и со стоном выкарабкиваясь из них.

— Зоя... Зоя!

Девушка лежала вниз лицом, раскинув руки, крепко сжимая ремень тяжелой катушки с кабелем.

— Зоя, — позвал лейтенант, осторожно тронув ее за плечо. Перевернул на спину, увидел алый ручеек у виска, поднял и крепко прижал к груди.

Легонькой была Зоя. Синельников нес ее, касаясь щекой русских растрепанных волос. Нес бережно, обходя воронки и обвалившиеся окопы. Его было видно издалека, даже из Атуевки, продолжавшей ухать крупнокалиберными стволами. Было видно до тех пор, пока взметнувшийся перед ним огненно-черный снаряд не заслонил его...

Тяжелая фугаска попала в край бревенчатого перекрытия блиндажа, в котором находился командный пункт дивизиона. Перекрытие осело одним концом и поползло вниз. Комьями посыпалась земля. Ватолин и Сахно с уцелевшими еще разведчиком и телефонистом с трудом выбрались наружу, перешли в окоп на противоположном от противника склоне высоты.

— Убираться отсюда надо, — сказал Сахно.

Пожалуй, он был прав: командный пункт разбит, связь с единственной гаубицей оборвалась. Но существовал приказ — находиться именно здесь, никем не отмененный и не допускающий его невыполнения.

Пусть одному человеку или группе людей действительно нецелесообразно сию минуту стоять там, где предписано приказом. Зато, может быть, целесообразно для соседей справа или слева, для подразделения и воинской части в целом, для целой армии и всего фронта. Отдавшие приказ исходили из единственного соображения о необходимости выстоять несмотря ни на что и сознательно отменяли все прочие соображения, сколь бы целесообразными они ни представлялись, потому что все прочее теряло смысл вне исполнения приказа «Стоять насмерть!».

— Переберемся вон туда, — ответил Ватолин, указав на окоп, расположенный недалеко от разбитого блиндажа. Четыре человека, вооруженные автоматами и гранатами, могли тут противостоять немецкой пехоте, если бы ей удалось преодолеть оборонительные заслоны батальонов стрелкового полка, достигь этого рубежа. Могли хотя бы ценой собственной гибели задержать врага на полчаса, на час. А в данной ситуации это было важнее самого важного, было высшей целесообразностью.

— А шестая молчит, — заметил, уже обосновавшись в окопе, Сахно. Он имел в виду гаубицу Павельева.

— Верно, молчит, — спохватился старший лейтенант.

Оба удивились, потому что гаубица оставалась вроде бы невредимой. И сейчас нечастые разрывы крупнокалиберных снарядов, судя по звуку, ложились не очень близко от нее. Почему же молчит?

Ответ последовал неожиданно: кто-то показался со стороны гаубичной огневой позиции, скрылся за ближайшим высоким бугром, а вскоре скатился с бугра. Это был командир шестой батареи Павельев. С непокрытой головой и пистолетом в руке. Пригнувшись, добежал до окопа и, тяжело дыша, опустился на землю.

— Нет дивизиона, — произнес он с неизвестно кому обращенным укором.

— Есть дивизион, — процедил сквозь зубы Ватолин.

— Был, — махнул рукой Павельев, отвернулся. — И ничего не осталось.

— А я говорю: есть, — громко повторил исполняющий обязанности командира дивизиона. — Почему ты бросил оружие?

— Оружие суть железо, только и всего, — скривился Павельев. — А людей нет, всех перебило.

— Значит, сбежал? Марш к оружию!

— Да ты... Ты видишь, что там творится?

— Вижу. Приказ двести двадцать семь знаешь?!

В глазах и голосе друга детства старший лейтенант Павельев уловил нечто такое, что заставило его подняться. Он встал и пошел, не пригибаясь. Оглянулся, может, надеялся, что Костя передумает и ради всего, что связывало их когда-то, скажет: «Вернись. Ты, как всегда, прав: оружие суть железо».

Но Ватолин ничего не сказал. А Павельев, поднявшись на бугор, оглянулся в последний раз. Не оглянись — и, кто знает, может, уловил бы момент разрыва крупнокалиберного снаряда, сберег бы долю секунды для того, чтобы укрыться от осколков.

19

Выпал ранний, обильный для здешних мест снег и сразу лег на удивление прочно, преобразив округу. Он густо припорошил остатки каменных и пепел деревянных строений, завалил пустующие и занятые еще кое-где окопы и тран-

шей, накинул покрывало на опаленные, обезображенные воронками низины и высоты, припудрил торчавшие над покрывалом части сожженных, подбитых танков и опрокинутых, изуродованных прямым попаданием орудий.

Снег словно силился спрятать от людей то, что они видели в нескончаемые дни летних сражений. Союзником снега стало безмолвие, наступившее после того, как кровью была погашена вспышка вражеской активности.

«Синельников сказал бы: тихо, как на кладбище», — думал старший лейтенант Ватолин, рассматривая непривычную глазу белизну. И впрямь — кладбище! Кладбище, покрытое гигантским саваном. Как ни силился снег в союзе с безмолвием спрятать неприглядность окружающего, не спрятал. И не мог спрятать. Не мог скрыть того, что нельзя было не видеть, что будет всегда видеться не только сквозь толщу снега, но и толщу времени... Вот они — белые холмики под неказистыми пирамидками с фанерными и жестяными звездочками и без них. Холмики с пирамидками — мало. Куда больше — без пирамидок, без указаний, кто и когда похоронен. А еще, наверное, больше таких, где лежат по несколько человек. Когда-нибудь их останки будут разыскивать. И не найдут.

— Разобраться надо в своих могилках, пока то да сс, — сказал не терпящий бездеятельности Мангул.

Но разобраться так и не успел: слишком кратким оказалось «то да сс».

Старшина один остался невредимым из всего личного состава пятой батареи: и повара похоронил, и ездового кухни отправил в госпиталь. Явился за указаниями к Сахно. Тот велел обратиться к Ватолину, надеясь хоть чем-то порадовать его.

— Илья! Жив! — впервые за много дней улыбнулся Костя.

— Живой, товарищ старший лейтенант. Явился для прохождения дальнейшей службы.

— Дальнейшей? Ладно, будешь пока моим ординарцем.

— Есть.

И Мангул взялся за устройство быта командира дивизиона. Все перечистил и пересгирал, а в предвидении холодов отремонтировал печку в его комнате и печь в слишком просторном теперь для штаба дивизиона подвале. Подвал, судя по всему, когда-то предназначался для жилья, имел даже окна. Призвав на помощь несколько бойцов из тех, что уцелели и теперь составляли подразделение при штабе, иначе говоря, штабную батарею, Илья расчистил окна от завалов земли и щебня, вставил в них осколки стекла.

— Собираетесь здесь год просидеть? — спросил удивленный Сахно.

— Нет, товарищ лейтенант, год сидеть не собираюсь. Но опять же и день теперь как год. День прожить по-людски — и то ладно.

Сахно не ответил — сам знал, что день, прожитый в обстановке, хоть немножечко отличной от фронтовой, теперь вроде награды.

Весьма одобрил деятельность старшины капитан Зарахович:

— Сразу видно, что здесь собираются воевать, готовятся воевать... Кто порядок и чистоту поддерживает, у того настроение бодрое. А что такое бодрое настроение на войне? Оружие это...

Осмотрев в сопровождении Ватолина все помещение, капитан снова обратился к Мангулу:

— Мне нужен начальник продовольственного склада. Пойдете?

Старшина вытянулся:

— Нет, товарищ капитан. Если можно, не пойду... Не могу я без батареи.

Заместитель командира полка прибыл проверить, доставлено ли зимнее обмундирование, все ли получили что положено. Ватолину полагались теплые белье, валенки, стеганые штаны, шапка, шерстяные перчатки, меховой жилет и полушубок. Полушубок и валенки он ни разу не надевал — морозило, по его понятию, самую малость. Только осмотрел их и вздохнул: «В училище бы такие, в карауле стоять».

А жилет носил с удовольствием. Выходил в нем на воздух до завтрака, днем и с наступлением сумерек. Смотрел, как садилось солнце и редко-редко поднимались струйки трассирующих пуль, вспыхивали ракеты. Вернувшись в штаб, расстегивал жилет и, выставив наружу белый пушистый мех, засунув руки в карманы, шагал из угла в угол, обмениваясь с Сахно репликами об ожидаемых новых орудиях и пополнении личного состава.

Орудия и пополнение, по заявлениям полкового начальства, находились в пути к ближайшей железнодорожной станции. А от этой «ближайшей» предстоит еще добраться своим ходом до не такой уж близкой линии фронта. Когда-то что-то будет... А пока одно занятие — ничего не делать и стараться ни о чем не думать, потому что думы лезут невеселые. Например, такая: «Что бы сейчас сказал Синельников? Сказал бы: «Кому война, а кому хренвина одна». Сказал бы беззлобно, имея в виду не «окопавшихся в тылу прохиндеев», а самого себя...

Пользуясь передышкой, Ватолин побывал

в стрелковом полку. Командный пункт располагался теперь в блиндаже большего размера. За столом на месте хмурого лысеющего капитана сидел незнакомый старший лейтенант.

— Погиб Николай Петрович, — ответил на немой Костин вопрос майор Кормановский. Продолговатые глаза его ввалились, скулы почернели. — Рад видеть вас невредимым... Разбит, говорите, дивизион? Помочь не можете? Поможете, куда вы денетесь — все впереди... Чайку попьем? Не хотите? Ладно. Тогда пойдем в батальон, я туда собираюсь.

Над траншеями посвистывали пули. Редко, но посвистывали. Случалось, и гранаты рвались в траншеях. Потерь, правда, было немного, но главным образом потому, что терять было некого: во всех батальонах людей набиралось как раз на одну роту. Новое обмундирование на бойцах уже не было новым. Валенки у некоторых прожженные, обгорели и полы шинелей, и нахлобученные, потерявшие форму шапки.

Снег кругом черный, с рыжими подпалинами. И холодно не только в траншеях, но и в укрытиях. Ватолин вспомнил, что летом, в жару и дымный смрад, слышал, как кто-то тихонько напевал: «Бьетса в тесной печурке огонь...», и он несколько этому не удивился. Теперь бы очень удивился, услышав пение хоть кого-то из сидевших у печурок. Бойцы молчали, дымили самокрутками и пожевивались: бьющийся в печурке огонь согревал лишь протянутые к нему руки.

— Заглядывайте, Константин Сергеевич, — прощаясь, сказал Кормановский. — Обсудим план наступления. Штаб дивизии требует дать наши соображения. — И, помедлив, добавил: — А без вас какие соображения...

Из состояния тягостных раздумий и ожида-

ния Ватолина вывел вызов к майору Машковцеву: «Что-то будет!» Майор поздоровался кивком и, указав на стул, спросил:

— О новом ордене слышал? Орденом Отечественной войны называется...

— Слышал, читал.

Машковцев встал и протянул руку:

— Ты награжден этим орденом. Поздравляю.

— Служу Советскому Союзу...

— Многие награждены. Заруднев и Плотников посмертно. Лебедевкову — медаль «За боевые заслуги».

Заложив руки за спину, майор прошелся до двери и обратно.

— Я зачем тебя вызвал... Едет к нам командир дивизиона. Из госпиталя. Боевой, под Москвой воевал. Приедет — сдашь дела, а сам батареей покомандуешь.

Костя не удивился и не обиделся, почувствовал даже нечто похожее на облегчение: прибудут совсем незнакомые командиры батарей, надо к ним привыкать, командовать ими, посылать на рожон, а они, глядишь, и не моложе его и опыта у них не меньше, наверняка больше. Трудно будет ими командовать, как трудно, почти невозможно было приказывать Хабарову и Долгополых. Пусть приказывает боевой, воевавший под Москвой комдив. Одна лишь мысль мелькнула: «Понравится ли новичок Кормановскому?» Тут же одернул себя: «А какое мое дело! Я теперь, может, и не увижу Кормановского, вот это плохо...»

Ватолин вспомнил изречение Синельникова: «Чем ниже стоишь, тем легче падать» — и открыл рот, чтобы попросить разрешение удалиться. Но командир полка опередил его:

— Обиделся? Зря. Я батареей, между прочим, командовал три года, а ты — ни дня. Так ведь?

Это, брат, бо-ольшой пробел в твоём военном образовании.

— Разрешите идти?

— Постой, не торопись... Вот что: получили мы письмо, странное письмо — просят одному человеку отпуск предоставить.

— Кому?

— Павельеву. Нашли о чем просить: и человека в живых нет, и отпусков на фронте не дают... Пишут родственники, что дочка у него родилась, позвольте, значит, ему на дочку посмотреть.

Старший лейтенант молчал, с трудом соображая: «Какая дочка? Неужели Кирина? Вполне возможно, ведь ездил же он к ней, когда училище закончил».

Издали донесся голос майора:

— Решил сказать о письме, потому как приятелями вы были...

Когда Ватолин вышел из штаба полка, густо и медленно падали крупные снежинки. Подумал: «Потому как приятелями были, поэтому сказал? Или упрекнуть хотел: не сберег, мол. Пусть. Только бы самому себя не упрекнуть. И, наверное, не упрекну, если самого себя беречь не стану».

Старший лейтенант шагал по едва протоптанной и уже скрывающейся под медленно падающими снежинками дорожке.

Мангул томился у дальней коновязи, притопывал — вконец озябли ноги. Подвел коня, подсадил старшего лейтенанта, осведомился:

— Поспешим к обеду?

— Давай! — крикнул Ватолин.

Взяли в галоп. Белый студеный вихрь хлестал в лицо. Из-под копыт летел и клубился белый-белый снег.

куда больше, чем на всем остальном его боевом пути. А остальной путь — это и Курская дуга, и форсирование Днепра, и освобождение Киева, Львова и много других рубежей, вплоть до самой Праги.

Да, таким было то лето сорок второго года: в то время не слышали еще мы о наших танковых армиях, не видели над собой «Илов» и «Яков». Главным нашим оружием была решимость — устоять. И стояли, повинувшись сознанию, что иначе никак нельзя, следуя приказу Народного комиссара обороны № 227: «Ни шагу назад!». Потому и полегли на этом пятачке десятки тысяч воинов.

— Повезло же нам с вами, ребятки, — уцелели, — произнес отставной полковник.

— Крепко, Ваня, повезло, — ответил бывший артехник, ныне инженер-строитель Сева.

И я кивнул: мол, даже не верится.

Мимо проходили люди и с уважением поглядывали на нас. А нам от этих почтительных взглядов было неловко. Мы выжили, потому что полегли другие. У нас ордена и медали, а у большинства тех, что лежат в братской могиле, — ни единого знака отличия. Не уцелили они получить знаки, хотя и заслужили их прежде нас. Наши ордена и медали по праву принадлежат им.

...Мы стоим у мемориала, воздвигнутого в Атуевке. Так уж и буду называть эту городскую окраину, хотя настоящее ее название иное, потому что не претендую на документальность повествования, а кроме того, кто-нибудь из живущих ныне героев, узнав себя, обидится на несходство портрета с оригиналом. Или уличит меня: «Это было не так, а вот этого вовсе не было». Или упрекнет: «Сколько же ты забыл!»

Нет, не забыл, а просто не знал их. Как можно знать всех, если их десятки тысяч. И ничего не придумал: невозможно придумать большего, чем совершили они, не успевшие получить своих наград. В той братской могиле немало героев, имена которых неизвестны. Пусть они носят придуманные мной имена.

ПРОЛОГ

Нас трое, печально-сосредоточенных, седеющих, а вернее, достаточно уже седых. Двое в гражданской одежде, один в полковничьем мундире. Мы стоим у Вечного огня, зажженного в память о погибших, у их братской могилы и мемориала, воздвигнутого в честь защитников и освободителей города.

Город — вот он, справа — широкий, утопающий в зелени, залитый июльским солнцем. Слева — рукотворное море, разлившееся на месте маленькой речки, затопившее низину, истерзанную сорок с лишним лет тому назад бомбовыми и артиллерийскими разрывами, политую кровью. Большой кровью. Юные следопыты из города Львова, изучающие историю нашей дивизии, приехавшие сюда на встречу ее ветеранов, сообщили: здесь, на этом пятачке, потери убитыми в соединении были

БЕГЛЕЦ

Виктор ЖИЛИН

Рисунки О. Шапкина

Шевцов посадил флаер на поляне среди старых могучих сосен. Остро пахло нагретой хвоей, в темных игольчатых кронах шелестел слабый ветерок. Голубело небо — теплое, летнее.

Вместо ограды — низкорослый кустарник. Символическая калитка с надписью: «САНАТОРИЙ «СОСНОВАЯ РОЩА». Чуть ниже: «Посетителей просят извещать о визите заранее». Шевцов пожал плечами, вошел — о нем извести. Песчаная дорожка, рябая от солнца, велла в глубь бора. Почти сразу из-за деревьев выскочил сухопарый загорелый блондин в белом халате.

— Шевцов, Анатолий Борисович? — Он с ходу протянул руку. — Ждем! А я Калинин, Геннадий Константинович! Пойдемте скорей.

Зашагали рядом.

— Богатая у вас территория, — Шевцов обвел вокруг рукой.

— Да, да — простор! Вам у нас понравится.

Шевцов скосил слеза: шутка?.. Калинин с озабоченным видом смотрел под ноги.

— Не собираюсь у вас задерживаться, — усмехнулся Шевцов.

Калинин поднял голову, сообразил:

— Ах да, конечно! — Рассеянно пригладил волосы. — Понимаете, я — лечащий врач Соколовского...

— А-а... — протянул Шевцов. — Ясно.

Это было не совсем верно. Собирался Шевцов по тревоге и выяснить успел только, что фамилия пропавшего Соколовский и что он «не совсем здоров».

За шелушащимися желтыми стволами неожиданно открылось белое приплюснутое здание с плоской крышей. Зеркально горели стекла в поднятых рамах. Под ними буйно цвела сирень. В глубине угадывались другие дома — поменьше.

— Управление, — кивнул Калинин. — Давайте-ка сразу к шефу.

Небольшой кабинет с матово-белыми стенами был залит солнцем. Ряд мягких вращающихся кресел полукольцом, напротив — большой экран. От распахнутого окна быстро отделилась высокая грузная фигура в белом.

— Герман Александрович Лукьянов, — тихо представил Калинин. — Главврач.

Сели в кресла.

— Скверное дело, Анатолий Борисович! — Глаза под большим выпуклым лбом смотрели холодно, изучающе. — Мы прочесали каждый кустик на территории, связались с ближайшими соседями, оторвали от дел уйму специалистов. И — ничего! Он как в воду канул.

— Минуточку, — вставил Шевцов. — Давайте с самого начала!

— Извольте! — Главврач ткнул клавишу на пульте стола.

На стенном экране возникла схема лесного поселка, окольцованного тремя концентрическими кругами.

— Наш стационар принадлежит Институту нейропсихиатрии. Пациенты приезжают сюда на две-три недели — как правило, хватает! Разумеется, полная свобода. Единственное ограничение — посетители.

— Простите, — остановил Шевцов. — Я слышал, у вас закрытое учреждение!

— Только для отдельных больных! — уточнил Лукьянов. — Некоторые аномалии генофонда требуют длительного лечения. На этот период мы вынуждены дополнительно ограничивать в чем-то таких больных. Их немного...

Он переключил клавишу. Появилась сложная биоэлектронная схема с центральной ЭВМ.

— У нас автоматическая охрана. Взгляните: три пояса датчиков. Принцип — селекция сигналов с личных радиобраслетов. Управление с компьютера. Индивидуальные коды больных с ограниченной свободой передвижения — под запретом. Есть дублирующие системы. Короче: покинуть территорию без нашего ведома невозможно. — Лукьянов выключил экран, сцепил руки на столе. — А Соколовский это сделал!

— Когда? — деловито спросил Шевцов.

— Сегодня ночью. Причем сигнализация не сработала — все три пояса. Причины неизвестны.

— Воздушный транспорт? — предположил Шевцов.

— Исключено! Полеты над территорией запрещены, диспетчера бы нам сообщили. Мы абсолютно не представляем, как он это сделал. В санатории его нет, где искать — не знаем. Теперь вы понимаете, почему мы обратились к вам, в Службу координации?

Шевцов кивнул.

— Что он за человек, этот Соколовский?

— Видите ли,—осторожно начал главврач.— Петр Петрович Соколовский—особый случай. У нас около двух лет. Откровенно говоря, нам далеко не все ясно...

Он потянулся к пульту. Экран заняло объемное изображение пожилого мужчины с тяжелым взглядом. Сократовский лоб, большие залысины. Лицо бледное, рыхлое, нездоровое.

— Диагноз не однозначный. По внешним признакам—тяжелейшее умственное истощение. Возможно, с частичным распадом сознания. Резкое чередование гиперактивности с апато-абулическим синдромом. Плюс—амнезия...— Лукьянов выпрямился, сложил руки на груди.— Но самое неприятное—он абсолютно непредсказуем!

Шевцов подался вперед.

— Вы хотите сказать—опасен?

Сзади что-то протестующе воскликнул Калинин. Главврач встал, оперся о стол.

— Я могу лишь повторить: больной в нынешнем состоянии абсолютно непредсказуем! По-моему, все ясно...—Взял со стола пакет, протянул Шевцову.—Здесь все, что вам может понадобиться: снимки, биография, история болезни...—Он повернулся к Калинин.—Геннадий Константинович, помогите товарищу. Покажите

ему наше хозяйство. Я сам займусь вашими больными... Да, вот еще что...—Лукьянов смотрел на Шевцова исподлобья, руки за спиной.—Мой совет: не тяните с этим делом! Человек, который смог уйти отсюда, способен на многое!

В операторской—стандартном зале с управляющим биокомплексом—ничего не произошло. Разработчики охранной сигнализации, спешно вызванные главным, дружно били себя в грудь, твердили, что у них все—как часы. Представитель объединения компьютерной техники вообще не понимал, чего от него хотят. В зале стоял «Меркурий», серийная, давно отлаженная модель, надежная, как трактор. Тем не менее факт оставался фактом: сверхнадежная аппаратура в нужный момент не сработала. Одно из двух—либо неисправность, что практически исключалось специалистами, либо сигнализацию отключили сознательно. Но для этого, как выяснил Шевцов, надо было проникнуть к главному пульту. Доступ больным туда исключался: дверь блокировалась, открывалась только перед теми сотрудниками, личные коды которых имелись в памяти машины. Впрочем, практически это означало весь персонал. Каж-

дый из них в принципе мог нейтрализовать сигнализацию. Другой вопрос — зачем?

Ближе к обеду, пока больные были в столовой, прошли в корпус номер шесть, где жил Соколовский.

В уютной одноместной палате царил разгром. Кровать растерзана, смятые простыни на полу. Повсюду разбросаны рваные, скомканные листы бумаги, какие-то осколки.

— Так — каждый день! — сказал Калинин. — Мы тут ничего не трогали.

— Это хорошо, — рассеянно отозвался Шевцов. Подобрал клочок бумаги. Обе стороны густо исчерканы дикими значками, ломаными кривыми, спиральями... Полнейший хаос, ничего не разобрать.

— Его основная продукция, — вздохнул Калинин. — Только этим и занимается. Пишет, черкает, рвет. У нас в архиве целое собрание сочинений, все в том же духе — бессмыслица! А выбрасывать рука не поднимается.

— Расскажите о нем, пожалуйста, Геннадий, — попросил Шевцов. — Самое важное. С анкетой я познакомлюсь позже.

Калинин смахнул с кресла бумаги, сел.

— Понимаете, Соколовский в прошлом — гений-универсал. Математик, физик, кибернетик... За ним довольно крупные открытия, причем в разных областях. Последние годы работал на износ: бодрмины, препарат «антисон», в общем — по двадцать четыре часа в сутки. В довершение стал экспериментировать на собственных мозгах. Соорудил хитроумный аппарат для биостимуляции. Я видел: мощность чудовищная, таким пытать разве что!.. В результате — психический срыв. Попал к нам...

— Его кто-нибудь навещает? — поинтересовался Шевцов.

— Нет, — потряс головой Калинин. — Это небезопасно. Он может часами сидеть столб столбом: глухой, слепой, немой. Вдруг взрыв! Бросается к бумаге, исписывает горы, рвет, рычит, клочья летят! Темп — бешеный. Тут лучше под руку не попадаться...

— Понятно-о... — протянул Шевцов, присел на диван, достал из пакета анкетную карточку Соколовского.

Возраст — 58 лет. Образование математическое. Работал в Пулковской обсерватории, в Атомном центре Тулузы, в Кибернетическом центре Академии наук. Затем — Дубна, Подольск, Дели... Всего — 18 мест. Последние годы — математик-надомник, в столице.

— Вот что, Геннадий, — Шевцов хлопнул себя по коленям, встал. — Вы лучше всех его знали. Я должен понять: на что он способен?

В крайних случаях, понимаете? От этого многое зависит.

Калинин пожал плечами.

— Я бы тоже хотел это знать! — Он помолчал, усмехнулся. — Возможности его не ограничены. Он еще довольно крепкий мужчина! Впрочем, вряд ли он может натворить много бед: все-таки сознание его где-то на уровне шестилетнего ребенка.

— Но сигнализация, Геннадий? — У Шевцова сузились глаза. — Я немного разбираюсь в этих вещах: человек не способен ее проскочить. Физически! Будь то ребенок или супергений!

Калинин покачал головой, посерьезнел.

— Не знаю... В конце концов, я врач, лечу людей. Призраки, извините, не моя область... Я вам еще нужен?

— Вот мой личный код, — Шевцов протянул карточку. — Если что-то выяснится — немедленно сообщите! Договорились!

Калинин сухо кивнул, вышел. Обиделся, решил Шевцов. Чепуха, конечно. Чтобы пойти на такое, нужны серьезные основания. Зачем это Калинин? Кому вообще понадобилось его выпускать?

Размышляя, Шевцов собрал бумаги — все до последнего клочка. Достал плоскую коробочку анализатора, подержал над стопкой, перенес к постели. Приборчик тихо жужжал, всасывая воздух вместе с индивидуальными запахами исчезнувшего жильца.

От окна палаты до земли было метра два. Шевцов огляделся — никого! Спрыгнул. Под кустами — вдавленные в газон листки бумаги, следы каблучков. Переключив анализатор на режим поиска, Шевцов поднес его к отпечаткам. Запульсировал глазок индикатора: есть след! Давность — около шести часов. Многовато...

Шевцов нырнул в рошу — индикатор указывал куда-то на север. След был ровный, устойчивый — с утра стояла сухая погода. Шевцов побежал, лавируя между толстыми стволами. Блеснула озерная гладь. Не доходя до берега, след круто свернул, уперся в плотные кусты сирени. За ними — задняя стена управленческого корпуса. Здесь беглец стоял довольно долго — выжидал, что ли? Потом обошел кругом и — вышел на знакомую песчаную дорожку. Вот так штука, удивился Шевцов. Сделав круг лесом, Соколовский преспокойно зашагал по дорожке к выходу. Совершенно открыто, хотя датчиков здесь должно быть — на каждом шагу! Так мог поступить или очень уверенный в себе человек, или... или сумасшедший!

Шевцов припустил по дорожке. Выход, стоянка... Следы выходили на магистраль. На что

он рассчитывал? Попутный транспорт? Здесь, ночью — маловероятно. Может, его ждали?

Шевцов вернулся на стоянку, прыгнул в свой флаер. Укрепил анализатор на стойке, повел машину в метре над поверхностью — дело пошло веселее. Дорогой, видимо, пользовались редко — верхний, самовосстанавливающийся слой девственно блестя, словно вымытый. Через три километра — развилка с указателем: «Турбаза «Ромашка», 2 км». Беглец направился именно туда...

В лагере туристов все выяснилось в одну минуту. Ночью исчез единственный лагерный аэрокар. Тревоги, конечно, не подняли: взяли — значит, надо. Такое случалось. Запросили новый — и все дела. След Соколовского терялся точно у лесной стоянки.

Служба воздушных полетов сообщила: неизвестный пассажир аэрокара «турист» (номер такой-то) сегодня в 9-07 утра благополучно приземлился на одной из столичных аэростоянок.

Шевцов чертыхнулся — дело резко осложнилось. Человек с непредсказуемыми поступками, может быть, опасный маньяк — в многомиллионном городе!

Дежурным по группе оперативной информации столицы оказался Шамиль — черный, лохматый, только что из отпуска.

— Привет! Нашел своего беглеца?

Шевцов коротко потряс головой, плюхнулся рядом — разговаривать не хотелось. По дороге он заскочил в лабораторию, отдал на анализ бумаги Соколовского — надо же с чего-то начинать?!

— Дай, пожалуйста, сегодняшнюю сводку!

Шамиль укоризненно цокнул языком, ткнул в клавишу: «Смотри, дорогой!» На дисплее поплыл текст оперативной сводки. Незначительные транспортные аварии, поломки каких-то систем, утери, пропажи и тому подобное — обычная рутина крупного города. Два десятка вызовов по службе «Скорой помощи» — ничего похожего на случай Соколовского.

Отключив видеозран, Шевцов мрачно уставился в окно. Отсюда, с пятьдесят первого этажа Службы координации, город был как на ладони. Ажурные жилищные комплексы — каждый своего цвета — четкими концентрическими кругами расходились к горизонту, терялись в зыбкой голубоватой дымке. Неужели в громадном городе не найдется человека, который его видел? Не может быть!

Последующие два часа Шевцов провел за экраном видеофона, обзванивая десятки самых

разных мест: службы контроля за движением, вокзалы, порты, стоянки, кафе, салоны отдыха, увеселительные заведения, музеи, больницы, морги... В конце концов, напроочь отупев от однообразных расспросов, Шевцов вышел-таки на людей, которые прибыли в столицу примерно в одно время с бегцом, на ту же стоянку. Нашелся даже человек, который вроде бы видел, как похожий седой мужчина со странным взглядом вылез из туристского аэрокара и подозвал такси-автомат.

Машину нашли — они управлялись из единого центра. Проследили маршрут. В 9-20 пассажир вышел на площади Свободы — в самом оживленном месте города. Дальше следы его терялись.

Шевцов выключил фон, зажмурился — голова гудела. Ну что, идти сдаваться?.. Вдохнув, набрал кабинет шефа.

— На совещании у Главного координатора! — возвестил робот-секретарь. Шевцов откинулся в кресле: это надолго. Санаторий молчит, значит, и там глухо. На всякий случай звонил Калинкина по фону, дождался ответа.

— Геннадий Константинович? Шевцов... Как там у вас, прояснилось что-нибудь?

Долгая пауза.

— Как вам сказать... — голос задумчивый, неуверенный. — Компьютерщики все валят на сигнализацию, а там вроде бы чисто. Пока установили одно: каким-то образом прошла команда на блокировку сигнализации. Откуда, что — полный мрак!

— Та-ак! — Шевцов подался к микрофону. — Но ведь команду кто-то должен был дать, верно? Не сама же машина?!

— Бросьте, Анатолий Борисович! Я понимаю, о чем вы... Чепуха, шерлокхолмсовщина! Не там ищете. Кстати, а как ваши успехи?

— Утром он был в столице, — сдержанно произнес Шевцов. — Ищем. Если что — сообщу!

Отключив фон, Шевцов поднялся. Забрехала идея, правда, хиленькая, на голой интуиции. Все-таки странно: блокировка происходит именно тогда, когда нужно Соколовскому. Совпадение? Маловероятно. Стоит проверить — здесь в городе полно всякой сигнализации.

Вспыхнул экран местной связи: кримлаборатория выдала результаты экспресс-анализа «безумных писем Соколовского» — так их успели окрестить эксперты.

Представленный материал, в виде листов стандартной синтетической бумаги разной степени деформации, содержит хаотические «письмена», выполненные ручным способом универсальной квазижидкостью «Школьник». Отдель-

ные фрагменты (см. приложение) предположительно могут быть математическими вычислениями. Расшифровке не поддаются. Для определенного заключения необходим полный цикл машинных исследований.

Примечание. По мнению экспертов, материал представляет определенный интерес для психиатров.

Далее шли увеличенные снимки «математических фрагментов». Те же торопливые бредовые каракули... При известной фантазии здесь можно было увидеть обрывки каких-то формул — жалкие отголоски прежней специальности больного. На всякий случай надо показать специалистам, решил Шевцов.

Прихватив кассету с переснятыми «безумными письменами», он спустился на первый этаж.

В отделе автоматической охраны городских объектов его встретила красивая рослая блондинка в серебристом комбинезоне.

— Чем обязаны? — улыбнулась, откидывая прямые волосы.

Они встречались несколько раз в кафе, Шевцов запомнил — эффектная девушка. Звали ее Евой.

— Нужна консультация! Буквально несколько минут...

Прошли в аппаратную. Стойки, пульта, мощный компьютер на квазиорганике, терминалы. Честно говоря, любую консультацию можно было получить по фону, и Шевцов чувствовал себя малость неуверенно. Девушка смотрела спокойно и чуть насмешливо: видимо, многие тут бегали — консультироваться!

— Скажите, какие объекты в городе вы опекаете? — деловито спросил Шевцов.

У девушки приподнялись брови.

— Пожалуйста... Охраняются, то есть подключены к общей городской сигнализации, в первую очередь, опасные для людей предприятия... — Голос низкий, грудной; умопомрачительный голос! — Кроме того, сигнализацию имеют больницы, музеи, архивы, информатории и тому подобное. Ну и конечно — вычислительные комплексы с биокомпьютерами суперклассов.

— А это еще зачем? — поинтересовался Шевцов.

— Ну хотя бы для того, чтобы избежать праздных вопросов, — улыбнулась девушка. — Машинное время дорого!

— Вот хоть убейте, не представляю праздного вопроса к машине!

— О, что вы, сколько угодно! — В глазах Евы вспыхнули искорки. — Начиная от смысла жизни до конкретных «любит — не любит». Машинны с биомозгом это сильно травмирует.

— М-да... — Шевцов покачал головой. — Черт знает что! Последний вопрос, Ева. В вашем хозяйстве случаются неисправности?

— Бывают, конечно, — девушка пожалала плечами. — Как правило, ничего серьезного.

— А сегодня были?

— Д-да... Кажется.

— Ева, давайте посмотрим, а? — Шевцов умоляюще сложил руки.

— Да ради бога! — Девушка развернула кресло, поколдовала над пультом. Вспыхнул дисплей. — Вот, например... Двенадцатая энергоцентральный турбозал. Плохой контакт одного из датчиков в системе входной блокировки. Пустяк — там полно резервных... Временный сбой сигнализации в Информатории Физического института. На пять сотых секунды... Входная сигнализация Кибернетического центра Академии наук — временное отключение. Уже исправлено... И так далее, — Ева вопросительно обернулась. — Что вас все-таки интересует?

— Если бы я знал! — Шевцов виновато вздохнул. — Давайте дальше.

Добросовестно просмотрели ленту до конца — ничего стоящего. Пустячные неисправности, неизбежные в огромном хозяйстве. Пришлось возвращаться к себе ни с чем. Правда, Ева обещала сообщить, если что, и они обменялись личными кодами...

В отделе скучал Шамиль.

— Ты где пропал, дорогой? — бросил он. — Тобою шеф интересовался. Да, кстати... Свеженькое сообщение из академгородка: остановился главный академический мозг! Конец света, ученая братия в панике. Тебя не интересует? Шевцов насторожился: это же в Кибернетическом центре! Соколовский там раньше работал. И с сигнализацией у них что-то!..

Кивнул: «Спасибо!» Быстро набрал номер. На экране — подтянутая строгая женщина с короткой прической.

— Дежурная центра Белицкая! Слушаю вас.

— Здравствуйте! Шевцов из Службы координации... Что у вас там случилось?

Дежурная нервно дернулась.

— Товарищ, еще ничего не известно! Разбираемся! Извините...

Экран погас.

— Ого! — удивился Шамиль. — Психуют академики...

— Вот что, — Шевцов поднялся. — Я слетаю. Сообщи шефу!

Кибернетический центр Академии наук лихорадило. Гудели скоростные лифты, хлопали

двери. По коридорам с вытянутыми лицами сновали сотрудники. Никто ничего толком не знал. К директору было не пробиться — заперся в кабинете с Ученым советом, отключив все каналы связи. В главном зале кипела работа. У развороченных биомодулей копошились техники. Потерянно тыкались оказавшиеся не у дел математики.

С большим трудом, размахивая удостоверением, Шевцов пробился в кабинет к Главному специалисту.

Аристарх Владимирович Маркарян, Главный специалист центра, сидел перед пустым экраном. Волосы всклокочены. Широко раскинутые руки уперлись в стол. В позе — что-то от подраненной птицы.

Шевцов торопливо представился.

— Срочное дело, Аристарх Владимирович! — выпалил отчаянно. — Скажите, причины остановки машины уже известны?

Секунду Главный специалист смотрел сквозь него — словно не видел. Громко втянул воздух — раздулись крылья породистого носа. Выдал громогласно:

— Причины?.. А черт их знает, товарищ! Сама остановилась.

— Аристарх Владимирович! — Шевцов решил идти до конца. — Это крайне важно! Пожалуйста, конкретнее...

— Конкретнее... — Маркарян прищурил один глаз, задумался. — Вот этого никто не знает, молодой человек. Машина прекрасно работала, вдруг — чудовищный пик мощности. Предохранители — к черту! Настройка — вдребезги! Блокировка — все семь ступеней — не сработала. Вот такие пироги, — он развел руками. — Вы довольворены, товарищ?

Шевцов упрямо потряс головой.

— Я понимаю, вам сейчас не до меня. Но случай исключительный, возможно, имеет отношение к аварии...

Маркарян недоверчиво покосился, сказал, сдерживаясь:

— Так что вы хотите от меня?

— Аристарх Владимирович, скажите, — Шевцов понизил голос, — можно ли вызвать такую аварию намеренно?

— Ну, знаете!.. — Маркарян опешил.

— И все же? В порядке бреда? Представьте, что это нужно сделать вам!

— Гм! — Маркарян нахмурился. — Теоретически, молодой человек, это возможно только в одном случае: если подсунуть мозгу заведомо неразрешимую программу. При этом надо отключить все блокировки. Как это сделать — ума не приложу! Компьютер просто не примет

некорректную программу. Вот так... Проще, знаете ли, мину подбросить...

Шевцов вздохнул, вытасил фото Соколовского.

— Последнее... У вас не появлялся сегодня этот человек?

Маркарян глянул мельком, вытянул длинную шею.

— Позвольте, позвольте... Это же — Соколовский?!

— Вы знаете его?

— Конечно! — Маркарян взял фото, поднес к глазам. — Работали вместе. Но он же в этом... в санатории! Болен!

— Он сбежал, Аристарх Владимирович. Сегодня ночью.

— Ого! — У Маркаряна взлетели брови. — Невероятно!.. Но почему вы решили, что он здесь?

— Понимаете, — волнуясь, начал Шевцов. — Там, в санатории, почему-то отключилась вся охранная сигнализация. Как раз в момент побега. И у вас часа два назад был зафиксирован сбой охранной техники. Потом — самовыключение мозга... Ведь Соколовский здесь раньше работал?

— М-да, но... — Главный специалист покачал головой. — Как он мог повлиять на сигнализацию? И при чем здесь остановка машины?

— И все-таки? — настаивал Шевцов. — Если он проник сюда, то куда он мог пойти?

Маркарян помолчал, встал — длинный, нескладный.

— Идем!

В глубине зала — ряд нумерованных дверей: помещения для работ по индивидуальным программам. В крайнем, под номером 17, Шевцов обнаружил смятый листок бумаги. Торопливо поднял, развернул. Так и есть: «безумные письма»!

— Аристарх Владимирович, — Шевцов выпрямился. — Это он! Боюсь, что авария — его рук дело!

Главный специалист усмехнулся, подошел к терминалу.

— Все рабочие программы записываются, молодой человек. Сейчас мы узнаем, чем тут занимался ваш диверсант...

Поцелкал клавишами — из аппарата выскочила полупрозрачная карточка. Близко поднес к лицу, прищурился. С минуту изучал. Вдруг глаза его полезли на лоб.

— Какого дьявола? — Маркарян побагровел, лицо вытянулось, как у лошади. — Это же ахинея, чушь! Машина не могла принять такое! — Он уставился на Шевцова круглыми по-

белевшими глазами, потряс карточкой.— Что это такое?

— Не знаю, Аристарх Владимирович,— судорожно вздохнул Шевцов.— Давайте разбираться вместе.

В следующие полчаса Главный специалист центра развил бешеную деятельность. Из затворничества был извлечен директор с Ученым советом. Шевцова заставили изложить всю историю с самого начала. Соколовского помнили многие: «Талантливейший был ученый!..» В злую волю сумасшедшего маньяка никто не верил. Но программа была налицо — полный хаос! Академики разводили руками: по всем правилам, компьютер не мог ее принять. Ведь это же основа основ; защита от дурака! Тем не менее мозг не только слопал бред Соколовского, но и пытался его разрешить, пока, по выражению Маркаряна, не свихнулся сам.

Весь академгородок был поднят на ноги. У Шевцова забрали кассету с «безумными письменами». Лучшие программисты столицы засели к терминалам. Бригада специалистов срочно вылетела в «Сосновую Рощу» — разбираться с местным компьютером. Маркарян разыскивал бывших коллег Соколовского.

Шевцов вышел на улицу отдышаться. Голова шла кругом. С утра — сплошная гонка. Только что он разговаривал по фону с шефом. Делом заинтересовался Совет, требовал ускорить поиски. Шутка ли, угробить один из мощнейших биокомпьютеров планеты!

Пискнул зуммер радиодона.

— Алло, Толя, вы еще не потеряли интерес к нашему отделу?

Голос низкий, певучий — ни с кем не спутаешь.

— Ева? — удивился Шевцов. — Что случилось?

— Вы у академиков, я знаю... Так вот, слушайте. Когда вы столь поспешно ушли, я связалась с другими городами. Попросила сообщать о неполадках... Недавно что-то похожее случилось в Подольске. И опять — входная сигнализация вычислительного центра. Я подумала: может, это вас заинтересует?

У Шевцова перехватило дыхание: Подольск! Там на днях пущен «Фазтон» — суперкомпьютер нового поколения.

— Когда это произошло?

— С час назад.

Шевцов вскочил, как ужаленный, бросил на ходу в микрофон:

— Ева, милая, простите! Я — в Подольск! Спасибо вам громадное...

Уже в воздухе связался с отделом. Шеф понял с полуслова.

— Высылаю группу! Ты — старший! С Подольском свяжусь сам. Только не упусти!

Они опоздали — Соколовский ушел буквально из-под носа. Пока шеф надрывался по видео, призывая подольское руководство к экстренным мерам, беглец отбыл в неизвестном направлении.

История повторилась. Неожиданный всплеск мощности, предельная нагрузка, снятие блокировок. К счастью, «Фазтон» выдержал. И самое поразительное — выдал какой-то результат: несколько изящных, внешне простых уравнений, от которых ведущего математика подольского центра — старого, заслуженного ученого с мирным именем — едва не хватил удар.

Результаты тут же передали в академгородок: как взрыв бомбы!.. Делать в Подольске больше было нечего. Отослав группу, Шевцов полетел к академикам. Теперь все решалось там.

Первое ошеломляющее сообщение пришло из «Сосновой Рощи». Там вроде разобрались с компьютером. Оказывается, команда на блокировку сигнализации была сформирована самой машиной. В нужный момент биомозг просто подыграл беглецу! Если отбросить мистику, то оставалось одно: Соколовский мог дистанционно влиять на квазиживую субстанцию современных интеллектуальных систем — полная неожиданность для специалистов! Недаром он ночью крутился у здания управления!

Вероятно, тем же способом Соколовский нейтрализовал сигнализацию в академгородке и подольском центре и заставил машины проглотить свои дикие программы...

Следующая информация поступила от группы Маркаряна — они работали над «безумными письменами». В свое время Соколовский исключительно для собственных нужд создал нечто вроде математической стенографии. Письменные экзерсисы безумного математика оказались какими-то сложными вычислениями самого общего порядка. Даже беглая расшифровка давала потрясающие результаты, причем между программой, решением и «письменами» имела четкая связь.

Круг замкнулся — все действия беглеца имели совершенно определенную цель: ему требовалось во что бы то ни стало решить свою программу. Потерпев неудачу с академическим мозгом, он бросился в Подольск. Но что он замыслил в конечном итоге?

Близилась ночь — никто не расходился. В рабочем кабинете Главного специалиста было душно: не справлялись кондиционеры. Шевцов вышел передохнуть в темный холл. Ломило затылок — многовато математики за один раз! Из открытого окна тянуло ночной свежестью. Вдалеке, за блестящим валом зеленого пояса, сиял огнями громадный город. Выше всех вздымалась ступенчатая башня Координационной службы. Там заканчивались последние приготовления к чрезвычайному поиску: Совет уже дал санкцию.

Хлопнула дверь. В коридор выплеснулся яростный гул спора. Кто-то грузно подошел сзади. Шевцов покосился: Маркарян. Сгорбленный, угловатый, осунувшийся. Но в глазах — живой блеск.

— Что, инспектор, все мучаетесь, как изловить этого типа?

Голос, как из трубы, перекачивался в пустом зале. Шевцов вздохнул, сказал негромко:

— Решение Совета — найти в течение суток!

— Эт-то они зря! — Маркарян покачал головой. — Не надо его ловить.

Шевцов с интересом обернулся — что за новости?! Главный специалист, сцепив руки за спиной, покачивался на каблуках.

— Дело в том, уважаемый инспектор, что вам его не поймать! Да, да, не удивляйтесь! Вы думаете — сумасшедший гений? — Маркарян фыркнул. — Если бы!.. Человеческие способности, даже гениальные, имеют предел. Понимаете? А здесь, извините, — он развел руками, — ни в какие ворота! Мы даже не знаем, к какой области знаний относятся его расчеты! Мы их не понимаем! Не досрочно! — Маркарян наклонился — высокий, костлявый; сверкнули глаза. — Это даже не завтрашний день! Бог знает, насколько он обогнал нас!

У Шевцова сжалось сердце. Сказал поспешно:

— Да кто же он, по-вашему? Пришелец? Подкидыш сверхцивилизации?.. Чепуха какая-то! Маркарян шумно вздохнул, выпрямился.

— Ну зачем сразу — пришелец?! В том-то и дело, что это наш брат, землянин... Я ведь неплохо знал его в свое время. Он всю жизнь носился с дикой идеей — качественно улучшить вид homo sapiens! Чуете? — Маркарян дернул подбородком. — И добился-таки своего! Да-да, молодой человек, Соколовский уже не просто человек разумный. Это, если хотите, человек модернизированный — homo modernis! Наше будущее.

— Постойте, постойте, — взмолился Шевцов. — Вы хотите сказать — сверхчеловек? Допу-

стим. Но для чего тогда вся эта нелегальщина с побегом? Зачем так сложно?

— Не знаю, дорогой, не знаю! — Маркарян упрямо потряс головой. — Очевидно одно: Соколовский переделал свой мозг, шагнул в новое качество. Мы его не понимаем, а «Фазтон» — понял! И на том спасибо. Вы слышали о его биостимуляторе? Это первый опыт. Торопливый, даже варварский, но в целом — удачный! Уже ясно: он мыслит много быстрее и сильнее нас. Он выработал в себе способность непосредственного общения с квазиживыми компьютерами — представляете перспективу?! — Маркарян перевел дыхание. — Я думаю, с ним произошло своеобразное умственное замыкание: перестимулированный мозг замкнулся сам на себя. Коллапс! С виду — полный идиот, а на деле... Внутри идет гигантская работа по решению Большой проблемы. Какой? Пока мы можем только гадать...

Шевцов молчал. Вспомнилось рыхлое неподвижное лицо Соколовского, мертвый взгляд в себя. Неужели это — наше будущее?..

Маркарян говорил, глядя в окно:

— Беда в том, что он все время спешил. Всегда. Даже сейчас. Наверное, и удрал поэтому: что ни говори, а это самый быстрый путь.

Шевцов не сразу сообразил, что в кармане давно надывается фон.

— Толя, это Калинин! — Голос тихий, словно приглушенный. — Он вернулся!

— Что?! Когда?

— Не знаю, — донеслось из фона. — Проходил мимо, вижу: свет. Захожу — сидит! В общем, я сейчас у него. Принес поесть. Проголодался он...

Шевцов ошарашенно глянул на Маркаряна. Тот слушал.

— Ну и как он? — спросил, запинаясь. — Что делает?

— Пишет! — коротко ответил Калинин.

— Пишет, — словно эхо, повторил Шевцов. — Но что он говорит? Зачем убежал?

Несколько секунд аппарат молчал. Чуть слышно потрескивал эфир.

— Да ничего он не говорит! — раздалось наконец. — Занят он. Не до нас ему...

— Ну вот, что я говорил! — торжествующе загредел Маркарян. — Зачем его ловить? Он, сам знает, где ему лучше... Вот что: надо срочно установить ему терминал для связи с «Фазтоном». А то опять удерет. — Главный специалист возбужденно потер руки. — Ну, а потом, Толя, займемся модернизацией! Честно вам признаюсь: чертовски хочется попробовать!

РОТМИСТР АВИАЦИИ

Анатолий РОМОВ

Рисунки С. Сухова

25.

Вернувшись к себе, Курново еще раз раскрыл дело, на первой странице которого значилось одно слово: «Ицуми». При всем своем поверхностном знании технических и научных вопросов полковник понял: судя по собранным в папке документам, японцы в последнее время активно изучают промышленные технологии во многих странах. Везде, где речь идет о такой деятельности, фигурирует фирма «Ицуми». Это было крайне существенно. Курново усмехнулся. Кажется, он начинал понимать, что привлекает «Ицуми» здесь, в России. В Гатчине и Курске Киёмуре занимали змеи и сфероплан — типичные неудачные идеи, то есть отходы. Отходы в патентных бюро, отходы в редакциях журналов. Ловить рыбку в мутной воде, вот как это называется... Губарев, конечно, идет по ложному следу, не какое-то важное открытие интересуется в данном случае японцев, а вот эта мелочь, возможность найти большие нереализованные идеи в массе мелких неудач...

Не исключено, что в конце концов Губарев до этого докопается. Губарев... Курново на некоторое время задумался, машинально перелистывая справки. Без всякого сомнения, это талантливый офицер. Не просто талантливый — упорный, способный, отлично подготовленный. Знает языки, прекрасно подкован технически, обладает определенным даром к перевоплощению. Но, к сожалению, ротмистр не понимает главного. Увы, этот способный контрразведчик далек от верной оценки той сложной сути отношений, которая складывается сейчас в верхах. И прежде всего при дворе. Все эти неудачные идеи, охота за промышленными секретами — мелочь. Решает совсем другое: сложная дипломатическая игра, взаимоотношение придворных партий, полная незаметных

выпадов борьба фаворитов. Губарев этого не понимает.

Японцы же... Конечно, сволочи, стервецы, мародеры. Но, подумав об этом, Курново сразу же оставил эмоции. Россия от такого воровства не много потеряет, страна обильная. Он же может найти. Курново довольно долго сидел, обдумывая ход, который он может сделать в этой игре, наконец усмехнулся. Японцы на этом будут иметь немалые деньги, так вот он, честный русский офицер, использует это. Использует!

Еще раз просчитав все, откинулся на стуле. Мечта каждого контрразведчика — заставить вражескую агентуру работать на себя. Так вот — он заставит работать на себя японцев. Пусть не целиком, пусть... Но какой-то частью своей информации они с ним поделаются. Если все получится так, как задумал он... Если... Мысль неплохая, загвоздка в одном: все должно быть разработано достаточно тонко. Он прикинется, что хочет получить с японцев мзду — за негласное разрешение действовать свободно и добывать «отходы» для фирмы «Ицуми». Когда же японцы попадутся на эту удочку, он уличит их в попытке дать взятку официальному лицу. Тогда-то Танака и Киёмура будут вынуждены сообщить ему некоторые данные, скажем, о тех же немцах. Данные эти у них, без сомнения, есть. Что же касается Губарева — пусть занимается своей версией. Он может в конце концов выяснить истинные цели японцев, но пока, к сожалению, контрразведка здесь бессильна: не делают тут японцы ничего противозаконного, нет таких правил — охранять неудачные изобретения.

Полковник убрал бумаги в стол и вызвал к себе адъютанта.

26.

Губарев стоял у окна в своей квартире. Полина должна прийти примерно через полчаса. Он сложил

вместе все, без чего, как считал, нельзя обойтись: пузырек с клеем, кисточки, две подделки разного цвета, картуз, сапоги. Раскрыл пузатый чиновничий портфель — должно войти. Вошло; щелкнул застежкой. Помедлил, подошел к окну, остановился, разглядывая редких прохожих на Большой Дворянской. Еще одна временная квартира; в каких только местах и сколько у него их было, сколько еще будет.

План, который он разработал, неплох. Он решил идти до конца и выявить, зачем Киёмура скупает отходы. И он выявит — с этим планом. Кое-что зависит от Полины: ему нужно время, чтобы, не уходя из варьете, успеть превратиться из князя Остермана в извозчика. Это можно сделать только в ее грим-уборной. Надо надеяться, она согласится. Расчет прост: возвращаясь домой, Танака и Киёмура не будут молчать, чем-то обязательно поделятся. Если они это сделают, то сделают на родном языке, в пролетке другой ни к чему. Материал будет, как не быть, единственное — он должен достигнуть известной изошенности в гриме. Никто не должен догадаться, что каждую ночь японцев подвозит один и тот же извозчик.

Коска перебежала мостовую... Мысль, которая все время возникает и которую он все время отбрасывает: Зубин прав. От того, что он выяснит цели Киёмуры, ровным счетом ничего не изменится. Тогда для чего он все затевает? Из-за упрямства? Не совсем. Глубоко обидно, что по-хитрому обворовывают родную землю. Светлые технические мысли сограждан. Но что бы он, Губарев, ни сделал, каких бы агентов ни выявил, дивидендов у Курново это ему не принесет. Полковника интересует только собственная карьера. Чиновный истукан, аристократ вшивый. Играет в заинтересованность, но ведь интересуется его только одно: как он будет выглядеть в глазах начальства, это в-первых... Во-вторых... Впрочем, тайны особой здесь нет — ясно, Курново

во хочет как-то заработать на японцах. Он же, Губарев, останется мальчиком на побегушках, обреченным таскать каштаны из огня для других, в том числе для полковника. Но ведь то, что он вынужден работать на других, он знал и раньше? Да, знал. Знал, черт возьми, но, по крайней мере, раньше он был убежден, что таскает каштаны еще и для России. Смешно, для России. Кто — Россия? Курново? Да тем, на кого Губарев работает и будет всю жизнь работать, на Россию наплевать. Что же тогда делать? Если не служить в контрразведке, куда деться? Некуда, просто некуда. Из контрразведки в отставку не уходят, это не армия. Уйдешь без разрешения — получишь или яд, или пулю в спину.

Услышал звонок. Полина. Открыл дверь.

Стоит у порога, молча смотрит на него. Кажется, сейчас она ищет в его взгляде ответ — и не находит. Что-то наверняка случилось, он это чувствует.

— Задержалась, извини. Можно?

— Что-то случилось?

Вошла, глянула в зеркало, поправила волосы.

— Ничего особенного, если не считать, что я ухожу из «Аквариума».

Сняла шляпу, перчатки, прошла в комнату. Пошел за ней, подумав на ходу: он ничего не имеет против, все, что она делает в «Аквариуме», действует ему на нервы. Единственное — для его плана лучше, чтобы она ушла не сейчас.

— Может быть, объяснишь?

Села на тахту, перевернула подушку.

— Саша, во-первых, «Аквариум» и все, что я в нем вижу, — вот! — приподняла ладонью подбородок. — Все это стоит у меня вот здесь. Видишь?

— Вижу. Во-вторых?

Отвернулась. Усмешка, адресованная не ему, окну. Открыла сумочку, протянула визитку. На одной стороне иероглифы и французский текст; на другой стороне крохотными буквами выведено: «М-ль Ставрова, хотелось бы встретиться с Вами в ближайшее время. Бар. Та-нака».

— Это было вложено в конверт вместе с деньгами. Вчера.

Повертел карточку. Что ж, эта визитка все облегчает. Все, в том числе и его план. Он не может предложить Полине ничего, кроме ожидающей его неизвестности, и все-таки он сейчас расскажет. Сел рядом, накрыл ладонью ее руку.

— Поля. Я хочу серьезно по-

говорить с тобой. Этот разговор назрел и от него не уйти. Начну с главного — я хочу всегда быть с тобой. Остальное уже второстепенно, понимаешь?

— Есть что-то еще?

— Да, есть. Думаю, ты догадалась, в «Аквариуме» я не просто так. Я слежу за двумя людьми, эти люди — Танака и его соотечественник, ты его знаешь, Киёмура. Сначала я следил за ними по заданию государства, теперь же... Боюсь, теперь это занимает только меня одного.

— Не понимаю...

— Сам не понимаю, просто теперь уже ничего не поделаешь, так сложились обстоятельства. Я должен довести эту историю до конца, я не могу ее бросить — и я доведу ее.

— А потом?

— Потом, наверное, у меня будет единственный выход — бежать куда-то... Видишь, кроме неопределенности ничего не могу тебе предложить. А теперь... Теперь речь пойдет о серьезных вещах.

Она догадалась. Сказала:

— Я могу тебе как-то помочь?

— Можешь... Нужно на некоторое время задержаться в «Аквариуме» и добиться отдельной грим-уборной.

Открыл ящик.

— Вот деньги. Бери, но с этого дня ты должна перейти в отдельную грим-уборную.

27.

Губарев ясно и отчетливо услышал слово «ошибка».

Копыта стучат по мостовой, облочок вздрагивает; спокойный предутренний воздух покрывает бесесым ответом набережные, сфинксов, рябь волны за парашютом. Стук копыт и вздрагивание облочка; на всем пути от «Аквариума» он ощущал только это. Но у Ростральных колонн, разворачиваясь по пустынной брусчатке к Васильевскому, вдруг внятно услышал сказанное Танакой слово «ошибка». Проклятие, именно сейчас, когда они заговорили по-японски, он ничего не слышит. Мешают стук копыт и скрип пролетки. Все-таки, продравшись сквозь паузы и междометия, ему каким-то образом удалось ухватить обрывки фраз. Даже по этим обрывкам, полусловам-полуслогам, он понял: впервые за четыре дня в разговоре на пути домой возникло нечто важное.

— Киёмура-сан, я хотел все-таки... Несколько фраз неразборчиво. — ...Допустили серьезную ошибку и должны ее исправить.

— Танака-сан, нижайше прошу простить... — Поворот на мост, несколько фраз пропало. — Понимаю, что пренебрег прямыми обязанностями... Но теперь, когда нижайше предложил вам сотрудничество... Много станет гораздо проще... если вы согласитесь...

— Киёмура-сан, я согласен... — Обрывки слов без всякого смысла. — И все-таки не думайте, что мне так же легко нарушить кодекс.

— Танака-сан, это с большим трудом можно назвать нарушением кодекса... В конце концов... — Снова поворот, снова несколько фраз пропало... — Это тоже принесет пользу родине... Вознаграждение, которое мы с вами получим...

— Киёмура-сан, хочу еще раз напомнить, я не решил...

Снова стук копыт, вздрагивание облочка. Вот оно, наконец-то! После того как он четыре дня подряд на разных лошадях подбегает к половине второго к выходу из варьете — впервые что-то серьезное. Пока молчат, надо запомнить обрывки сказанного. Вознаграждение. Польза родине. Ошибка, которую нужно исправить. Что-то, чего Танака «еще не решил».

Четыре вечера подряд он выскальзывал черным ходом к подготовленному экипажу, уже почти не веря в удачу. И вот сейчас — надежда. Снова стук копыт, чертоза брусчатка, просто барабан какой-то. Пустить жеребца шагом? Нет, это может насторожить седоков.

— Хорошо, Киёмура-сан... Подготовьте документы... И отдайте мне...

— Благодарю, Танака-сан... — Щелканье копыт по брусчатке. — Завтра к вечеру я зайду с бумагами...

— В посольство не нужно, слишком щекотливый вопрос... Бумаги передадите в варьете...

Сейчас слышно хорошо.

— Простите, но в варьете тоже небезопасно...

— Безопасней, чем в посольстве... Вы представляете, что будет? Кроме того, заниматься этим в посольстве...

— Понимаю, Танака-сан...

— Согласитесь, иногда это выглядит не совсем достойно...

— Да, Танака-сан, я этого не учел... Спасибо...

Тишина. Замолчали, не слышно ни звука. Кажется, разговор закончен. Из того, что он услышал, ясно только, что они говорили о чем-то важном. Поворот на Васильевский, Кадетская, Первая линия, магазин «Кималайнен», торгпредство.

Танака хлопнул Губарева по

плечу, он сразу натянул вожжи, жеребец встал.

Полуобернулся с облочка, склонившись, чтобы не увидел глаза, протянул руку, забормотал, пряча деньги:

— Благодарим покорно, госпо- да... Дай бог, спасибо...

Сошли! Он услышал за спиной шаги, звонок, стук двери. Выпрямился, тронул вожжи. Кажется, Рыжий почувствовал, что едут в конюшню, фыркнул, пошел легко, звонко. Губарев свернул в боковой переулок, выбрался на набережную, прибавил ходу. Можно сказать, ему повезло. С абсолютной уверенностью твердо знает: завтра в варьете Киёмура должен передать Танаке какие-то документы. Трудно понять, что это за документы, а главное, почему их нежелательно передавать в резиденции посольства. Что значит «не совсем достойно»? Возможно, атташе имел в виду что-то связанное с самурайским кодексом?

Пока Губарев ничего не понимает. поймет, лишь увидев сами документы.

28.

Стэнгулеску поглядел на него пьяными глазами, поднял бокал:

— Алекс, я пью за нас с тобой! За нашу мужскую дружбу!

— Хорошо, Джерри. Но я пока воздержусь.

В зале тишина. На полуосвещенную сцену вышла Варя Панина. Японцы, как обычно, за своим столиком, Киёмура с портфелем. Это еще ничего не значит, но вообще с портфелем в варьете японец приходит крайне редко. С японцами Губарев поздоровался, но присаживаться не стал. Легче будет уйти. Едва Панина запела, за столиками восторженно захопала. Романс «Шавалэ» — лучший в ее репертуаре.

Как медленно тянется время. Стэнгулеску пьян, уселся боком, откинувшись на стуле. Кажется, пора: как правило, японцы уходят к половине второго, сейчас двенадцать. Записка Полины должна попасть к Танаке вовремя, сам же он должен успеть вернуться в зал и, если удастся, проверить реакцию атташе. Потом заgrimироваться — к трем, если все будет в порядке. Он рассчитал точно: сегодня в половине второго из варьете должен уйти один Киёмура. Танака, при условии, что ему действительно нравится мадемуазель «В холодном Париже», задержится до трех... Кончился романс, самое время уходить.

Выскользнул из-за стола, прошел за кулисы; входя в грим-уборную, на секунду обернулся — коридор пуст. Полина за трюмо, сказала, не поворачиваясь:

— Я ждала, но ты что-то рано... Саша, — повернулась. — Что случилось?

— Ничего, если не считать: пришла пора уходить из «Аквариума».

Повернул ключ, Полина нахмурилась.

— Мне собираться? Саша, это действительно все?

— Выслушай внимательно: сейчас ты напишешь записку Танаке. Напиши, что после программы свободна и можешь с ним встретиться. Сегодня вы обязательно должны уехать вместе. Ты и Танака. Понимаешь? Обязательно.

Как легко ему с ней, он мог бы не говорить всего этого, она поняла бы по глазам.

— Понимаю.

— Когда подойдете к извозчикам, моя пролетка будет запряжена серой кобылой, на мне будет полосатая поддевка. Вы с Танакой должны сесть на эту пролетку. Именно на эту, ни на какую другую.

— Попробую.

— Потом мы отъедем, я остановлю пролетку и прикажу выйти. Ты должна сделать вид, что испугалась, и — подчиниться. Вот ключ от моей квартиры, адрес не знает ни-

ШАГНУВШИМ В БОЙ СО ШКОЛЬНОГО ПОРОГА

...Подписывают мир не для солдат,
Одним лишь павшим он — сигнал отбоя.
А тот трубач, что в бой нас вел с собок,
Он все трубит, и нет пути назад...

Слова стихотворения звучат клятвой, они стали боевой программой для следопытов на многие годы. Но очень редко в последнее время приходят известия о том, что отыскался еще один выпускник ханты-мансийской школы № 1, ушедший на фронт со школьной скамьи. И справиться негде, почему — редко: письма в прошлое не ходят...

В грозном сорок втором году, перед отправкой на фронт, они посадили в парке родного города березы — как символ надежды на возвращение и долгую счастливую жизнь. Выросла роща. А ребят тех нет... Их адреса: Сталинградская битва, прорыв блокады Ленинграда, Орловско-Курская дуга...

Под стеклом в витрине музея лежит алюминиевая солдатская фляга, найденная на заросшем травой поле. На потускневшем корпусе ее — неразборчивая надпись и нехитрый рисунок домика: двускатная крыша, дым столбом из трубы — говорят, это к хорошей погоде... Быть может, сердитый старшина сделал замечание молодому солдату, чтоб не портил казенное имущество. А может, и сердиться старшине было уже некогда — бой гремел... Эту фляжку подарили ханты-мансийскому отряду следопытов ребята из Смоленской области. Но едва ли она принадлежала молодому сибиряку — только одиннадцать выпускников школы погибли здесь, одиннадцать из нескольких тысяч человек, не вернувшихся в родные места, — капля в море... Но одиннадцать — это треть класса.

Восемнадцать лет назад по инициативе нынешнего директора школы Ю. Г. Созинова начались поиски выпускников, ушедших на фронт в военные годы. Сам он тоже был среди них, именно его класс в 1942-м сажал березы в парке.

Поначалу было желание создать только историю школы, в которой одной из самых значительных страниц должно быть участие выпускников в Великой Отечественной войне. Но по мере поступления документов, фотографий, реликвий стало ясно, что рамками первоначального замысла не обойтись. И тогда появились циклы: «Край, возрожденный Октябрем», «История комсомольской организации округа», «Песни возрожденного народа», «Они были первыми» и другие. Эти циклы — их называют здесь экскурсиями — своеобразные рассказы-спектакли о славном боевом и трудовом пути Ханты-Мансийского округа, о подвигах земляков. И следопытская работа приобрела совсем уже четкие формы, когда был создан школьный музей. В его создании принимала участие вся школа. Каждому классу теперь регулярно выдаются задания, которые выполняются в течение года: малышам — попроще, ребятам постарше — более сложные. Не менее ста экскурсий проведено активно музея.

Майя Баянова и Люся Коннова, наверно, навсегда запомнят поход по смоленским местам, где они по-особому почувствовали уже давно им известное...

Они видели на Борсдинском поле, рядом с могилой Багратиона, пулеметный дзот, построенный в 1941 году.

Они видели возле села Селецкого деревья, на которых фашисты распяли пионеров, партизанских разведчиков. Деревья с тех пор высоко подняли кроны... А на гвззях, теперь уже далеко от земли, повязаны алые пионерские галстуки.

Выпускники 1942 года Валентин Киселев, Михаил Соколов, Володя Еремкин, Андрюша Рябков — о них рассказывают материалы школьного музея, о солдатах, у которых остались на всю жизнь детские мальчишеские имена.

Уже многие из сегодняшних ребят обогнали годами своих сверстников военной поры. Среди них — бывший член совета музея Андрей Москаленко, ныне курсант Качинского авиационного училища.

Он и сочинил музыку к стихам выпускника школы 1944-го Алексея Смольникова. И появилась песня: «Подписывают мир не для солдат...»

В. КОПНОВ

кто, кроме ПКРБ и тебя. Пройдешь дворами ко мне, жди там. Я приду.

— И все?

— Все.

— А ты?

— Я недолго поговорю с Танакой.

Взяла ключи, спрятала в сумочку.

— Прости за дурацкий вопрос — это опасно? То, что тебе предстоит?

— Опасность в другом: если Танака откажется сегодня ехать с тобой. Для меня это будет катастрофой.

Полина усмехнулась:

— Он не откажется.

29.

Сменщик из конюшни «Виктория» в пролетке, запряженной серой кобылой, как они и договорились, ждал у черного хода. Получив пять рублей, подмигнув, прыгнул, передал вожжи — и ушел. Губарев припрятал сверток с гражданской одеждой, сел на козлы, не спеша развернулся по Кронверкской. То и дело почесывая и осаживая кобылу, подъехал к выходу из «Аквариума». Остановился у тротуара, осмотрелся.

Пока все хорошо, у тротуара впереди один, свободный экипаж. Возчика он не знает; вороной жеребец ослабил переднюю ногу, изредка вяло поводит копытом. По времени — Танака и Полина должны выйти минут через двадцать. Опустил локоть, еще раз проверил прижатый поясом револьвер. Оружие держится легко, он достанет его в полсекунды. За двадцать минут кто-то должен выйти и занять переднюю пролетку, если же никто не выйдет, Полина должна сесть к нему. Естественно. Без всякого напряжения, так, чтобы Танака ничего не почувствовал. Кажется, кроме них, никого не будет, да, вот хлопнула дверь, покосился — они. Идут сюда, вся надежда на Полину. Танака чуть впереди. Полина отстала. Вот запахнула шаль, прибавила шаг. В руках Танаки портфель — плоский, из крокодильей кожи, с вензелем. Чей — Танаки? Киймуры? Портфель облегчает дело, впрочем, в любом случае Танаку следует обыскать. Полина пошла быстрее, хочет сесть в пролетку как бы не разбирая, с ходу. Вот села, пролетка качнулась. Он слабо тронул вожжи, разогревая кобылу. Танака прыгнул следом, спросил негромко:

— Мадемуазель, к вам?

Поля молодец, играет прекрасно. Процентала тихо:

— Ко мне.

— Куда?

— На Малую Посадскую.

Танака бросил:

— Голубчик, на Малую Посадскую.

Дернул вожжи, кобыла пошла легко. Улица совершенно пуста. Пока все ему на руку. Разворачиваясь у трамвайных путей, заметил: портфель лежит на сиденье. С полверсты они трусили по Каменноостровскому, потом свернули в переулки; за третьим поворотом Губарев остановил кобылу, быстро прыгнул. К Танаке он повернулся уже с револьвером в руке. В самообладании японцу не откажешь, лицо каменное:

— Что это значит?

— Руки вверх, господин атташе!

Черт с ним, с самообладанием, главное — руки. Следить за его руками, не выпускать их из виду. Темные глаза в шелках век смотрят в упор, не мигая, понять по этим глазам ничего нельзя. Ничего и не нужно понимать, оружие у него наверняка есть.

— Руки вверх, быстро!

— Все-таки что это значит?

Правая рука Танаки незаметно поползла к борту фрака — Губарев тут же поднял ствол.

— Спокойно! Господин атташе, не сомневайтесь, я выстрелю! Руки вверх!

— Это произвол. Кто вы?

— Стреляю... — Он стал осторожно нажимать курок. Танака поднял руки, портфель остался на сиденье. Губарев быстро обшарил фрак атташе, достал из внутреннего кармана браунинг, сунул к себе за поддевку. Полина дрожит от страха, молодец. Главное, не дать ему опомниться.

— Сойти обоим, быстро! Ну! Барышня!

Когда Полина сходила, Танака хотел подать ей руку, но Губарев взмахнул револьвером:

— Ни с места! Барышня, уходите отсюда! Уходите, быстро!

Полина отходила, пятясь, будто нехотя; потом охнула, повернулась, побежала.

Танака потянулся было за портфелем — Губарев снова предупредил его, ткнув стволом в живот.

— Руки! Стреляю!

Японец понял по глазам: выстрелит. Прыгнул на мостовую.

— Господин Остерман, я узнал вас. Мне отлично известно, кого вы представляете...

— Тише, господин атташе... — приставив к груди Танаки револьвер, стал ощупывать фрак, рубашку, брюки атташе, понимая, что это дело второе, главное, конечно, портфель. — Я никого не представляю,

только себя. Держите руки поднятыми. Потерпите, я обыщу вас, и можете уходить.

Танака усмехнулся. Наигрывает спокойствие.

— Что вам нужно? Повторяю, я узнал вас. Вы делаете сейчас роковую ошибку...

— Это мои заботы. Прошу — без лишних движений, и с вами ничего не случится. — В карманах ничего, кроме денег. — Отойдите от пролетки!

— Я должен, взять портфель. Думаю, мы поймем друг друга и сможем договориться...

— Я сказал: отойдите от пролетки!

Танака покосился на револьвер. Что ж, если он хочет его обезоружить, пусть попробует.

— Повторяю, господин Остерман: я должен взять портфель. Берите деньги и все остальное, но портфель мне нужен. В нем важные дипломатические документы, они вряд ли вас заинтересуют.

— В последний раз предлагаю вам отойти в сторону.

— Князь, ваши труды напрасны. Все равно я вытребую портфель назад. Говорите ваши условия?

— Считаю до трех! Раз! Два!..

— Хорошо, я отойду. Но учтите, этот случай пагубнейшим образом отразится на вашей деятельности в России. Во-первых, вы нарушаете договоренность между нашими стра-

нами, во-вторых, я просто прова-лю вас.

— Я учту это, господин барон. А теперь, прошу вас, отойдите. И руки не опускайте.

Губарев вскочил на козлы. Держа Танаку под прицелом, нащупал рукой повод, не оборачиваясь, дернул — серая пошла шагом. Чмокнул, дернул сильнее — перешла на рысь. Танака долго смотрел вслед.

30.

На пустыре у Финляндского вокзала он ввел кобылу во двор, огляделся — и открыл портфель.

Там лежала пачка листов, соединенных металлической скрепкой и испещренных иероглифами. Текст был несложным. Губарев прочитал то, что было сверху:

«Господину Танаке Хироси от недостойного Киёмуря Юдзуру. Сим провождаю список, собранный по заданию фирмы «Ицуми». Нижайше прошу быть полноправным хозяином этого списка — вместе с недостойным подателем сего».

Далее шел аккуратный список технических предложений, описаний, писем. Здесь были уже знакомые Губареву змейковый поезд Ульянина, пропеллер Николаева, стабилизатор Гризодубова и еще несколько десятков проектов и приспособлений подобного рода. Всего упоминалось 134 названия.

Теперь, рассматривая список, Губарев понял, в чем дело. Для серьезной промышленной фирмы такой реестр — бесценный клад. Кем-то забракованные предложения, почему-либо нереализованные изобретения, отчего-то отвергнутые идеи... Составитель был аккуратен: в каждой графе коротко указывалось существо предложения, источник получения, адрес автора, а также — особо — имеются ли подробные описания, технические данные, схемы и фотографии.

В конце списка стояла подпись: «Киёмура Юдзуру» — без указания даты и места.

Прочитав список, Губарев сунул было бумаги назад, в портфель, но внутри, в уголке, заметил сложенный вчетверо листок.

Это оказалась написанная по-русски записка. Губарев пробежал ее несколько раз — и узнал каллиграфически ровный почерк. Это был почерк Курново. В записке значилось: «Милостивый государь г-н Танака! Нам необходимо встретиться в конце недели для обсуждения известного вам вопроса. Будьте любезны, позвоните, мне в субботу. по

КЛЮЧИ ОТ СЕВЕРА

Недалеко от поселка Новый Вагиль на севере Свердловской области, у размытого берега речки Ликинки земля приоткрыла свои тайны. Уникальным памятником археологии назвали ученые Ликинский могильник — не так уж много таких памятников, а исследованы единицы...

В кабинете истории Ликинской средней школы собраны наконецники стрел, иглы для шитья, изготовленные из костей рыб, осколки посуды, наконецники для гарпунов, скребки для выделки шкур... Все эти предметы принадлежали когда-то народу, населявшему север Урала, — обским уграм. Ребята помогали археологам шифровать и мыть находки, зарисовывать их, склеивать. И за это получили богатое оформление для школьного уголка родного края!

Работа продолжена в лабораториях Уральского государственного университета. После проведения структурного анализа стали ясными многие секреты угров. Оказалось, что уже в X—XIII веках угры в совершенстве владели приемами термообработки металла, сваркой... Обнаружены рудные разработки, найдены горны для выплавки чугуна, остатки шлака. А прежде ученые считали, что уграм не были известны металлургия, металлообработка, кузнечное дело...

Археологи сделали вывод, что обские угры владели кузнечным ремеслом. Правда, оно уступало таким же навыкам других народов, например тюркской группы, однако было самостоятельным и оригинальным.

На многих вещах сохранился характерный знак угров — распластанный медведь. Он виден на женских украшениях, извлеченных из могильника, — подвесках, серьгах, заколках, на других видах изделий. Топоры, копья, ножи, сверла — все эти предметы отмечены особыми приметами, по которым угадываются угрские мастера. Сохранялась металлообработка и в XIV—XVIII веках — исчезла она уже в период бурного развития первых уральских заводов, которые сделали невыгодным кустарное ремесло.

Раскопки на Ликинском могильнике, а также те, что сегодня ведутся в Тюменской и Свердловской областях, носят охраняемый характер. Приостанавливаются работы там, где ковш экскаватора вынес на поверхность осколок непонятного происхождения, ржавый металлический остов неизвестного орудия.

Как утверждал профессор Г. Ф. Миллер в книге «История Сибири», на реках Лозьве и Лобве, у самых больших озер — Большой Вагильский Туман и Пельымский Туман встречаются следы древних святилищ угров. Что там, под мрачными нагромождениями камней, среди болот и тайги? Около деревень Носово и Дворниково выносит река кости носорогов и мамонтов, сибирского быка. По реке Пельму обозначены следы древних поселений.

Но скоро и к этим тайнам археологи подберут ключи.

Л. СЕРГЕЕВА

тел. 50-879». Так вот почему Танака не хотел отдавать портфель. Телефон скорей всего одной из конспиративных квартир. Подписи Курново не поставил, он осторожен, да и содержание записки ни о чем не говорит — если не знать сути дела. Но доказать, что эта записка принадлежит начальнику ПКРБ, ничего не стоит. Если это так, значит, обнаружив записку в портфеле Киёмур, он, Губарев, подписал самому себе смертный приговор. Конечно, только в том случае, если Курново об этом узнает. Узнает об этом наверняка — после того, как Танака позвонит ему по телефону и они встретятся. Сегодня понедельник, произойдет это не раньше субботы. У него в запасе пять дней. Срок не такой уж маленький.

Спрятав записку во внутренний карман, Губарев вложил список в портфель. До конюшни он ехал окольными путями, размышляя, какую роль должны играть обнаруженные им документы во взаимоотношениях Танаки и Киёмуры. Да, конечно, это список технических неудач, но, собранные вместе, технические неудачи становятся для крупного предприятия ценным материалом. Ясно еще одно: Киёмура собирал эти данные не для военной разведки, а для фирмы «Ицуми». Не бесплатно, конечно. Фирма такого размаха могла назначить за работу Киёмуры солидное вознаграждение. Танака узнал, каким превратным промыслом занимается Киёмура, и как старший резидент потребовал своей доли. Наверняка все так и было.

После этого становится понятным смысл фразы: «Не совсем достойно...» Вступая в сговор и получая пай, Танака нарушал кодекс аристократа. Для него было крайне важно, чтобы детали сделки остались между ним и Киёмурой. Губарев усмехнулся про себя, разглядывая летящие мимо утренние дома. Такого он еще не слышал: промышленная фирма интересуется отходами технических идей. Не только интересуется, но и скупает их. Что-то новое в истории шпионажа! Да и можно ли вообще это называть шпионажем? Впрочем, до названия ему нет никакого дела. Это может называться как угодно — важно, что он хотел распутать эту историю, и он ее распутал. Прием, которым был получен портфель, можно назвать сомнительным, но, черт возьми, он же действовал в собственной стране, защищая интересы своей страны!

Не доезжая до конюшни, он прихватил портфель и сверток с одеждой, спрыгнул на углу —

и хлестнул серую. Некоторое время следил, как кобыла трусит по мостовой к конюшнным воротам. Вошел в ближайший подъезд, отклеил бороду, тщательно переоделся, засунул кучерскую экипировку под лестницу. Домой добрался на извозчике. Открыл дверь.

Полина стоит в прихожей. Глаза спокойны, только чуть дрожат губы. Беззвучно повернул ключ, положил портфель на столик. Она подошла, осторожно прижалась подбородком к его плечу, затихла, будто вслушиваясь.

— Господи, как я боялась! Если бы ты знал, как я боялась.

— Понимаю. Но сейчас все позади.

— А Танака? — посмотрела в глаза, проверяя.

— Не беспокойся. С ним все в порядке. Но вот что — здесь тебе оставаться небезопасно. К вечеру я что-нибудь придумаю, а пока лучше перебраться в другое место. У тебя есть знакомые?

— Есть подруга. Она живет на Лиговке. Лиговка, семь, квартира сорок один. Там даже есть телефон: пятьдесят два — семьсот пятнадцать.

— Отлично, — он набросал на листке цифры. — Вот номер, по которому будут знать обо мне. Спросишь Зубина, это мой товарищ. Ну, иди, — поцеловал ее, она выскользнула в дверь. Вызвал по телефону Зубина, услышал хриплый голос:

— Да? Кто это?

— Андрей, извини, что разбудил. Это я, Губарев.

— Саша... Что случилось?

— Объясню потом. Мне очень нужно с тобой встретиться.

— Хорошо. Приезжай.

— Нет, лучше ты подойди... Скажем, часа в четыре дня к памятнику Петра?

— Хорошо.

— До встречи.

31.

Войдя к Курново, Губарев сразу же понял: полковник не в духе. Вытянулся.

— Разрешите, Владимир Алексеевич?

Шеф ПКРБ скользнул по Губареву безразличным взглядом, на портфеле, который он держал в руке, даже не задержался. Пришлось повторить:

— Разрешите?

— Проходите, ротмистр. Но я ведь вас, кажется, просил не появляться здесь без моего вызова.

Он уже знает о портфеле. А вот о записке — вряд ли. Губарев подо-

шел, положил портфель на стол. Курново покосился.

— Что это?

— Владимир Алексеевич, мне удалось выяснить истинные цели господина Киёмуры. Он же Ахметшин, он же Шарипов.

Курново смерил его взглядом, поднялся, сделал несколько шагов по кабинету. Остановился у карты Российской империи, изучая район Сахалина. Повернулся.

— Наслышан, наслышан. Вы использовали мадемузель Ставову, она заманила Танаку, и вы силой отобрали у него личный портфель.

— Простите, это не его портфель.

— Не его? Чей же?

— Это портфель господина Киёмуры. Он передал его господину Танаке. Именно это обстоятельство убедило меня в том, что там содержатся важные компрометирующие материалы.

— Убедило, говорите? — Курново подошел к столу, придвинул к краю лист бумаги. — Полобуйтесь.

«Предотавление посла Японии в России бар. Мотоно Ичиро градоначальнику Санкт-Петербурга свиты Е. В. ген.-майору Д. В. Драчевскому». Копия, помеченная сегодняшним числом.

— Это представление Мотоно сделал утром. В нем посольство обвиняет русское правительство, а заодно и контрразведку в вопиющем нарушении норм охраны дипломатического статуса, пренебрежении долгом, обязывающим пресечь разгул германского терроризма, и черт знает в чем еще. И главное, заслуженно! — Курново хлопнул ладонью по копии. — Об этом совершенно справедливо мне только что напомнил Даниил Васильевич. В личном разговоре, по телефону. Вы знаете, кто у нас будет заниматься «германским терроризмом»?

— Но в этом портфеле непроверженные документы...

— Если там такие же документы, как те, что вы мне как-то показывали, берегитесь, ротмистр! Как видите, я оказался пророком: нам грозит скандал, и не только дипломатический... А главные действующие лица этого скандала — мы с вами. Вернее, я, потому что в глазах начальства выгляжу инициатором акции, а вы — лишь исполнителем.

— Разве Киёмура не собирал важнейшие данные, Владимир Алексеевич?

— Вы опять о том же! Ответьте честно: это разве данные? Секретные какие-нибудь сведения?

— Нет, но...

— Ваше «но» никого не интересует! Да неужели японцы решились бы сделать представление градоначальнику, если бы в портфеле находились действительно компрометирующие их документы?

— Там находится список, составленный Киёмурой и переданный им морскому атташе Танаке Хироси. Этот документ выявляет обоим как резидентов разведки и показывает: отправляясь в Россию, Киёмура обязался скрывать для промышленной фирмы «Ицуми» патентные отходы. Список сопровождается предложением Танаки разделить премию, которую обещает фирма Киёмуре. Вот перевод, сделанный мною. Ознакомьтесь — и вы увидите, что я прав.

Курново надел очки, пробежал глазами текст перевода.

— Ну и что? Если так называемые отходы нужны фирме «Ицуми», ради бога, пусть их покупает. То же самое касается и взаимоотношений японцев между собой и фирмой. Это их сугубо личное дело. Детали соблюдения самурайского кодекса не могут волновать контрразведку.

— Меня в данном случае волновал не сам кодекс. Взятые отдельно, эти изобретения могут считаться отходами, но собранные вместе...

— Да хоть вместе, хоть порознь! Бумаги, представленные вами, не составляют компрометирующего материала, это ясно каждому. По какой инструкции мы обязаны предъявить претензии? Выход в сложившейся ситуации у нас, а вернее, у вас только один: немедленно вернуть портфель господину Танаке. Вернуть и извиниться перед ним. Придумайте какое-нибудь объяснение, скажите, что действовали как частное лицо, решайте сами, как выпутаться, но портфель верните! И не медлите с этим! Это приказ, и надеюсь, он будет выполнен. Вы поняли, Александр Ионович?

— Да, понял, Владимир Алексеевич. Будет выполнено.

— И еще одно. Прошу не считать это сведением счетов, хотя у меня есть все основания быть вами недовольным. Надеюсь, вы поймете меня правильно. После случившегося ваше пребывание в ПКРБ представляется нежелательным. Учитывая вашу безусловную старательность, я подумую о том, чтобы перевести вас в пристойное место.

Кажется, о записке Курново пока не знает. Значит, до субботы... Хотя у полковника могут быть другие каналы связи с Танакой. Нет, вряд ли. Иначе бы не существовало и самой записки.

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ГОРОЙ ЯНЧЕНКО

Более тридцати лет назад мне, в то время курсанту Высшего арктического морского училища имени адмирала Макарова, довелось проходить производственную геодезическую практику на Приполярном Урале.

С удивлением взирали охотники-манси на наши матросские воротнички: что нам потребовалось в глухой уральской тайге, где самые крупные реки спокойно можно перейти вброд? Но встречали тепло, советовали, как лучше пройти к той или иной вершине, хотя объяснить, почему названы горы именно так, не могли.

Все это вспомнилось, когда недавно прочел изданную в Средне-Уральском книжном издательстве книгу свердловского ученого А. К. Матвеева «От Пай-Хоя до Мугоджар». В ней есть подраздел: «Название уральских хребтов и гор». Скупое, но четко автор рассказывает об уральской орографии, до этого почти не освещенной в географической литературе.

Более всего заинтересовали в книге сведения о находящейся на Исследовательском кряже горе Янченко: «Название дано в честь сотрудника Северо-Уральской экспедиции Академии наук и Уралплана топографа-геодезиста С. А. Янченко, который вместе с геологом А. Н. Алешковым и ботаником В. Б. Сочавой входил в 1927 году в состав отряда, открывшего наиболее значительные вершины Приполярного Урала».

Сын простого орловского крестьянина, Степан Янченко всего в жизни добился благодаря своему упорству и труду. Экзамены за курс гимназии он сдал экстерном, подготовившись к ним без посторонней помощи. Однако путь к высшему образованию ему открыла лишь Октябрьская революция. До этого ему пришлось долгое время работать на строительстве Мурманской железной дороги. Северо-Уральская экспедиция для астронома-геодезиста Янченко была первой самостоятельной экспедицией после окончания Ленинградского университета. Потом были Таджикистан, Арктика.

В тридцать седьмом он работал астрономом в гидрографической экспедиции на Новосибирских островах. Поздней осенью в море Лаптевых сложилась на редкость тяжелая ледовая обстановка. Ледокольный пароход «Г. Седов», на котором Янченко возвращался на материк, направили на выручку бившимся во льдах транспортным судам. Однако было уже поздно — началось новое льдообразование. Три ледокольных «брата» «Г. Седов», «Садко» и «Малыгин» оказались на вынужденной зимовке у острова Белковского. Вскоре дрейфом льда их поволокло на северо-восток.

Среди 217 оказавшихся на зимовке человек были 23 студента старших курсов Гидрографического института Главсевморпути. Для того чтобы они не потеряли даром год, с разрешения Комитета по делам высшей школы на зимовке была организована учеба по вузовской программе, благо профессоры и специалисты высшей квалификации оказались предостаточно на месте. Один из самых больших и сложных курсов практической астрономии вел С. А. Янченко.

Лекции читались в обширных, но страшно холодных твиндеках «Г. Седова». Люди были расселены по стоявшим в полукилометре друг от друга судах, и каждое утро дежурная группа студентов, вооруженная винтовками (на случай нападения белых медведей), доставляла лекторов на «Г. Седов». Записывать лекции было почти невозможно: чернила мгновенно замерзали, бумаги — в обрез. Нередко студент сдавал домашнее задание, написанное на консервной этикетке...

Янченко любил за доброжелательность, за постоянное стремление быть нужным людям. Этот скромный, трудолюбивый человек был беспощаден к себе, когда дело касалось долга. В суровую блокадную зиму сорок второго он исполнил обязанности начальника Гидрографического управления Главсевморпути в Ленинграде и согласился эвакуироваться только последним.

Многие научные труды Степана Александровича до сих пор служат людям. В Арктике и по сей час работают его ученики. Они еще четверть века назад называли в его честь мыс Янченко, что находится на Земле Франца-Иосифа. Этот мыс и уральская гора его имени будут всегда напоминать потомкам о славном первопроходце.

С. ПОПОВ

- Вы поняли, ротмистр?
- Да. Разрешите идти?
- Выполняйте.

32.

Сойдя у Исаакия, Губарев ровно в четыре подошел к памятнику Петру и огляделся. Как всегда летом, у Медного всадника былолюдно, толпились приезжие, гуляли няни с детьми. Он медленно обошел постамент, остановился, по привычке оглянулся — нет ли хвоста. Снова двинулся, разглядывая извивающуюся под копытом змею, вдруг услышал знакомый голос:

— Не волнуйся, Саша, все чисто.

Зубин. Хромая, обогнул его, сказал, морщась от усилий:

— Ты сейчас в опасности? Это так? Что смотришь? Видишь, вышел. И даже хожу. Хотя врачи говорят, останусь хромым. Отойдем?

Заковылял в сторону Невы, Губарев догнал его, пошел рядом:

— Помочь?

— Лучше сам, надо же учиться... Надеюсь, нога разрабатается. — На мостовой все-таки уцепился за его локоть. — Я знаю, ты хотел довести дело с Киёмурой до конца. Довел? — Остановился у парапета, кивнул на протянутый портфель. — Что это?

Губарев открыл портфель, достал текст и перевод.

— Прочти.

Зубин долго читал, двигая подбородком вверх-вниз. Свистнул — как зашипел:

— Однако. Просто кладбище какое-то, свалка неосуществленных идей и бредовых проектов... Дальновиднейшая фирма. Еще одна страница жизни, очень по-капиталистически. Шпионаж, только в промышленных целях. Все ради прибыли. Ладно... — повернулся, разглядывая здание университета на том берегу, чадающий дымом катер. — Чертовщина какая-то. Исторический парадокс, иначе не назовешь. Все хотят быть русскими патриотами, но само слово «русское» в любой технической отрасли считается чуть ли не позорным клеймом. Только и слышно о братьях Райт, Блерио, Фармане. Все средства тратятся на закупку иностранных аппаратов, но ведь у нас есть свои конструкторы, не хуже, а может быть, и лучше! Костович, Лебедев, Сикорский, сколько еще имен! Да вот хотя бы этот список! Сколько бы сделали эти изобретатели, получив хоть крупицу помощи... Хоть крупицу... — посмотрел на Губарева. — Что будет с тобой? Тебя наградят?

— Как бы не так. Портфель

приказано вернуть с извинениями. В контрразведке я не останусь.

— Ладно, Саша, словами делу не поможешь. Будем бороться.

— Боюсь, мне теперь бороться будет трудно. После истории с портфелем я лишний. Вообще лишний. И в контрразведке, и в России, и в собственной жизни. Мне остается выбор — или исчезнуть куда-то, или... употребить пистолет по назначению.

Зубин оперся о парапет, разглядывая дергающиеся на волне щепки.

— Насчет пистолета ты зря, а вообще в сегодняшней России все лишние, — поднял голову. — Саша, помнишь, я спрашивал тебя о чистом паспорте?

— Помню... Он что — нужен и сейчас?

— Нужен не только паспорт. Думаю, понадобится и ты.

— Зачем?

— Помочь перевезти за границу одного человека. Сам понимаешь, с твоими документами... — Зубин посмотрел Губареву в глаза. — Поможешь нам?

Губарев подумал о Полине — оставить ее он не может.

— Помогу, но вся сложность в том, что я не один, со мной девушка. Она помогла мне, рискуя всем, ей сейчас тоже некуда деться.

Зубин улыбнулся.

— Но чтобы вас там приняли без хлопот, нужны деньги.

— Сколько?

— Бухгалтер из меня плохой. Я не знаю твоих возможностей.

— Тысячи полторы на переезд и первое устройство хватит?

— Смеешься.

— Накинем пятьсот для верности. Две тысячи?

— У тебя появился счет?

— Появится... Но твои люди должны понимать, что теперь за мною будут охотиться более рьяно, пожалуй, чем за вами. Из контрразведки так просто не отпускают, особенно если владеешь компрометирующим начальство материалом.

— Охота уже началась?

— Вряд ли. Но дня через три-четыре...

— Ясно... Думаю, что успеем... Вообще, если доверяешь, мы позаботимся о тебе.

— Так получилось, что другого выхода не вижу.

33.

Расставшись с Зубиным, Губарев двинулся к центру. Список Киёмуры не в единственном числе, цепляться за него не имеет смысла, достаточно оставить себе копию... Что ж, портфель Танаке он отдаст. Но будет небольшое дополнение.

На почте в телефонном справочнике он разыскал телефон морского атташе Танаки Хироси. Купил у цветочницы букет гвоздик, свернул на Невский. Увидел подъезд, на стене, у которого расположился целый атлас вывесок: «Прокатная контора «Аполлон», «Зубной врач Г. Г. Бергер», «Хирософ-хиромант м-ме Аик. Прием от 9 утра». В подъезде за первой же дверью оказалось то, что он искал: девушка за столиком, над ней на стене — телефон. Ресницы у нее вежливыми голубыми глазами вздернулись.

— Вы к нам? Пожалуйста. Слушаю вас?

Осторожно положил на стол гвоздики.

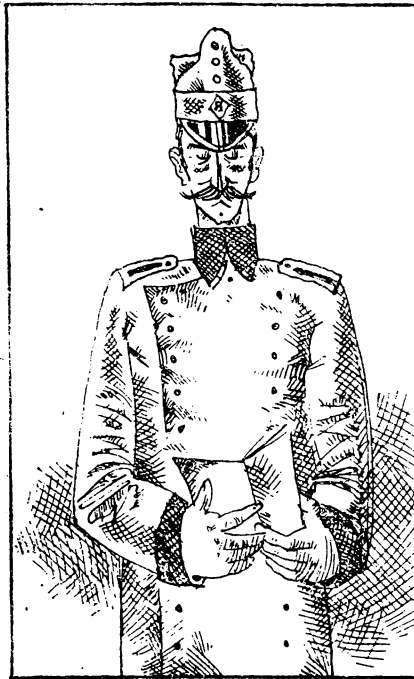
— Милая барышня, мильон извинений, экстренный случай. Могу я воспользоваться вашим аппаратом? Звонок деловому партнеру. Умоляю и буду вечный должник.

Девушка бросила взгляд на цветы, оценила гвоздики, вздохнула.

— Прошу вас. Я пока поставлю цветы в воду.

Она ушла, и он, вызвав телефонистку, назвал номер Танаки. В трубке зазвенел приятный женский голос:

— Хаи? Сумимасен. Аната но онамае ва?*

* Да? Простите. Кто это? (яп.).

Губарев ответил по-русски:

— Это квартира морского атташе господина Танаки?

— Хаи? — Тишина. — Аната но онамае ва?

Домашние господина Танаки разбираются в тонкостях: это проверка.

— Простите, говорит князь Остерман. Мне нужен господин Танака.

Секундная пауза, неразборчивый шепот. Голосок звякнул:

— Мошимоши, чотто омачи кудасан*.

Тут же он услышал голос Танаки:

— Танака у телефона. Слушаю вас, господин Остерман.

— Во-первых, я говорю с вами как частное лицо. Не будем впутывать в наши отношения государства. Вы понимаете?

— Понимаю. Во-вторых?

— Во-вторых, я хочу вернуть портфель, если, конечно, вы заинтересованы в этом.

— Заинтересован.

— Гофов сделать это, но при определенных условиях. Видите ли, я не богат.

— Понимаю. Условия меня устраивают.

— Отлично. Остальное на месте. Мы можем встретиться, скажем, завтра в десять утра. Один на один, без свидетелей. Вы поняли?

— Не волнуйтесь. Я сам в этом заинтересован.

— Предупреждаю: я вооружен и в случае чего применю оружие не задумываясь.

— Можете быть спокойны.

— Итак, завтра в десять утра. Вы должны подойти к Ростральным колоннам. Уточняю: к парапету между колоннами. Я вас найду сам. Все понятно?

— Вполне. Завтра в десять у Ростральных колонн. Я подхожу первым, потом вы.

Повесил трубку — как раз к моменту, когда вошла девушка с цветами.

34.

Утром Губарев занял место неподалеку от биржи. Здесь торговали лоточники, и он встал так, чтобы его прикрыла окружающая лотки толпа.

Танака подошел к Ростральным колоннам ровно в десять — одетый по-утреннему, с портфелем в руке. Никаких следов засады или сопро-

СЛУЖИЛА... ПЕСНЯ

«Самая любимая песня у нас, фронтовиков, была «Синий платочек». С нею мы прошли через всю войну. С пушками, танками, самолетами — это само собой. С солдатской отвагой и мужеством наших соотечественников в тылу — конечно же!.. Но и песни помогали победить врага. Песни тоже могли совершать подвиги, за что мы любим и помним их. «Синий платочек» был лирическим «снарядом»...

Эту песню сохранило наше время, наше поколение. А сохранят ли дальше?.. Надо позаботиться, чтобы «Синий платочек» не забыли на нашей русской земле...

*Ваши читатели, участники Великой Отечественной войны:
И. Ефимовский, Н. Логинов, А. Биленко,
А. Брагин, В. Сумин, С. Чепур, В. Чулков».*

Ленинградский фронтовой джаз-ансамбль под руководством Владимира Коралли выступал с очередным концертом в одном из госпиталей. Солистке ансамбля Клавдии Шульженко передали стихи, автором которых был лейтенант М. Максимов из 54-й армии Волховского фронта. Она спела новую песню на довоенный популярный мотив:

...Как провожала
И обещала
Синий платочек
сберечь...
И часто в бой
Провожает меня образ твой...

«Эта песня, — рассказывала Клавдия Ивановна, — стала не просто любимцей в моем военном репертуаре, она не только исполнялась во всех концертах — она стала сердцевинкой всего, что я пела в те годы, стала моей болью, моей совестью...»

А начиналось все так. Польский композитор и пианист Ежи Петербургский был известен не только у себя на родине: его танго «Донна Клара», «Последнее воскресенье» исполнялись во многих странах. Окончив Варшавскую гимназию, он спустя несколько лет стал аккомпаниатором А. Вертинского. В 1939 году, когда Германия оккупировала Польшу, Е. Петербургский оказался в Советском Союзе. Здесь он подружился с Леонидом Утесовым, Исааком Дунаевским, Василием Лебедевым-Кумачом.

Весной 1940 года в номере гостиницы «Москва» родилась песенка «Синий платочек», точнее, то был вальс. Но на следующий день польский поэт Я. Галицкий написал слова, и вальс стал песней.

Клавдия Шульженко пела «Синий платочек» сначала с русским текстом П. Германа и М. Гаркави. Он был очень популярным. А потом появились стихи Михаила Максимова...

«Песни Клавдии Шульженко, как снаряд и патроны, были нужны нам в бою», — говорил Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В. Ф. Голубев.

Песня «Синий платочек» дошла с боями до Берлина. 9 мая, у рейхстага, ее впервые пела Лидия Русланова:

...За них, родных,
Желанных, любимых таких,
Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Как тут не вспомнить и слова поэта Роберта Рождественского: «Песни нашей памяти... Военные песни. Они не награждались орденами, о них не сообщалось в сводках Информбюро, их боевой потенциал не учитывался в штабах при обороне и наступлении; но для Победы нашей, для нашей страданной Победы они сделали очень и очень много. Может быть, это нельзя назвать подвигом, а вот честной солдатской службой назвать можно. И нужно».

Песню «Синий платочек» поют и сегодня, и никто не может объяснить, в чем ее тайна, в чем секрет ее долгодетия. Наверное, правы те, кто говорит: тайну эту составляет вера человека в радость завтрашнего дня, в счастье, которое зовется просто Жизнь.

* Подождите секундочку (яп.).

вождения не заметно. Впрочем, по всем расчетам Губарева, — их и не должно быть.

Он следил, как японец прогуливается вдоль паркета. Вот оглянулся, посмотрел на часы, переложил из руки в руку портфель. Снова повернулся к Неве. Кажется, подвоха нет, к тому же место здесь открытое. Губарев двинулся к Ростральным колоннам. Аташе заметил его еще издали. Они остановились рядом, изучая друг друга. Танака усмехнулся:

— Доброе утро, князь.

— Доброе утро, барон. — Губарев встал боком.

Танака тут же сказал:

— Можете не опасаться, я соблюдаю наши условия. Бумаги в портфеле?

— Да, они здесь. Деньги, надеюсь, с вами?

Вежливая улыбка.

— Со мной. Скажите, кто видел бумаги — кроме вас?

— Никто. Я же сказал, что действую как честное лицо.

— Что вы хотите за них?

— Посол Мотоно должен немедленно уведомить власти, что инцидент исчерпан.

— Это несложно. Какую сумму вы просите?

— Мало, ничтожно мало. Две тысячи рублей.

— Простите, князь, нам об этом известна цель, ради которой собиралась вся эта информация. Если иметь в виду цель, то документы, лежащие в портфеле, мне вообще не нужны, заказчик удовлетворится копиями. Считаю, товар не стоит таких денег.

— Сожалею, господин барон. Значит, наша сделка не состоялась. До свиданья.

— Подождите.

Молчит. Кажется, он все понял.

— Я жду.

— Зачем вам эти бумаги?

— Что ж. Не далее чем сегодня германская фирма «Симменс-Галльске» по моей просьбе сама отправит их руководству «Ицуми» с уведомлением, что японские коллеги могут не беспокоиться. Лично же я постараюсь немедленно известить об этом письме вашего посла барона Мотоно. Думаю, его превосходительству будет неприятно узнать, что вы еще и нарушили кодекс. Стоит продолжать?

В глазах Танаки ненависть. Сказал очень тихо:

— Не нужно. Достаточно. Я даю вам две тысячи. Но я должен быть уверен, что все останется между нами.

— Отвечу вашими же словами:

я сам в этом заинтересован. Больше вы обо мне не услышите.

— Хорошо. Я вам верю, хотя и рисковую. Как вы хотите — чеком или ассигнациями?

— Ассигнациями и прямо сейчас. Барон, сожалею, но это не все. Будет справедливо получить еще тысячу рублей за счет господина Киёмуры.

— За счет Киёмуры?

— Да, как компенсацию за сломанную ногу моего близкого друга. Он может остаться хромым на всю жизнь.

Медлит. Что ж, проверим, у кого лучше выдержка.

— Не раздумывайте, барон, а то мне покажется, тысяча — слишком маленькая компенсация. Киёмура вам эту тысячу возместит. Я же присовокуплю к бумагам еще и эту записку, — Губарев медленно достал из кармана записку Курново, развернул. Губы Танаки раздвинулись в улыбку.

— Пожалуй, вы правы. Увечье серьезное. Итак, оставляю три тысячи в своем портфеле и забираю тот, что у вас, с бумагами. Надеюсь, там все в порядке?

— Абсолютно, — Губарев положил записку в портфель.

Танака бегом проглядел бумаги, кивнул.

— Прекрасно. Я перекладываю в этот злополучный портфель остаток денег... Проверьте, у вас шесть па-

чек по сто купюр пятирублевыми ассигнациями.

Поклонились друг другу. Разошлись боком, лицом к Неве, осторожно передвигаясь вдоль паркета — каждый со своим портфелем.

35.

Немецкий таможенник открыл дверь купе в вагоне первого класса экспресса Санкт-Петербург — Берлин. Здесь, на небольшой станции между Россией и Германией, пассажиров первого класса из спальных вагонов старались не тревожить. Проверка вещей и документов как с русской, так и с германской стороны проводилась быстро. Чиновник взял паспорт.

«Хайнц Риттер, год рождения 1879, немец, место постоянного жительства Берлин, женат, жена фрау Магда Риттер, детей нет». Второй паспорт: «Фрау Магда Риттер, год рождения 1889, немка, место постоянного жительства Берлин, замужем, муж герр Хайнц Риттер, детей нет». Третий паспорт: «Манфред Люббе, год рождения 1868, немец, место постоянного жительства Гамбург, женат, жена фрау Эвелин Люббе, дети — Отто Люббе, Алиса Люббе». Определил наметанно: первые двое — обычная немецкая пара, молодые, одеты скромно, хорошо воспитаны. Судя по купе первого класса, деньги у них есть. Значит, есть и надежда получить чаевые. Третий господин уж наверняка с деньгами, он выглядит гораздо солиднее. На полках четыре чемодана, русские уже проверили, он же... Он же знает, чем можно заработать — вежливостью и тактом.

— С возвращением на родину, господа. Надеюсь, поездка была удачной?

Герр Риттер улыбнулся.

— Весьма, весьма удачной.

Чиновник перевел взгляд на солидного господина Люббе и сидящую рядом фрау Риттер — они сдержанно кивнули. Заметил, еще раз перелистывая паспорт герра Риттера: между обложкой и последней страницей вложена десятимарочная купюра. Спрятал ее в карман, вернул паспорта:

— Благодарю! Приятного путешествия!

После того как дверь захлопнулась, Солодовников достал платок, вытер вспотевший лоб. Посмотрел на Полину и Губарева — оба устало улыбнулись. Начало удачное.

Назад поплыли станционное здание, семафор, водокачка, шлагбаум.

Игорь МАЛЫШЕВ

СИМОН

Наш строительный поезд расположился однажды неподалеку от воинской части, и мы сразу увидели на ее территории медвежонка. Потом узнали, что зовут его Симон. К осени медвежонок подрос, и старшина посадил зверя на цепь, возле столовой. В нескольких шагах от того места бил из земли родник. Дежурные по кухне носили от него воду в большую бочку.

Старшина первый заметил, что медведь подкатывает к себе оставленные солдатами ведра и, подражая людям, берет их передними лапами, встает на задние, натягивает цепь, пытаясь дотянуться до бочки. Скомандовал: «В дело зверя!» Нашлись и добровольные дрессировщики. Очень скоро медведь уже таскал воду вместе с солдатами. Вылет ведра в бочку, довольно рывкнет, снова пошел. Когда наполнит бочку до краев, идет к окну кухни и стучит лапой, а повара немедленно выдают ему кашу.

К медведю-водоносу так привыкли, что стали сокращать наряд на кухню. Лохматый дежурный носил воду каждое утро и вечер. Так продолжалось, пока не было пополнение. Среди новичков оказался «весельчак». Бывают такие «веселые», от шуток которых плакать хочется. Пока медведь ходил к роднику, проломил этот «шутник» ломом дно у бочки. Долго таскал в тот день воду медведь. Как-то по-человечьи обиженно поглядывал на смеющегося парня, растерянно заглядывал в быстро пустеющую бочку, обиженно рычал. Потом встал передними лапами на край пустой бочки, заглянул в нее, громко заревел, повалил бочку набок, зло взглянул на хохочущего новобранца и побежал к лесу.

Егерем в том лесу, куда занесла судьба нашего знакомого, был Федосей Захарович Овсов. Он знал свой участок до каждого бурундука в норке и каждой синицы на дереве. Так о нем говорили в управлении охотничьего хозяйства. В этот день он шел не торопясь, замечал каждый след, каждую сломанную ветку. Дверь его охотничьей избушки оказалась открытой. Бревно, которым он подпирает дверь, было отброшено в сторону. Осторожно подошел, осмотрел все кругом. На двери и дверной коробке увидел свежие следы когтей. Поразмыслил: «Похоже, косолапый пожаловал, но откуда? Последнего медведя здесь лет двадцать — двадцать пять назад видели, а с тех пор про них и думать забыли...»

Захарыч вспомнил рассказы отца о том, что когда первые поселенцы пришли на это место, не дали им медведи у реки деревню построить. Сруб заложат, а они его в ближайшую ночь разнесут. Коровам тоже покоя не давали. Пришлось деревню за полем, на горе, ставить, а медведей мужики то ли в отместку, то ли в азарте охотничьем всех истребили.

Федосей Захарович больше всего удивился тому, что неожиданный гость выпался на нарах, — о том говорили сгруженные в одно место матрацы. На столе погрома не учинил, только оборвал и съел сухари, подвязанные в мешке к потолку. «Что за аристократа судьба послала? Этак скоро медведи без ножа и вилки за стол не сядут!..»

Усмехнулся егерь своим мыслям, вышел из избушки и пошел к реке. На первом же мелком перекате неожиданно увидел: медведь совсем как человек сидел в воде и пытался передними лапами поймать рыбу.

Долго наблюдал за необычным зверем Овсов. Потом тихо ушел по своим делам.

Тем временем Симон, а это был наш оскорбленный беглец, так ничего и не поймав в реке, отправился назад, в избушку. Увидел ведро. Ударил по нему лапой. Ведро подкатилось к бочке. Мишка радостно схватил его и побежал к реке...

Каково было удивление Овсова, когда, возвращаясь, он увидел, чем занимается косолапый! Симон тоже заметил Федосей Захаровича, покачал головой, переступая с ноги на ногу, и побежал в лес.

Овсов отправился в городской цирк. Там он выяснил, что медведи из цирка не убежали. Директор цирка куда-то долго звонил и затем сказал, что меры по отлову явно ручного медведя можно будет организовать только в следующем квартале.

Федосей Захарович вернулся в свою деревню и больше никому не говорил о диковинном звере. Симон тем временем проживал в его охотничьем зимовье. Питался ягодой, научился вытаскивать из воды морды с рыбой. Устроился совсем по-курортному. Но дни становились все короче, а ночи холодней. Странное беспокойство овладело медведем. Он поднимался на задние лапы, оглядывался по сторонам. Наконец решительно отправился в путь. Без труда нашел место, где была воинская часть. Но там стояла тишина. Подошел к кухне, толкнул лапой дверь, она со скрипом открылась, но в там было пусто. Симон обнюхал злополучную бочку, заглянул внутрь, вздохнул.

Потом он вернулся к избушке егеря.

В осеннем лесу появился первый снег, на нем остались следы, но он совсем не знал, как это опасно.

...Овсов в тот год уходил на пенсию. На смену ему прибыл молодой егерь из соседнего района. Он-то и увидел первые следы Симона. Не удивился. Овсов еще при передаче участка много рассказывал сменщику о своей необыкновенной встрече.

Но не одни они знали уже о звере. За добротным высоким забором жил в деревне человек по прозвищу Сосунов. Мужик неразговорчивый, постоянной вежливости не имел. Правда, сам он говорил: «Чужого не беру», но мимо леса впуская не ходил.

Два наших егеря поутру решили навестить мишку. А Сосунов, оказывается, на него с вечера петлю поставил. Проголодавшийся Симон брел своим обычным маршрутом. Внезапно острый запах рыбы остановил его. Он увидел на дереве мешок и крепко ухватил его лапами, рванул. Мешок был прибит к дереву тем же гвоздем, что удерживал петлю из тонкого троса, которая находилась под деревом. На другом конце троса был привязан груз.

Как только Симон вырвал гвоздь, петля захватила задние лапы медведя, и он взмыл вверх, повис вниз головой над землей.

Утром его, уже мертвого, и нашли егеря. И в это же время они услышали звук приближающихся шагов. Со стороны дороги с топором в руках уверенно шел Сосунов. Увидев егерей, хотел повернуть назад, но было поздно...

«Придали здесь название...»

Борис ШАМОВ

Относительно камней образовалась
целая мужицкая номенклатура...

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Неслышанно щедро наделила природа Урал минеральными богатствами. И не удивительно, что «сыск разного рода камней» и старательство «по части золотишка» крепко вошли в жизнь здешнего рабочего люда. Особенно славился заповедный край самоцветов — район села Мурзинки на Среднем Урале.

В материалах Государственного архива Свердловской области читаем:

«...многие начинали оставлять свои землепахотные заведения, обратились на поиски камней, которых со дня разрешения (имеется в виду указ царя Алексея Михайловича о разрешении местным жителям искать и добывать камни. — Б. Ш.) выходило от 100 до 300 и более человек в каждый рабочий день...»¹

И это только в районе Мурзинки! Сколько ж их, горемычных, мытарилось по всему краю, промышляя камешки да золотишко! Сейчас на Урале все изрыто, не на один раз перелопачено. «Где лывка — там и промывка», — говорили в старину.

При таком положении дел геологические знания в среде старателей стояли на должной высоте. Академик Н. И. Кокшаров в 1854 году писал: «Мурзинские крестьяне так свыклись с учеными минералогическими названиями, что, конечно, удивляют каждого из путешествующих минералогов, говоря с ними о минералах так же свободно, как будто бы речь шла о самых обыкновенных земледельческих орудиях». Однако этими мудреными названиями рабочие люди не любили щеголять. У них было свое местное старательское словотворчество, о котором и пойдет речь.

Народное слово эмоционально, живо. Добытчик камня или золота

назывался *горщиком*, или *старателем*. Среди них выделялись так называемые *громкие старатели*, это уже богачи, предприниматели, своего рода старательские кулаки. Промышляющий тайно, воровским способом или грубо, небрежно, нанося непоправимый ущерб месторождению, назывался *хитником*, от слова «хитник».

Сам процесс работы у старателя обозначался по-разному. *Работать камень* — просто работать, ради заработка. *Руководствовать* — это уже работать со знанием дела. *Любопытничать* по части камешков — тут преобладает поисковый уклон. *Стараться* — это труд, а не удовольствие вроде нынешнего «хобби». *Постарываться* — заниматься горным промыслом понемногу, между делом.

В старательский «геологический словарь» входят в основном камни, имеющие практическое, коммерческое значение, а также окорудные измененные породы и геологические структуры, необходимые как поисковый критерий. Это говорит, конечно, не только о корысти, но и о том, что с посторонними минералами и породами старатель просто не имел дела.

Одним из способов самостоятельного словотворчества является изменение, приспособление непонятного, труднопроизносимого слова под привычное, родное понимание и произношение. При этом смысл слова может не изменяться и не проясняться. Чем, к примеру, тумпас понятнее топаза?

Тумпас образован от названия топаза и сначала, видимо, обозначал именно его; потом, по мере расширения объема термина, этим словом стали называть всякий кристалл, а затем и вообще штупф — образец, кусок любой породы. Таким способом «исправлены» названия многих минералов: кварц — *скаврец*, *скаваречный*, *скаварцовый*, а колчедан — *колчеган*, шерл — *шерла*, хризолит — *кразелит*, *крезелит*, кри-

золит, березит стал *березиком*, известняк — *извезняком*...

Не остались без внимания в старательском словаре и технические термины: ватерпас превратился в *вертипас*, вашгерд — в *машерку*, *машерт*, домкрат — в *панкрата*, *панкрашка*, шурф — в *ширф*, *ширп*. Больше всего повезло гезенку, видимо, как самому непонятному. Он и *гезинка*, и *гезоник*, и *везен*, *везенок*, и *езен*, *езенок*.

Сюда же относится и общее наименование для драгоценных камней — *тальяны*, *тальяшки*, *тальянчики*. Не строгий термин, а с эмпирической окраской — как они поглядятся добытчику. Происхождение названия связано с именем (вернее, с национальностью) итальянцев — братьев Тортори, работавших на Урале и открывших здесь богатое месторождение аметиста. Месторождение расположено на горе, которую назвали Тальяном, а уж от названия горы пошло наименование ее содержимого — драгоценных камней.

В отличие от аметиста широко распространенные кристаллы горного хрусталя по-мурзински называются *дурмажками*, *дурманами*. А уж пустая горная порода и вовсе — *дикарь*. При этом сюда не относятся измененные разности гранита (березит или пегматит), вмещающие золото или самоцветы.

Если уж известные понятия и термины переименовываются на свой лад, то что говорить об измененных, сложных по составу горных породах. Тут уж не обойтись без «мужицкой номенклатуры».

Некоторые названия минералов и пород «взяты от подобия тех тел, по которым называются» (В. М. Севергин).

Горный хрусталь — по старательской терминологии *струганец* или *строганец*, иногда это кристалл вообще — его гладкие грани выглядят как бы остроганными. Горный хрусталь, проросший кристаллами рутила или черного турмалина, — *мозовик*.

¹ Далее в тексте, где не указан автор, цитаты взяты из различных архивных материалов.

Настоящий, благородный топаз на Урале всегда *тяжеловес*, но не тумпас. Он отличается от похожего на него бесцветных прозрачных минералов значительно большим удельным весом. На золотодобыче, в частности в районе Березовского, *тяжеловесом* называли наиболее тяжелые части россыпи (шлахи), которые заключают в себе золото.

Темный кварц, или раухтопаз, морион, — на языке горщиков *смоляк*, *смоляк*, или *цыган*.

Дымчатый горный хрусталь иногда называют *желтяком*. Этим же словом обозначают полевой шпат. К полевому шпату применяется и другое наименование — *мылак*, *мыло*, так как обыкновенный цвет его желтый или желто-белый, похожий на мыльный. В районе Мураинки одна из копей за обилие на ней «мыла» названа Мыльницей.

Черный турмалин с блестящими гранями — *уголь*, мелкие кристаллы — *угольки*. А вмещающая либо сопутствующая ему порода с андалузитом — *мажка шерла*.

«В отработанных отвалах изумрудных копей сотнями пудов валялись белые и чуть зеленоватые кристаллы изумрудов — так называемые *светляки*. Как самоцветы они не стоили ничего. Это были отбросы» (П. Ратушный. Счастливые камни. Свердловск, 1959).

Порода, вмещающая изумруды, — метаморфический слюдяной сланец. «Сему последнему по его свинцово-серому цвету и крепости придали здесь название *сивяка*» — так выразился известный уральский минералог профессор Константин Константинович Матвеев.

Александрит часто имеет вид шестиугольных плоских пластинок со звездчатой красивой шестилучевой штриховкой и называется на Урале *пешками*.

Звездарь — это слюда биотит, чешуйки которой ориентированы в различных направлениях.

Гранит называется в Екатеринбургe *серовиком*.

На Кочкарском золоторудном месторождении известны своеобразные метаморфические породы. Это продукты глубокого изменения жильных пород различного состава, в большинстве случаев к ним приурочены золотосодержащие жилы. В верхних горизонтах и на выходах на поверхность эти породы легко выветриваются, превращаясь в рыхлые продукты табачно-бурой окраски. «Разрушенный сланец на приисках крестьяне, сравнивая с табачком, называют *табашки*. Таба-

ком старатели называли также «сорт медной руды, по цвету напоминающей тертый табак», встречающийся на Медном руднике в Нижнем Тагиле.

Надо сказать, что на тагильских медных месторождениях получили крещение многие старательские неологизмы. Напоминают табак и другие разновидности здешней медной руды: *девериза* — «изжелта, мягкая» и *востригово* — «цветом подобна тальковой — желтая». На тагильских малахитовых месторождениях выделяется песчаник, содержащий мало меди, «под именем *голубника* известный, потому что, на открытом воздухе лежавши некоторое время, принимает голубоватый или зеленоватый цвет».

Малахит волокнистого сложения без рисунка — *бархатный*, *плисовый*, подчеркивается не окраска (известно, она зеленая), а шелковистый блеск камня.

На ряде месторождений Урала, в частности на Алапаевском железорудном, в ходу термин *белики*, обозначающий белые рыхлые образования, покрывающие размытую поверхность известняков. На других месторождениях, например Березовском, так называются белесые, выветрелые до глинистого состояния породы различного состава.

Старательские словообразования, связанные с частной золотодобычей, возникли большей частью в районе города Березовского — родине уральского золота. И касаются они в основном россыпных месторождений, так как разработка коренного золота была сложным и дорогостоящим предприятием и имела меньшее распространение.

Если в породе наблюдалось высокое содержание металла — это *богатое* золото. А покрытое темным налетом, плохо поддающееся амальгамации — *грязное* золото. Торфами называли верхние слои наносов, под которым залегают золотосодержащие пески. *Паздера* — золотосодержащая россыпная порода. *Верха* — верхние слои россыпи. Выветрелый поверхностный слой золотосодержащих пород, смытый с возвышенностей и отложившийся в пониженных местах, — по-местному *лежень*. *Месника* — так называлась золотосодержащая порода с вязкой глиной, из которой трудно вымываются золотишки. Песок с такой глиной — *месниковатый*. Россыпная порода, сыпучая, напоминающая крупу, — *севунец*. Крупные гальки, удаляемые из промываемой породы

вручную, — *сора*. *Откидные пески* — это легко смываемая водой фракция россыпной породы. Частицы такой породы — *относы*.

Как тонко и метко подмечает народ особенности предметов и явлений, с которыми встречается в жизни, липший раз убеждаешься, услышав, скажем, о *разрушенных хрящах*. Неизменная плотная порода — твердая, крепкая, как кость, а выветрелая, слабая — *хрящ*, это дресва — вид наносного речного песка. Сюда же можно отнести *рухляк* — выветрелые до глинистого состояния породы. Такие породы именуются также *разрушистыми*, *рохлыми*. Обломочный гранитный материал, впоследствии цементированный, — *щеп*.

В Ильменских горах пустоты, в которых находятся драгоценные камни, называют *гнездами*, а заполняющую их глину желтовато-серого цвета — *салом*. В северных же районах Урала *сало* — это тальк.

Мраморных дел мастера шлифовали камень песчаником — *печорой*, лучшие образцы которого добывались на берегах Печоры, откуда и произошло нарицательное слово. *Баженовская* печора — из окрестностей станции Баженово.

Листвентизированные тальк-карбонатные породы в приповерхностных условиях преобразуются в своеобразные ноздреватые породы лимонит-кварцевого состава — по-старательски *кожуха*. Такое явление наблюдается в районе так называемой Платоновской дайки близ города Березовского. Эта дайка известна тем, что дает лучшие образцы коллекционного крокоита. В сильной степени измененный листвентит красновато-бурого цвета — *красик*. Такие породы отмечаются на Березовском золоторудном месторождении. При дальнейшем выветривании происходит выщелачивание карбонатов, и от этих пород остается кремниевый пористый скелет ржаво-бурого цвета — *сухари*.

Крупные глыбы плотной разновидности руды на горе Магнитной получили название *чигона*.

На горе Благодать магнитный железняк, богатый полевыми шпатами, резко выделяющийся в виде белых пятен на общем красном фоне руды, называют *оспенной рудой*.

Контактные образования — это *корочки*. Но користый кварц — это не кварц с корками, а просто пористый кварц.

Знаменитое месторождение амethysta Ватиха в районе Мураинки

можно довольно подробно охарактеризовать, вообще не прибегая к официальной терминологии. Здесь вся геология и минералогия насквозь пронизаны «мужичьей номенклатурой», не исключая и самого виновника месторождения. Здесь он — *аматист*. Отдельные его разновидности имеют свои наименования. Аметист обычно нарастает на кристаллы горного хрусталя, которые местные жители за их остроконечную удлинненную форму называют *стрелками*. Бывают аметисты, имеющие окраску лишь на поверхностях, а внутри — это обычный горный хрусталь. Это *мазанцы* и *обливанцы*. Кристаллы горного хрусталя как бы обмазаны или облиты фиолетовой корочкой аметиста. Здесь отмечается и качество камня — в огранку не пойдет. Окраска ватихинского аметиста не просто фиолетовая, она *бархатная*, мягкая, с синеватым или красноватым оттенком. Распределяется она обычно неравномерно, чаще сосредоточена в головке кристалла. Этот густоокрашенный участок кристалла — *пуральский куст*. «При огранке стараются сделать так, чтобы куст пришелся на самый испод, на самое дно камня, тогда он играет». *Испод* — это слово наше, уральское.

Дерновики — аметисты, находясь под дерном. Точнее было бы — *поддерновики*, но язык экономен, поэтому — *дерновики*. *Поддерниками* золотодобытчики называют золото-содержащие пески, залегающие непосредственно под дерном. Сам дерн именуется *заволокой*.

Гнезда, карманы — это пустоты в породе, вместилища самоцветов. Они же — *занорыши*. Занорыш, можно сказать, получил права гражданства в научной литературе, но крайней мере он фигурирует в серьезных исследованиях.

Занорыши, в которых находят кристаллы аметиста, старатели именуется *тощак*.

Тошак при дальнейшем изменении постепенно переходит в белую, зеленовато-белую или бурую, красновато-бурую глиноподобную массу — *мякоть*.

Наряду с тощак и мякотью аметистовые камни заключаются в глыбе, как бы свехшейся кустом, — *залекою*.

Зеленчуки — это вмещающие породы, как бы спрессованные при подвижках земной коры. Зеленчук встречается обычно в виде примазок и агрегатных скоплений, приуроченных к трещинам и полостям. Эта порода не имеет строгого научного определения, и данный термин является ее официальным назва-

нием, поисковым признаком на аметисты.

Пегматитовая жила в породе, которая может по известным горщичкам признакам привести к скопленю самоцветов, называется *проводником*. На золотых месторождениях так называют кварцевые жилы. Проводником может также служить и структурная единица — разлом, трещина. Такие жилы, идущие вглубь, как бы тонущие, называются *потонными* жилами.

Сближенные параллельные трещины с зеленчуком и следами (зеркалами) скользящего горщички называются *ребровиком*, дресва у них — *дрязга*.

Широкое распространение на Ватихе имеет пегматит. Он представляет собой закономерное прорастание кварца и полевого шпата и имеет рисунок, напоминающий древнееврейское или руническое письмо. Его называют письменным, или графическим, алфавитным камнем, еврейским шплатом или еврейским камнем. Он же — *литерный* и *рунический* камень (рунит). На Урале, по терминологии горщичков, это *припас*. Его присутствие считается благонадежным признаком для обнаружения драгоценных камней — берилла, топаза. В районе Мурзинки его издавна называли *рябчиком*, так как его окраска и рисунок напоминают оперение этой птицы. У А. Д. Денисова-Уральского, мастера каменных аллегорических композиций, есть вырезанные из этого камня фигурки рябчика, сокола, индюка.

Многие местные старательские термины не только обошли весь Урал, но и вышли далеко за его пределы. Так, «Горный журнал» за 1855 год при характеристике месторождения Шерлова гора (горный хребет Адун-Чолонг, Восточный Казахстан) отмечает *пазуги*, «аналогичные уральским занорышам». Здесь же упоминается «бело-розовая мякоть из глинистого вещества». А ватихинские *занорыш* и *зеленчук*, как уже отмечалось, стали официальными научными терминами. Термин *белики* даже зафиксирован в «Геологическом словаре».

К сожалению, только архивные данные да старинные книги доносят до нас живой язык далеких времен. Созданные фантазией наших предков яркие поэтические названия камней необходимо собирать и сохранять как элемент народного творчества.

КАК СОЗДАВАЛИ ПАРОХОДЫ

Александр ТРОШИН

Имя деревянного амурского парохода «Колумб», на котором первый отряд молодых энтузиастов в мае 1932 года прибыл в село Пермское, чтобы своими руками создать новый индустриальный центр Комсомольска-Амура, вошло в историю... Но вряд ли кто сейчас помнит; кроме речников, что к моменту постройки «Колумба» в 1912 году в Благовещенске по Амуру и его притокам уже плавало свыше семидесяти его деревянных братьев-близнецов, пассажирских пароходов, приводимых в движение огромным, в три человеческих роста, колесом, расположенным в корме судна.

Такие пароходы-заднеколесники были обычными на дальних русских реках.

...Как известно, паровое судоходство по Амуру началось в мае 1854 года знаменательным рейсом парохода «Аргунь» под командованием лейтенанта А. С. Сгибнева. С этого времени началось интенсивное заселение Приамурья, особенно после отмены крепостного права. Крестьянские семьи из Рязанской, Воро-

нежской, Пермской и других губерний добирались в эти края на плотах по Амуру и Шилке, заселяя земли, сначала, как правило, в приречной полосе.

Развитие дальневосточного края не могло обходиться без речного флота. Уже в 1872 году возникает первая судоходная компания «Товарищество Амурского пароходства», в состав которой вошла часть судов Сибирской флотилии. Спустя два десятилетия, в 1892 году, на Амуре было организовано крупнейшее на востоке России судоходное предприятие — «Амурское общество пароходства и торговли», которое просуществовало вплоть до революции.

Отдаленность края от судостроительных центров России привела к тому, что на всем протяжении девятнадцатого столетия пароходы и металлические баржи для Амура доставлялись из-за рубежа. Каких только пароходов здесь не было: из Англии, Бельгии, Америки, Германии и даже из Италии. Прибывали они в разобранном виде в трюмах морских судов. И стоили они очень дорого!

Между тем дерева на дальневосточных реках было достаточно.

Верхний Амур, например, славился красноствольными корабельными соснами, которые свечами взвивались к небу в необъятных и нехоженых борах. С первых дней заселения новоселы строили лодки. Без них жизнь в Приамурье была невозможна: река на первых порах кормила пахарей, тайга давала им мясо, шкуры и орехи. Русские землепашцы переняли типы лодок и приемы их постройки у аборигенов Амура: гольдов, гилиаков и орочей.

Истоки деревянного судостроения ведут к многообразной деятельности руководителя первой Амурской экспедиции Г. И. Невельского, который составил чертежи, и в 1852 году солдаты построили палубный ботик восьми с лишним метров в длину, а также шестивесельный баркас. Геннадий Иванович в своих воспоминаниях рассказывает, что в 1854 году на мысе Кошка в Николаевске-на-Амуре была заложена деревянная 27-метровая шхуна-баржа «Лиман», которую после постройки матросы стали звать «бабушкой». Но массовое строительство судов из дерева началось в 60-х годах с создания специальных торговых барж.

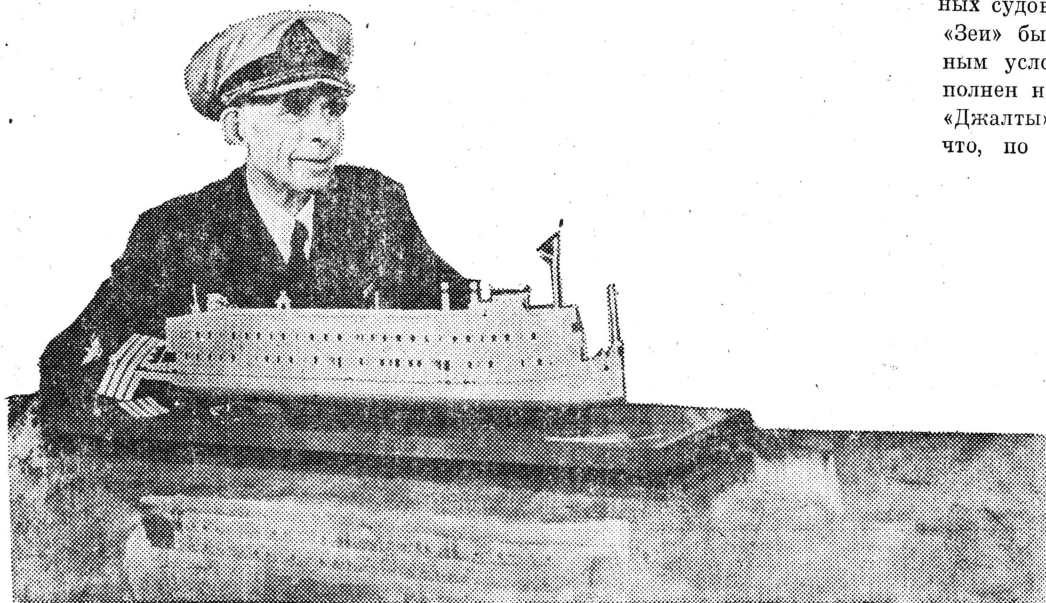
Эти неказистые деревянные суда

представляли из себя плавучие лавки, где приамурские землепашцы, охотники, казаки могли приобрести буквально все — от швейной иголки до охотничьего ружья, топора, пилы и многих других товаров. Своего рода универсамы прошлого века, сосновые баржи-«коробейники» строились сначала в Чите, а затем и в Благовещенске.

Летом 1888 года на окраине Благовещенска был спущен на воду первый деревянный заднеколесный пароход «Джалта», его целиком построили местные плотники. Двухцилиндровая паровая машина мощностью в 210 сил и паровой котел для «Джалты» прибыли на Амур морем из Сан-Франциско. Но, несмотря на это, «Джалта» обошлась предпринимателям из Верхне-Амурской золотопромышленной компании всего в 70 тыс. рублей, вполтину меньше, чем стоили металлические суда такого класса и мощности.

По тем временам деревянная «Джалта» была довольно внушительным товаропассажирским судном длиной 75 и шириной 10 метров.

И пройдет еще семь лет, прежде чем верхнеамурские предприниматели Шульман и Лебедев решатся на постройку следующего деревянного парохода «Зея». По подсказке опытных судоводителей размеры корпуса «Зеи» были приспособлены к местным условиям. Ее корпус был выполнен на 15 метров короче, чем у «Джалты», и на два метра шире, что, по свидетельству командиров

Старейший амурский капитан П. Е. Слесарев около модели деревянного парохода «Колумб», который в мае 1932 года доставил первый отряд комсомольцев-добровольцев, строителей Комсомольска-на-Амуре.

«Зеи», сделало деревянный пароход более маневренным и более вместительным. Судно брало 27 пассажиров в классы, 560 на палубу, а в трюмы 20 тыс. пудов, на восемь тысяч больше, чем на «Джалте». С этого времени деревянные пароходы получили признание и число их на Амуре стало стремительно расти.

Пароход «Колумб» был, безусловно, самым крупным деревянным судном и самым мощным на Амуре товаропассажирским заднеколесником. Он был спущен на воду, как мы уже говорили, летом 1912 года. В его конструкцию благовещенские мастера внесли накопленный десятилетиями опыт постройки судов из дерева. Судно мощностью в 450 сил имело длину 63 и ширину 15 метров. Высота его с надстройками от килля до тента (крыши) ходовой рубки превышала десять метров. Двухцилиндровую наклонную паровую машину построили для амурского парохода рабочие одесского завода «Беллино — Фендрикс». Два пролетных котла в 11 атмосфер прибыли на «Колумб» с Урала, с Воткинского завода. Деревянная громадина вместила в классы и на палубу свыше 700 пассажиров. Обширные трюмы «Колумба» принимали 460 тонн гру-

за, вдвое больше, чем брали такие большие металлические пароходы, как «Барон Корф» или «Джон Коккериль». «Колумб» держал пассажирскую линию, связывающую Благовещенск с Николаевском-на-Амуре. На судне работали смелые люди. В дни пугины, при обильном ходе кеты, судоводители «Колумба» не боялись выводить деревянный пароход в Амурский лиман с ширинной плеса до 40 километров, снабжая прибрежные рыболовецкие поселки Озерпах и Пронги солью и продуктами, вывозя оттуда за пугину тысячи тонн красной рыбы.

Служил «Колумб» долго — до 1947 года, свыше тридцати лет, — срок, который и стальным пароходам удалось выдержать не каждому. Имена всех строителей деревянного гиганта установить не удалось, но то, что в постройке корпуса участвовали благовещенские плотники братья Худяковы, доказано. В 1947 году, когда знаменитый заднеколесник из-за ветхости был списан и разбирался в Хабаровском судоремонтном заводе на дрова, на одном из брусьев килля судна последний капитан парохода Павел Дмитриевич Прохоров обнаружил выжженную раскаленным железом надпись:

«Бр. Худяковы, Пасха, 1912». Старожилы-речники подтвердили, что до революции на заводе Чепурина славились своим плотницким мастерством трое братьев Худяковых.

В середине 30-х годов режиссер С. А. Герасимов приступил к созданию своего знаменитого фильма «Комсомольск». Съёмки велись прямо на месте строительства города на Амуре. В них принял участие и экипаж «Колумба». Для этого судно на две недели было снято с пассажирской линии. Так что в фильме «Комсомольск» мы видели действительный «Колумб» — большое амурское судно с двумя расположенными одна за другой трубами-макароницами.

Летом 1982 года в Комсомольске состоялись торжества по случаю 50-летия со дня основания города. Что подарить городу от имени речников Амура? В пароходстве долго не раздумывали. Хабаровский инженер Н. А. Анферов мастерски изготовил модель «Колумба». Ее и вручил комсомольчанам на митинге по случаю полувекowego юбилея старейший амурский капитан Павел Ерофеевич Слесарев, юность которого прошла на этом замечательном судне.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОЛОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕВЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: Ю. С. Борисихин (отдел публицистики), В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), М. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 30.10.85. Подписано к печати 16.12.85. НС 12636. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,10. Тираж 385 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 468. Цена 40 коп.

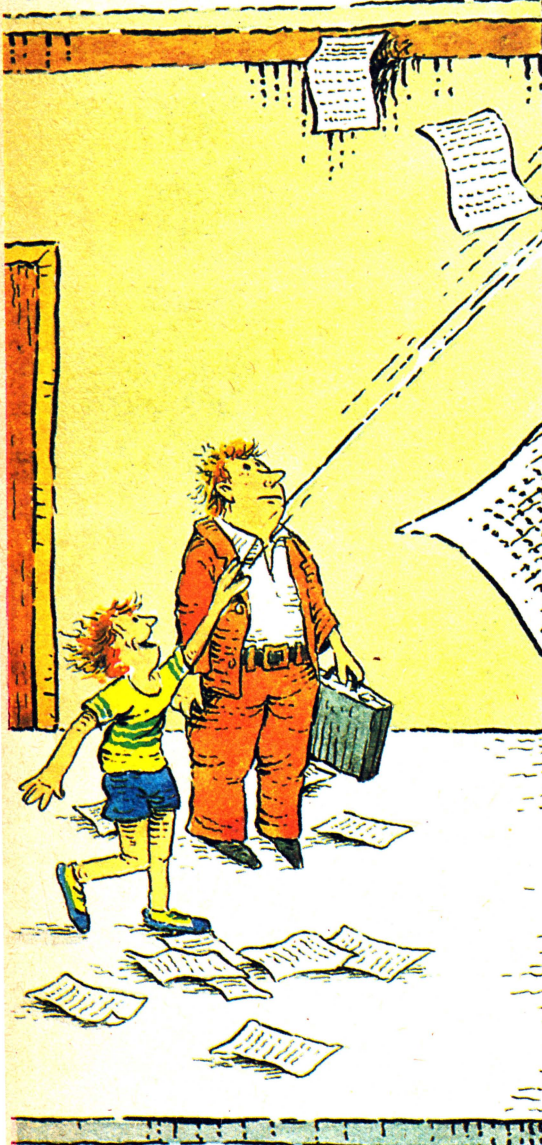
Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

Муки творчества

Елена Кононченко

Рисунок
Сергея Айнутина

Я никогда не мечтала стать журналистом, а тем более писателем и, конечно, знала, что все писатели — люди несомненно талантливые, трудолюбивые. Без этого им нельзя. Ну а я не обладаю ни тем, ни другим.

Мой брат — полная моя противоположность. Он мечтает стать журналистом с пеленок, а еще мечтает со временем перерасти из журналиста в писателя и, возможно, даже в члена Союза писателей.

Вот он целиком поглощенписанием повести. Для осуществления своего замысла он взял в прокате пишущую машинку. Но дело продвигается крайне медленно. Поэтому на меня брат возложил определенные обязанности: проверять и, по возможности, перепечатывать страницы.

Перепечатывая в третий раз листок машинописного текста, я заметила неточность в рассказе:

— У тебя главный герой ходит в садик?

— Да, конечно.

— Тогда почему все происходит у него дома? Он же должен быть в детском саду?

— Да, ты права, тогда пусть он уже ходит в школу, ведь у нас школьников, летом каникулы.

— Но школьник никогда не станет делать того, что делает, не понимая, дошкольник.

— Ладно, не печатай. Я разберусь с ним...

В период вдохновения он готов оставить потомству большое литературное наследие. Среди ночи он вдруг вскакивает со словами:

— Идея! Надо срочно записать! — и записывает очередной сюжет, чтобы оставить его на потом (на доработку).

В этот период прибавляется работа и мне — по проверке и перепроверке.

— Проверь, пожалуйста, заключительную главу, — говорит брат.

— Я уже проверила, вот она.

— Как, в первом же предложении четыре ошибки?! А я так старался писать грамотно...

Периоды вдохновения сменяются у него резким падением работоспособности. Тогда идет мучительная и медленная корректировка уже имею-

щегося материала.

— Тут что-то не то! Ну что ты села рядом? Ты меня отвлекаешь. Отойди! Все мои неудачи только из-за тебя!

Через полчаса его настроение меняется:

— Ты не можешь помочь брату? Перепечатай бы что-нибудь.

— Ты сам сказал, что я тебе мешаю, из-за меня тебе ничего не идет на ум.

— Но у меня осталось только немного доделать. Ты должна поддерживать брата в трудную минуту. Показать мне что-нибудь.

Сажусь за пишущую машинку, гляжу в рукопись.

— У тебя все перечеркнуто, что же печатать?

— Где?.. Да, здесь надо менять. Оставь, я доработаю.

Перепечатываю другую «готовую» вещь.

— У тебя написано, что Костик не ходит еще в школу, а в другой главе, следующей, он уже в третьем классе.

— Ты меня не путай! Костик просто вырос.

— Быстро же он у тебя растет за один год!

— Ладно, давай сюда, я переделаю.

...Постепенно втягиваюсь в процесс творчества. Стремление проявить себя перестало от брата и мне. Я взяла несколько листов из пачки «Бумага писчая потребительских форматов» и напечатала то, что вы прочли.

Первым читателем, конечно, стал он — мой брат. Признав критику в свой адрес справедливой, он сказал:

— Все хорошо, но я думаю, надо бы еще что-то добавить. Давай я помогу тебе доработать.

— Ну, нет! Мне соавтора не надо, это во-первых, во-вторых, я у себя сама найду, что добавить и, если надо, изменить. А за совет — спасибо!

И вот, добавив строки о реакции брата на мою вещь, — конечно же, еще очень сырую, — предлагаю ее вниманию читателей. Что касается моего брата, он сейчас пишет роман.

УРАЛ — КРАЙ НОВОСТРОЕК
Ю. Буданов, г. Свердловск.

НАМ НУЖЕН МИР!
И. Павлов, г. Свердловск.

ПЛАКАТ

ВСЕ, ЧЕГО МЫ ДОСТИГЛИ...
П. Никулин, г. Свердловск.

ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА СОЗИДАНИЯ!
П. Никулин, г. Свердловск.

6-я ЗОНАЛЬНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА
«УРАЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ» в г. Свердловске.

